

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1982

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Сответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Р. Г. СИБАГАТОВ

ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Возникновение понятия полупредикативности непосредственно восходит к такому языковому явлению, как второстепенное сказуемое. Термин «второстепенное сказуемое» употребил А. А. Потебня, назвав так деепричастие, «входящее в состав сказуемого или прямо примыкающее к подлежащему»¹. Различные типы второстепенного сказуемого описаны на материале русского языка А. А. Шахматовым. Второстепенное сказуемое, по его определению, — это слово, «относящееся непосредственно к подлежащему по смыслу и связанное с ним грамматически», «но принадлежащее другому, чем подлежащее, составу», то есть составу (группе) сказуемого². Например, в предложениях: 1) *Протопоп Савелий стоял строгий и дрожащий от гнева и одышки*; 2) *Она, не чинясь, села за фортепиано* в качестве второстепенного или, иными словами, второго, зависимого, дополнительного сказуемого А. А. Шахматовым выделены члены предложения, выраженные прилагательным *строгий*, причастием *дрожащий*, деепричастием *не чинясь*.

Эти члены предложения имеют двойную связь: с одной стороны, будучи зависимым членом при основном сказуемом, а с другой — находясь в определенных отношениях с подлежащим. Если на основании связи с главным сказуемым их можно рассматривать в качестве второстепенных членов предложения, то на основании их связи с подлежащим они могут быть квалифицированы уже как особое синтаксическое явление — второстепенное сказуемое.

Именно отношение между подлежащим и второстепенным сказуемым стало рассматриваться в лингвистике как полупредикативность³. В основе выделения этой специфической категории предложения лежит в сущности очень простая логика: если считать, что отношение между

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. М., 1958, стр. 185.

² А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 221.

³ А. М. Пешковский ввел термин «полупредикативный» для описания сочетания спрягаемого глагола (сказуемого) с существительным в творительном падеже типа: *служил капитаном, работала закройщицею*. Второй компонент таких словосочетаний А. М. Пешковский назвал «творительным полупредикативным», имея в виду также то, что в этом случае существительное в творительном падеже «относится не только к сказуемому, но и к подлежащему» (см.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 236, 237).

подлежащим и собственно сказуемым образует основную, полную предикативность предложения, то отношение между тем же подлежащим и второстепенным сказуемым вполне может быть расценено как неосновная, неполная предикативность, то есть полупредикативность.

Изучение полупредикативности в тюркских языках только начинается, хотя неполная предикативность упоминается давно и довольно часто, главным образом в связи с описанием синтетических придаточных предложений⁴. Вопрос о полупредикативности на материале простого предложения тюркских языков был впервые поставлен А. А. Юлдашевым. Изучая тюркское деепричастие на синтаксическом уровне, А. А. Юлдашев приходит к выводу, что деепричастие не только в сложном, но и в простом предложении «вне всякого сомнения является сказуемым». Это доказывается, по его словам, прежде всего «действенной связью деепричастия с подлежащим, которую оно неизменно обнаруживает как в простом, так и в сложноподчиненном предложении»⁵. Например, в предложении башкирского языка *Ул кулдарын һелтэй-һелтэй килешһез, итеп югерә* 'Размахивая руками, он бежит неуклюже' деепричастием *һелтэй-һелтэй* 'размахивая', по мнению А. А. Юлдашева, выражено вполне самостоятельное действие субъекта, сопутствующее его основному действию, выраженному личной формой глагола *югерә* 'бежит'. Такое деепричастие, традиционно рассматриваемое как обстоятельство, А. А. Юлдашев называет второстепенным сказуемым. В функции второстепенного сказуемого, по его мнению, употребляются все формы деепричастий. Они, вступая в отношение с подлежащим, образуют в простом предложении дополнительное предикативное ядро.

Здесь важным следует признать то, что сказуемостный характер деепричастных форм подтверждается не только их семантическим примыканием к подлежащему. Они при этом характеризуются и с точки зрения модально-временных (сказуемостных) категорий; хотя деепричастие, как известно, не содержит указаний на время в морфологическом плане (вне контекста), его отношение к другому (основному) глаголу в предложении, по выражению Н. К. Дмитриева, «характеризуется понятием времени»⁶. Другими словами, время деепричастия определяется опосредствованным, синтаксическим (а не морфологическим) путем. Рассматривая деепричастие башкирского языка, Н. К. Дмитриев указал на несколько временных значений его (одновременность с основным действием, предшествование ему и еще некоторые другие оттенки)⁷. Временные характеристики синтаксического употребления турецкого деепричастия даны А. Н. Кононовым. Он, в частности, выделяет два временных значения формы на *-(y)ip*: предшествование и одновременность. Причем, А. Н. Кононов называет форму на *-(y)ip* в последнем временном значении однородным сказуемым и приравнивает ее к сказуемому, выраженному личной формой глагола⁸. Описывая деепричаст-

⁴ Относительно синтетических придаточных предложений, например, Н. З. Гаджиева пишет, что «здесь есть и доля предикативности». См.: Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 236. М. З. Закиев называет эти предложения «конструкциями с некоторыми признаками предикативности». См.: «Современный татарский литературный язык (Синтаксис)». М., 1971, стр. 171.

⁵ А. А. Юлдашев. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, стр. 153.

⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 187.

⁷ Там же, стр. 187 — 188.

⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 474 — 475.

ные формы саларского языка, Э. Р. Тенишев обращает внимание на осложненность временных значений деепричастия: здесь паряду с оттенком внезапности, присутствуют также и оттенки постепенности, длительности, многократности⁹. В целом принимается, что в синтаксическом употреблении деепричастия — второстепенного сказуемого, обнаруживается его «соотнесенность и согласованность с последующим личным глаголом»¹⁰.

Таким образом, полупредикативность, определяемая на основе выделения второстепенного сказуемого, — это такое же двучленное, содержащее модально-временные характеристики отношение, как и полная предикативность. Эти два проявления предикативности в логико-семантическом плане однотипны. Различие состоит лишь в языковых способах их выражения. Полупредикативность выражается частью предложения и характеризует только его часть, тогда как полная предикативность охватывает предложение в целом. Полупредикативная конструкция не обладает грамматической самостоятельностью: 1) второстепенное сказуемое не имеет собственного подлежащего, его подлежащее является общим с основным сказуемым; 2) модально-временные характеристики второстепенного сказуемого определяются по его отношению к грамматической форме основного сказуемого.

Указанные признаки полупредикативных конструкций мы берем за основу наших дальнейших разработок. При этом мы учитываем, что явление полупредикативности в тюркских языках не ограничивается сферой употребления деепричастных форм, хотя они, возможно, и являются наиболее характерными. Глагольных (или отглагольных) форм, выступающих в функции второстепенного сказуемого, в тюркских языках гораздо больше, чем, скажем, в русском языке.

Дискуссионной проблемой в тюркологии, является синтаксический статус членов предложения, выраженных глаголами условного наклонения. Одна группа лингвистов (И. А. Батманов, Н. А. Баскаков, Б. А. Серебренников, М. Ш. Ширалиев), исходя из того, что условные глаголы спрягаются по лицам, квалифицирует их как сказуемое придаточного предложения¹¹. Другая группа лингвистов (В. Н. Хангильдин, М. З. Закиев, Г. Г. Сантбатталов и др.)¹², рассматривая синтаксическое употребление глаголов условного наклонения, равно как и употребление причастий, деепричастий, имен действия, выделяет два случая: 1) Член предложения, выраженный глаголом условного наклонения, имеет самостоятельное подлежащее (или самостоятельное действующее лицо). В этом случае он квалифицируется, как сказуемое придаточного предложения, например: *Син кил сәң мин каршы алырмын* 'Если ты придешь, я встречу'. 2) Этот же член предложения не имеет самостоятельного подлежащего (действующего лица). В этом случае его относят к числу второстепенных членов (обстоятельств), например: *Мин барсам курермен* 'Я увижу, если пойду'.

⁹ Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976, стр. 177 — 180.

¹⁰ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 154, 188, 205.

¹¹ И. А. Батманов. Очерк синтаксиса узбекского языка. Ташкент, 1933, стр. 65; см. выступления Н. А. Баскакова, Б. А. Серебренникова, М. Ш. Ширалиева на совещании по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», Алма-Ата, 1958.

¹² В. Н. Хангильдин. Татар теле грамматикасы. Казань, 1959, стр. 467 — 473; 591 — 596; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 275 — 279; F. F. Сәйтбатталов. Башкорт теленең ябай һөйләм синтаксисе. Өфө, 1972, стр. 144 — 152; его же. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961, стр. 155 — 156.

Таким образом, первая группа тюркологов признает сказуемый характер глаголов условного наклонения во всех случаях их употребления в предложении, но не дифференцирует их. Другая группа подходит к оценке рассматриваемого явления дифференцированно, но в конечном итоге отрицает сказуемый характер части случаев. Данное расхождение во мнениях, на наш взгляд, может быть преодолено, если признать реальность именно такого явления, как второстепенное сказуемое. Здесь важно согласиться с тем, что глаголы условного наклонения, за редким исключением, выполняют синтаксическую функцию либо сказуемого сложноподчиненного предложения, либо второстепенного сказуемого простого предложения. Эти глаголы в функции сказуемого сложноподчиненного предложения имеют самостоятельное подлежащее (или самостоятельное действующее лицо), а в функции второстепенного сказуемого простого предложения — относятся к тому подлежащему (действующему лицу), к которому относится и основное сказуемое. Такое решение, видимо, приемлемо с обеих точек зрения: здесь, с одной стороны, учитывается сказуемый характер условного глагола во всех случаях его употребления и, с другой — подтверждается необходимость дифференциации в связи с неидентичностью синтаксических позиций данного сказуемого.

В том случае, когда члены предложения, выраженные глаголами условного наклонения, причисляются к разряду обстоятельств, явно игнорируется двусторонний характер связи этих членов, так как учитывается лишь одна из двух связей, а именно связь их с основным сказуемым. Однако, нельзя не видеть, что члены простого предложения, выраженные глаголами условного наклонения, вступают в соответствующее отношение с подлежащим, и это не просто смысловое отношение, ибо оно закрепляется также согласованием в лице. При этом нельзя не обратить внимания на отношение глаголов условного наклонения ко времени. Говоря о трех случаях условного периода, А. Н. Кононов пишет, что «каждый из этих случаев характеризуется строгой согласованностью времен»¹³. Д. Г. Тумашева считает, что глагольная форма на *-са/-сә* в татарском языке является универсальной во временном отношении: «В зависимости от контекста и формы основного глагола она может выражать условие, относящееся к настоящему, будущему и прошедшему времени»¹⁴. Некоторые ученые обращают внимание также на то, что условный глагол, наряду с временными значениями, может выражать различные модальные значения (реальное, нереальное, предположительное)¹⁵.

Все признаки второстепенного сказуемого характерны для синтаксического употребления причастий с различными аффиксами и послелогами. Например: *барганда, барган саен, барган хәлдә* и т. д. Все эти словоформы одновременно вступают в отношение как с подлежащим, так и с основным сказуемым простого предложения. Например: *Зәйнәпбану, аякларың киң жәеп баскан килеш, бер чалдыруда әллә никадәр алдырып ура да башлады* (Г. Бәширов) 'Зейнапбану, широко расставив ноги, начала жать, захватывая каждым своим размахом довольно большую площадь'. (Ср.: связь второстепенного сказуемого с подлежащим: *Зәйнәпбану баскан килеш*; связь второстепенного сказуемого с основным сказуемым: *баскан килеш ура башлады*).

¹³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 413.

¹⁴ См.: «Современный татарский литературный язык (Лексикология, фонетика, морфология)». М., 1969, стр. 240.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 168; Э. Р. Тенишев. Указ. раб., стр. 165.

Вопрос об отношении причастия на *-ган* ко времени разработан С. Н. Ивановым на материале узбекского языка. Он доказывает, что время причастия на *-ган* относительно, оно, как и время деепричастия и условного глагола, приобретает синтаксически, то есть определяется по отношению ко времени основного глагола-сказуемого. Причастие на *-ган*, относящееся к морфологическому прошедшему, в зависимости от условий синтаксического употребления может иметь и любое другое временное значение¹⁶. Здесь важно то, что рассматриваемая форма глагола способна выражать время во всех синтаксических функциях, в том числе и в функции обстоятельства — второстепенного сказуемого.

Наряду с деепричастными и причастными формами в функции второстепенного сказуемого выступает такая неличная форма глагола, как имя действия. Например, *Галима апа, атасының сүзләрен ишетү белән, мичкә таба сырышты, калтырана башлады* (М. Гафури) 'Галима-апа, как только услышала слова отца, приняла к печи и стала дрожать'. (Ср.: связь второстепенного сказуемого с подлежащим: *Галима апа ишетү белән*; связь второстепенного сказуемого с основным сказуемым: *ишетү белән сырышты*).

Временная определенность имен действия в предложении также отмечалась в научной литературе. Например, указывалось, что формы *-уга, -у белән* обозначают действие, предшествующее основному.

Таким образом, реальность такого члена предложения, как второстепенное сказуемое, вступающего в отношение с подлежащим и синтаксически выражающего модально-временные значения, создает условия для дополнительной предикации в простом предложении.

Оформление полупредикативной конструкции завершается после актуального членения предложения.

Примечательно, что актуальное членение предложений со второстепенным сказуемым характеризуется в татарском языке довольно заметной устойчивостью, хотя и нельзя говорить о полном единообразии. Второстепенное сказуемое вместе с основным сказуемым образует сочетание, выражающее новое (предикат). Подлежащее, или группа подлежащего, выступает в функции данного (субъекта). Например: *Шәһәрне үз кулына алган пролетариат, беренче көннән үк жиң сызганып, Советлар тезу эшенә кереште* (Ш. Усманов) 'Пролетариат, взявший в свои руки город, с первых же дней, засучив рукава, приступил к строительству Советов'. Здесь данное (субъект) — *шәһәрне үз кулына алган пролетариат*; новое (предикат) — *беренче көннән үк жиң сызганып, Советлар тезу эшенә кереште*. В функции нового (предиката) выступает сочетание основного сказуемого со второстепенным сказуемым. Причем каждое из них выделяется интонационно (логическим ударением). Здесь два логических центра, один из которых является основным (*тезу эшенә кереште*), а другой — дополнительным (*жиң сызганып*). Оба вступают в предикативное отношение с подлежащим (субъектом).

Структуру данного предложения со второстепенным сказуемым можно записать в виде следующей символической схемы: $S(N_1) — P(Y_{ип} + Y_f)$, где S — субъект, P — предикат, в скобках указаны грамматические формы слов, выражающие их: N_1 — имя существительное в основном падеже (или другое слово, выступающее в роли такого существительного); Y — глагольная основа, после которой приводится аффикс; Y_f — спрягаемый глагол.

¹⁶ С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. М., 1959, стр. 14 — 22, 109 — 128 и др.

Приведем теперь наиболее часто встречающиеся в татарском языке структурные схемы простого предложения со второстепенным сказуемым, вступающим в дополнительное предикативное отношение с подлежащим. (При этом второстепенные члены предложения, относящиеся к главным членам, в том числе и ко второстепенному сказуемому, в схему не вводятся. Дается лишь один из фонетических вариантов формы второстепенного сказуемого, а именно — на твердый гласный и звонкий согласный). В данном случае мы основываемся на том, что одно лишь различие форм (аффикса, послелого) второстепенного сказуемого, выраженного одним и тем же разрядом глагола, не является достаточным основанием для образования особой структуры. Поэтому в каждой структурной схеме объединяются формы предложений, составляющие одну общую парадигму.

Структурная схема предложений со второстепенным сказуемым, выраженным деепричастием.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{мыйча} + Yf)$, являющаяся вариантом формы $S(N_1) - P(Y \text{ып} + Yf)$, приведенной выше. *Кешеләр, өс киемнәрен дә салып тормыйча, тиз-тиз суга кереп киттеләр* (Г. Гобәй) 'Люди, даже не раздевшись, быстро вошли в воду'.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{гач} + Yf)$. *Халидә, бу хәбәрне ишеткәч, ни эшләргә дә белмәде* (М. Гафури) 'Халида, услышав эту новость, не знала даже, что делать'.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{а-а} + Yf)$ или $S(N_1) - P(Y \text{ый-ый} + Yf)$. *Ә мин, Кадрияне сөя-сөя, аның көндәлеген язам* (Г. Кутуй) 'А я, лаская мою Кадрию, пишу ее дневник'.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{ганчы} + Yf)$. *Ул, институтка кергәнче, заводта эшләгән* (из газеты) 'Он до поступления в институт работал на заводе'.

Структурная схема предложений со второстепенным сказуемым, выраженным глаголом условного наклонения.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{са} + Yf)$. *Эт симерсә, иясен тешли* (Пословица). 'Ожиревшая собака кусает хозяина'. Второстепенное сказуемое, выраженное глаголом условного наклонения, может иметь все три формы лица единственного и множественного числа.

Структурная схема предложений со второстепенным сказуемым, выраженным причастием.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{ганда} + Yf)$. *Габделнасыр эфәнде исә, Әхмәди байга кунак булып барганда, Казандагы мажаралар... турында әйләмәккә тырашадыр иде* (З. Бигиев) 'Табдулнасыр-эфэнди старался не говорить о событиях в Казани, когда он бывал в гостях у богача Ахмади'.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{ган арада} + Yf)$. *Халисә, өстен алышкан арада, тиздән бик кадерле кунак киләсен әйтте* (Р. Төхфәтуллин) 'Халиса, переодеваясь, сказала, что скоро придет очень дорогой гость'.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{ганга күрә} + Yf)$. *Мин дә, ачык йөзләрне күптән күрмәгәнгә күрә, эчмәнән бик шатланган идем* (Г. Тукай) 'Я тоже очень обрадовался, так как давно не видел приветливых лиц'.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{ганлыктан} + Yf)$. *Бу хәл, алгы кырыйдагы солдатлар өчен бик гадил бер вакыйга булганлыктан, Газинурны да бик аз дулкынландырды* (Г. Әпсәләмов). 'Это событие, будучи совершенно обыденным для солдат передовой линии, очень мало тронуло и Газинура'.

Форма $S(N_1) - P(Y \text{гандай} + Yf)$. *Барысы бергә, сүз куешкандай, Лотфулла агайның аларга әйбәт бер озату сүзе әйтүен сорадылар* (Г. Ахунов). 'Все вместе, будто договорившись, просили, чтобы Лотфулла-агай сказал им хорошее прощальное слово'.

Форма $S(N_1) — P(Y \text{ рдай сыман} + Yf)$. *Фәхри бабай, халыкны ашар-дай сыман, тирә-ягына карап алды* (М. Гафури) 'Фәхри-бабай осматривался вокруг с жестоким презрением'.

Форма $S(N_1) — P(Y \text{ мастан} + Yf)$. *Бу кешеләр, озын-озак уйлап тор-мастан, булмаңең бер почмагына ширма корып куйдылар* (Г. Ахунов). 'Эти люди, недолго думая, соорудили ширму в одном углу комнаты'.

Форма $S(N_1) — P(Y \text{ мас өчен} + Yf)$. *Ул, йоклап яткан сеңлесен уятмас өчен, сакланьп кына алгы булмаға үтте* (С. Әдһәмова) 'он не хотел разбудить спавшую сестру, поэтому прошел в переднюю комнату осторожно'.

Структурная схема предложений со второстепенным сказуемым, выраженным именем действия.

Форма $S(N_1) — P(Y \text{ уга} + Yf)$. *Малай исә, ысылдык казларны күрү-гә, кулындагы тал чыбыкны бик батыр айкый-чайкый, һөжүмгә ташла-на* (Р. Төхфәтуллин) 'А мальчик, как только увидел шипящих гусей, бросился в наступление, смело размахивая ивовым прутиком, который он держал в руке'.

Форма $S(N_1) — P(Y \text{ у бөлән} + Yf)$. *Алар, иртәнге саф һавада шау-лашып авылны чыгу бөлән, ирман ягына киттеләр* (С. Әдһәмова) 'Как только вышли из деревни, оглашая возгласами утренний свежий воз-дух, они отправились в сторону леса'.

Форма $S(N_1) — P(Y \text{ ышлый} + Yf)$. *Айзат кабул иту булмаһенә утешли, кичәге «якташын» күрәп, ихтыярсыз тукталды* (Г. Мөхәммәт-шин) 'Айзат, проходя в приемную, увидел вчерашнего «земляка» своего и невольно остановился'.

Таким образом, во всех приведенных выше случаях, указана дву-составность предиката. Он выражен сочетанием основного сказуемого со второстепенным сказуемым. Однако для того, чтобы говорить о на-личии двух самостоятельных предикатов, на наш взгляд, нет достаточ-ных оснований. Одно из сказуемых (второстепенное) включается в группу другого (основного) сказуемого, хотя каждое из них способно вступать в непосредственное отношение с подлежащим (субъектом). Здесь можно говорить только о расчлененности единого предиката на неравноценные части.

Следует отметить, что полупредикативность выражается не только описанными выше способами, важно также и то, что полупредикативное отношение возникает не обязательно только на базе второстепенного сказуемого. Остановимся на особом случае выражения полупредика-тивности или дополнительного предикативного отношения в простом предложении татарского языка, осуществляющегося с помощью изафе-та. Это можно наблюдать в оборотах типа: *аның кайтуы, аның кайтка-ны, аның кайтачагы, аның кайтыры, аның кайтысы* 'его воз-вращение'. Первой частью таких словосочетаний (именем в при-тяжательном падеже) обозначается действующее лицо, субъект, пред-мет, а второй частью (именем действия и формой причастия с аффик-сом принадлежности) — действие, состояние. Употребление этих кон-струкций в предложении носит анафорический характер: они по содержанию заменяют одно из предыдущих предложений или отзы-лают к уже известной или подразумеваемой ситуации. Тем самым эти конструкции заменяют целое предложение. Их можно назвать сверну-тыми предложениями, включенными в состав самостоятельной комму-никативной единицы. Например: *Аны Хөсәен үзе каршы алмады... Әлбәттә, Хөсәеннең үзен каршы ала алмавы сның өчен бик табигый бер хәл иде* (А. Расих) 'Ее встретил не сам Хусаин... Конечно, то, что, ее не смог встретить сам Хусаин, для нее было вполне естественным'.

(Ср.: в первом предложении: *Хөсәен каршы алмады*; во втором предложении: *Хөсәеннең, каршы ала алмавы*). Коммуникативный центр (сочетание подлежащего со сказуемым) первого предложения переходит во второе предложение как его часть, или, иначе говоря, происходит транспонирование подлежащно-сказуемостной конструкции в словосочетание. Причем важно то, что эта часть предложения (*Хөсәеннең каршы ала алмавы*) сохраняет свое отношение ко времени (прошедшее время), хотя здесь нет его морфологического указателя. Транспонированная конструкция вследствие анафоричности ее употребления по временной характеристике согласуется с исходным предложением.

Причастные конструкции (*аның кайтканы, аның кайтачагы, аның кайтыры*) имеют морфологически выраженное время (прошедшее и будущее). Их морфологическое время во многих случаях соответствует времени исходного (транспонируемого) предложения. Например: *Гражданин Нури Вафин... теңә ярдан очып төшөп һәләк булган...* *Суд тикшерүчесе ике сүз белән генә Нури Вафинның нинди шартларда үлгәнлеген айтте* (М. Хәсәнов) 'Гражданин Нури Вафин погиб, упав с высокого берега... Судебный следователь в двух словах рассказал, в каких условиях погиб Нури Вафин'. Здесь обе сопоставляемые конструкции (*Нури Вафин һәләк булган — Нури Вафинның үлгәнлеге*) имеют форму прошедшего времени. В отдельных случаях морфологически выраженное время причастия на *-ган* (прошедшее время) нейтрализуется и время полупредикативной причастной конструкции определяется главным образом по анафории. Например: *Укучы балалар көче белән мәктәп күләнәдә кулъязма журнал чыга икән...* *Аның чыкканын түзәмсезлек белән көтөп алабыз* (М. Әмир). 'В школе, оказывается, силами учащихся выпускается рукописный журнал. Его выпуска ждем с нетерпением'. Конструкция *аның чыкканын*, имеющая форму прошедшего времени, в действительности его не выражает. Ее время соответствует так называемому настоящему постоянному, которым характеризуется сказуемое исходного предложения (*чыга икән*). Здесь, по всей видимости, также действует принцип соотносительности и согласованности причастной формы с основным глаголом-сказуемым, о котором говорилось выше.

Причастия в форме морфологического будущего на *-чак/-чәк/-ыр/-ер, -асы-әсе* сохраняют это значение и в синтаксическом плане.

Таким образом, противопоставление в названных оборотах двух частей, соответствующих по содержанию подлежащему и сказуемому одного из предыдущих предложений, и модально-временная определенность их, несомненно, включают эти развернутые члены в ряд полупредикативных конструкций простого предложения.

В заключение хотелось бы сделать несколько, как нам кажется, существенных дополнительных замечаний.

1. Выше были описаны случаи расчлененного (двучленного) выражения полупредикативности. Некоторые лингвисты двучленность или двухкомпонентность полупредикативных конструкций считают одним из основных их признаков¹⁷. При рассмотрении полупредикативности на материале двучленных конструкций, нет, думается, необходимости ограничивать ее выражение случаями противопоставления двух лексических частей. Есть основание утверждать, что дополнительная предикативность, как и основная, может быть выражена и одним членом. Это можно видеть, во-первых, тогда, когда предложение, в котором функционирует второстепенное сказуемое, не имеет лексически выраженного

¹⁷ А. А. Камынина. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. М., 1974, стр. 31.

подлежащего, то есть является односоставным личным или безличным. Например: *Яшьлеңдә күп тырышсаң эшкә бирсәң чын күңел, каршыларсың, картлыгыңны бик тыныч һәм бик жиңел* (Г. Тукай) 'Если в молодости будешь старательным, со всей душой отнесешься к труду, то встретишь свою старость очень спокойно и очень легко'. Во вторых, первая часть (субъект) глагольно-именных конструкций изафетного типа иногда также отсутствует, на него указывает лишь форма лица второй части. Например: *(Һәдия) озынча өстәлнең ишек катындагы башына килеп утырды*. Тикмәгә генә утырмавы йөзәнә чыккан (М. Хәсәнов). '(Гадия) присела к длинному столу, поближе к двери. То, что присела не зря, было видно по ее лицу'. Здесь транспонировано сказуемое первого предложения (ср.: *килеп утырды — тикмәгә генә утырмавы*), но не транспонировано его подлежащее, на которое указывает форма 3-го лица транспонированного числа. В результате этот член по содержанию заменяет коммуникативный центр первого предложения.

2. Уместно внести уточнение в связи с нашей апелляцией к вопросу о второстепенном сказуемом как члене полупредикативного отношения. Понятно, что всякая постановка вопроса о второстепенном сказуемом вступает в некоторое противоречие с традиционным, общепринятым членением простого предложения, если это сказуемое рассматривать в качестве самостоятельного синтаксического члена. Следует исходить из того, что второстепенное сказуемое — явление промежуточное. Это — обстоятельство, близкое по своему синтаксическому положению основному сказуемому. Выделение такой промежуточной категории не ведет к необоснованному пересмотру традиционного членения предложения, а еще более углубляет наши знания о границах и взаимоотношении синтаксических членов. Опираясь на эту категорию можно полнее раскрыть предикативную структуру большой группы простых предложений.

3. Положение о выражении полупредикативности в простом предложении, на первый взгляд, как будто ведет к размыванию границ между деепричастными, причастными и другими глагольно-именными оборотами, с одной стороны, и придаточными предложениями синтетического типа — с другой. В действительности же это может произойти только тогда, когда их различение будет основано лишь на противопоставлении по признаку «выражает предикативность или не выражает ее». По способности выражать предикативность названные обороты простого предложения и придаточные предложения синтетического типа, по всей видимости, различаться не могут. И этот вопрос при современном уровне изученности тюркского синтаксиса едва ли может вызывать споры. На полупредикативный характер, например, интонационно и логически выделяемых оборотов простого предложения указывает в той или иной форме все более широкий круг тюркологов, хотя термин «полупредикативный» и не всегда при этом употребляется. По словам А. Н. Кононова, развернутое обстоятельство, выраженное деепричастием, является вторым или второстепенным центром предложения¹⁸. Э. Р. Тенишев, говоря об одной разновидности второстепенного обособленного оборота, отмечает, что эта конструкция «приобретает оттенок добавочного сообщения»¹⁹. Ю. Д. Джанмавов пишет, что обособленные

¹⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 474.

¹⁹ Э. Р. Тенишев. Указ. раб., стр. 220.

деепричастия и деепричастные обороты отличаются относительно большей смысловой самостоятельностью и «становятся как бы полупредикативными»²⁰. Ш. Р. Сайкин и некоторые другие татарские лингвисты также разделяют мнение о полупредикативном характере обособленных оборотов²¹. Различие сопоставляемых оборотов и придаточных предложений заключается в способах выражения в них предикативности и, пожалуй, в степени проявления данного признака.

4. Одновременно возникает вопрос о роли обособления в выражении полупредикативности. Обособление членов предложения, сопровождаемое интонационным, а, значит, и логическим выделением их, имеет непосредственное отношение к выражению добавочного сообщения в предложении. Но преувеличивать значение обособления и тем более считать его основным условием выражения полупредикативности было бы неправильным. Второстепенное сказуемое (одно или вместе с относящимися к нему словами) может обособляться и может не обособляться, но в любом случае оно образует в предложении дополнительное, зависимое предикативное ядро. Что касается оборотов изафетного типа (*аның кайтуы, аның кайтканы, аның кайтачагы*), то они, выражая полупредикативность, тем не менее, как правило, не обособляются.

5. Наконец, в свете изложенного требует уточнения сущность самого термина «полупредикативная конструкция». Его традиционное содержание не полностью схватывает состав названной конструкции, так как сосредоточивает внимание лишь на одной (второй) части ее — на обособленном члене (обороте) предложения. Между тем полупредикативная конструкция, возникающая на базе второстепенного сказуемого, включает в себя и подлежащее, общее с основным сказуемым, если это подлежащее, конечно, лексически выражено. Нельзя говорить о синтаксической конструкции, выражающей полупредикативное отношение, игнорируя один из членов данного отношения. Полупредикативная конструкция не ограничивается рамками второстепенного оборота. Этот оборот образует полупредикативную конструкцию, конструкцию более высокого ранга, вступая в соответствующие отношения с подлежащим.

Таким образом, привычная формула: «одно простое предложение — одна предикативность» не совсем точно отражает действительное положение вещей. В простом предложении может быть не одно, а два или несколько неравноценных как по грамматической структуре, так и по коммуникативной значимости предикативных ядер. Одно предикативное ядро входит частью в другое и, наоборот, одно предикативное ядро включает в себя другое, что, в конечном итоге, приводит к ступенчатому, разностепенному выражению предикативности в большой группе простых предложений.

²⁰ Ю. Д. Джанмавов. Деепричастие в кумыкском литературном языке. М., 1967, стр. 227.

²¹ Ш. Сайкин. Синтаксик төзөлмөлөрсөң аерымлануы, аның кыен очраклары. Казан, 1980, стр. 55 — 57.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. Н. ХОЛМУРАДОВ

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Сложившиеся в древности и развивавшиеся на протяжении многих веков тесные экономические и культурные контакты узбекского и таджикского народов способствовали углублению их языковых связей, что нашло особенно заметное отражение в лексике узбекского и таджикского языков.

Как известно, влияние одного языка на другой на начальных этапах их контактирования ограничивается единичными лексическими заимствованиями, со временем же этот процесс все более усиливается. А. К. Боровков, касаясь вопроса о взаимодействии таджикского и узбекского языков, писал: «Взаимодействие узбекского и таджикского языков наблюдается как в области словарного состава, так и в области словообразования»¹.

Словообразовательные элементы таджикского языка впервые были заимствованы узбекским в составе целых слов и их сочетаний. Заимствованные словообразовательные аффиксы стали на узбекской почве широко участвовать в образовании новых слов из узбекских основ, прежде всего сложных слов из основ существительных и глаголов. Заимствованные из таджикского языка элементы словообразования подразделяются на две группы: 1) суффиксы и суффиксоиды (-ona, -anda, -kunanda, -iston, -zor, -gox, -kor, -kar, -mand, -or, -sumon, -čil, -vor, -ij, -vij, -a, -o, -ija, -ijat, -ot, -zoda, -xona, -noma, -obod, -boz, -dor, -kaš, -paz, -soz, -doz, -taroš, -xor, -poš, -parast, -parvar, -šunos, -poja, -bin, -ron, -guj и т. д.); 2) префиксы и префиксоиды (be-, ba-, bar-, dar-, nim-, no-, sar-, ser-, xuš-, xam-, jak-, çajri-, alla-, aks- и др.).

Многие ученые полагают, что префиксальный способ словообразования не свойствен агглютинативным языкам, а понятия префикс, суффикс и даже инфикс для этих языков неприемлемы и вполне достаточно использовать один общий термин «аффикс»². Ряд исследователей отрицает наличие префикса в тюркских языках³. В историческом аспекте эти положения справедливы, но в применении к современному узбекскому языку они уже устарели.

¹ А. К. Боровков. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского народов. — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», том IV. М., 1952, стр. 165—200.

² См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1947, стр. 42.

³ См.: Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1954, стр. 5, 26; А. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Аффиксия. Ч. I. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1955, стр. 28.

Говоря о наличии префиксов, участвующих в образовании слов в узбекском языке, С. Усманов отмечает, что в последнее время вспомогательная морфема-префикс стала участвовать в образовании прилагательных. В словах *seruv*, *serkuōš*, *beboš*, *potoyri*, *poərin*, *notinč*, *bakuvvat* перед корневыми морфемами имеются элементы *be-*, *ser-*, *no-*, противостоящие по занимаемому положению в слове аффиксам *-li*, *-dor*, *-siz*, следующим за корневой морфемой в словах *suvli*, *xabardor*, *bošsiz*, *orinsiz*, *suvsiz*. «Такие аффиксы, — пишет С. Усманов, — необходимо отличать от других словообразовательных морфем, присвоив первым название “префикс” (приставка), а вторым — “суффикс”. Поэтому и в индоевропейских, и в тюркских языках возможность для употребления терминов “префикс”, “суффикс” почти одинакова. Употребление терминов “аффикс”, “суффикс”, “приставка” вполне оправдано и необходимо»⁴.

В «Морфемном словаре узбекского языка»⁵, наряду с другими значимыми частями слова, элементы, предшествующие корню, то есть препозитивные словообразующие аффиксы, выделяются под названием «префикс» (*anti-*, *super-*, *ultra-*, *foto-*, *avia-*, *auto-*, *ober-*, *pan-*, *re-*, *eks-*, *bi-*, *giper-*, *gipo-*, *kontr-*, *mikro-*, *mono-*, *be-*, *no-*, *xam-*, *bar-*, *xuš-*, *dar-*, *ser-* и др.).

З. Маруфов пишет, что в узбекском языке некоторые словообразовательные элементы таджикского происхождения, употребляясь перед исконно узбекскими словами, в последнее время вошли в активный ряд словообразовательных аффиксов (например: *серган*, *серхосил*, *серунум*, *серкепак*, *бадавлат*, *багайрат*, *ноўрин*, *бефойда*, *бенул*, *бетаниш*, *бетохат* и т. д.) и что префиксы *ser-*, *ba-* по значению совпадают с суффиксом *-li*, а префиксы *no-*, *ba-* — со значением *-siz*⁶.

Анализ развития словообразовательной системы узбекского языка подтверждает, что некоторые заимствованные элементы (арабо-таджикского и русско-интернационального происхождения) настолько органически вошли и продолжают входить в него, что воспринимаются как свои живые, продуктивные морфемы.

Заимствование префиксальных элементов идет двумя путями: арабо-персидские элементы — через таджикский язык и русско-интернациональные элементы — через русский язык. Заимствование через арабский и таджикский языки: а) суффиксы и суффиксоиды: *-ona* — *mardona*, *-anda* — *xonanda*, *-iston* — *guliston*, *-zor* — *olmazor*, *-gox* — *dargox*, *-don* — *bilimdon*, *-bon* — *boybon*, *-gar* — *firibgar*, *-mand* — *xunarmand*, *-simon* — *odamsimon*, *-ija* — *molija*, *-ijat* — *orijat*, *-or* — *raftor*, *-ot* — *taškilot*, *-zoda* — *aslzoda*, *-čil* — *dardčil*, *-vor* — *uluıvor*, *-ij*, *-vij* — *manavij*, *-a* — *dasta*, *-xona* — *molxona*, *-xon* — *kitobxon*, *-noma* — *ajbnom*, *-obod* — *xamzaobod*, *-boz* — *luttiboz*, *-dor* — *puldor*, *-kaš* — *tamakikaš*, *-paz* — *ošpaz*, *-soz* — *aravasoı*, *-parast* — *mansabparast*, *-doz* — *etikdoz*, *-taroš* — *xajkaltaroš*, *-xor* — *vinoxor*, *-parvar* — *xalkparvar*, *-šunos* — *tilšunos*, *-poja* — *bedapoja*, *-bin* — *folbin*, *-ron* — *xizron*, *-goj* — *rostgoj* и т. д.; б) префиксы и префиксоиды: *be-* — *beiš*, *no-* — *noxak*, *ba-* — *baakl*, *bo-* — *boakl*, *xam-* — *xamkišlok*, *bad-* — *badfikr*, *sar-* — *sarlavxa*, *ser-* — *serkuōš*, *xuš-* — *xušsuz*, *nim-* — *nimkoronı*, *kam-* — *kamgap*, *umut-* — *umutxalk*, *ıajri-* — *ıajritabiat* и т. д. Заимствования русско-интернационального происхождения: а) суффиксы и

⁴ С. Усманов. Морфологические особенности слова в современном узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1964, стр. 78.

⁵ «Узбек тили морфем лугати». Тошкент, 1977, стр. 7—11, 44, 460 и др.

⁶ З. Маруфов. Суз состави. От ва сифат. Тошкент, 1956, стр. 59 — 60.

суффиксонды: *-ant* — *fabrikant*, *-až* — *metraž*, *-arij* — *planetarij*, *-at* — *rektorat*, *-ator* — *mexanizator*, *-aciya* — *mexanizaciya*, *-iv* — *progressiv*, *-izm* — *realizm*, *-ika* — *gimnastika*, *-ir* — *brigadir*, *-ist* — *dekabrist*, *-ilet* — *generalitet*, *-mejster* — *kapelmejster*, *-ovna* — *Muminovna*, *-ov*, *-ev* — *Muminov*, *Rasulev*, *-ovič* — *Muminovič*, *-on* — *revolücion*, *-or*, *-ör* — *agressor*, *boksör*, *-urg* — *dramaturg*, *-gramma* — *diagramma*, *-grafiya* — *orlografiya*, *-drom* — *velodrom*, *-logiya* — *arxeologiya*, *-meir* — *voltmetr*, *-skopiya* — *mikroskopiya*, *-xod* — *atomoxod* и др.; б) префиксы и префиксонды: *anti-* — *antikutb* 'антиполярный', *auto-* — *avtoçana* 'автосани', *ambi-* — *ambikutb* 'амбиполярный', *amfi-* — *amfinakr* 'амфиалчный', *aero-* — *aeroçanglagiç* 'аэроаспылитель', *bi-* — *bikuzgu* 'бизеркальный', *giper-* — *giperajlana* 'гипершар', *dia-* — *diabrikmalar* 'диасоединения', *izo-* — *izosirt* 'изовнешность', *kvazi-* — *kvazimodda* 'квазивещество', *kontr-* — *kontrkuç* 'контрсила', *makro-* — *makroiklim* 'макроклимат', *meta-* — *metanazarija* 'метатеория', *mikro-* — *mikrodunjö* 'микромир', *poli-* — *poliçizlik* 'полинейный', *sub-* — *subkutbij* 'субполярный', *super-* — *supermukova* 'суперобложка', *trans-* — *transosijö* 'трансация', *untra-* — *untrakizil* 'инфракрасный', *foto-* — *fotoajbuzma* 'фотообвинение', *mono-* — *monokatlan* 'монопласт', *orto-* — *ortomarkaz* 'ортоцентр', *ekstra-* — *ekstrapav* 'экстрасорт', *epi-* — *epimarkaz* 'эпицентр', и т. д. Имеется около ста тридцати таких элементов, однако в настоящей статье приводятся лишь префиксы и префиксонды, сочетающиеся со словами узбекского языка.

Широкий поток иноязычных заимствований оказывает влияние на словообразовательную систему узбекского языка и способствует распространению и функционированию в нем заимствованных языковых элементов.

Наличие некоторых префиксов арабо-таджикского происхождения намного расширило возможности передачи русско-интернациональных префиксальных слов-терминов на узбекский язык. Активное присоединение префиксов таджикского языка к заимствованным словам-терминам русско-интернационального происхождения и к словам узбекского языка узаконило в нем префиксальный способ словообразования. Это подтверждается заменой некоторых префиксов русско-интернациональных слов в узбекском языке подходящими по смыслу префиксами, заимствованными из таджикского языка: «сокурсник» — *xatkurs*, «нереальный» — *poREAL*, «нестандартный» — *postandart*, «нерациональный» — *porasional*, «ненаучный» — *poilmij*, «некритический» — *notangidij*, «нерегистральный» — *porentabel* и т. д.

Иную картину можно наблюдать в тех тюркских языках, в которых интернациональные префиксальные слова передаются описательным способом⁷.

В последнее время появился ряд работ, посвященных исследованию морфологического способа образования имен в узбекском языке, в которых префиксальный способ как таковой не рассматривается, хотя и имеются замечания о структуре слов с приставками: *ba-*, *bod-*, *bar-*, *be-*, *bo-*, *no-*, *xat-*, *ser-* и т. д.⁸

⁷ См.: Р. С. Кожамкулова. Казахские эквиваленты русских приставок. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967, стр. 18.

⁸ А. К. Боровков и др. Узбек тили грамматикаси. I қисм. Морфология. Тошкент, 1952; З. Магзуров. Указ. раб., стр. 59; С. Салиев. Имя действующего лица в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1956, стр. 5 — 6; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 153; С. Исамухамедова. Синонимы в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1963, стр. 6; «Узбек тили грамматикаси». Тошкент, 1975, стр. 286 — 287.

Так, в работе Ф. Сафарова, описывающего способы передачи некоторых заимствованных префиксальных терминов русско-интернационального происхождения на узбекский язык, указывается на употребление и заимствованных префиксов в сочетании с исконно узбекскими словами: *beiz* 'бесследно', *bejoklov* 'безнавешанный', *bekuĭ* 'бессильный', *beot* 'безымянный', *besanok* 'бесчисленный', *serdoĭ* 'пятнистый', *serĭun* 'пушистый', *serkerak* 'отрубистый', *serildiz* 'мочковатый', *potula* 'неполный', *pourin* 'неуместный', а также с русско-интернациональными словами: *serazot* 'азотистый', *nonormal* 'ненормальный', *postandart* 'нестандартный', *poantogonistik* 'неантогонистический'⁹.

Наши наблюдения показывают, что, кроме префикса *no-*, описанного Ф. Сафаровым, и другие префиксы арабо-таджикского происхождения могут сочетаться со словами, заимствованными из русского и через него — из других языков: *beazot* 'безазотный', *beadres* 'безадресный', *bebilet* 'безбилетный', *servitamin* 'витаминозный', *serazot* 'азотистый', *hamklass* 'одноклассник', *hamkurs* 'сокурсник', *hamgajon* 'земляк', *himproletar* 'полупролетарский' и т. д.

Русско-интернациональные префиксы проникли в узбекский язык вместе с заимствованными словами: по данным некоторых исследователей, в 20-е годы в «Словаре математических терминов»¹⁰ из 296 терминов 205 (68, 56%) были узбекскими словами, 68 (23,4%) — словами арабского и 23 (8,04%) — русско-интернационального происхождения. В 30-е годы из 279 математических терминов 174 (62,8%) были узбекскими словами, 32 (11,5%) — словами арабского и 73 (26%) — русско-интернационального происхождения. С начала 70-х годов количество терминов русско-интернационального происхождения увеличилось: многие термины арабо-таджикского и узбекского языков (малопонятные и архаичные) были заменены русско-интернациональными словотерминами. Из 279 математических терминов 138 (45,9%) являются сейчас словами русско-интернационального происхождения¹¹. Количество же математических терминов арабского происхождения сократилось до 5%. В «Русско-узбекском медицинском словаре»¹² процент русско-интернациональных терминов еще выше: из 11000 слов — 7852 (около 70%).

Таким образом, как мы видим, количество заимствованных слов зависит от конкретного подъязыка науки. Бесспорно и другое: круг префиксов в терминах со временем расширяется, расширяются и их сочетательные возможности. В ранний период заимствования в терминах отмечались префиксы *anti-*, *giper-*, *bi-*, *geo-*, *dia-*, *dis-*, *ir-*, *para-*, *peri-*, *tetra-*, *trans-*, *eks-*, *sim-* и др. Позже в математических терминах стали встречаться префиксы *kvazi-*, *ko-*, *inter-*, *kon-*, *poli-*, *stereo-*, *super-*, *ekstra-* и др.

Интернациональный префикс *anti-* в начале 20-х годов употреблялся в составе общественно-политических терминов русско-интернационального происхождения. По нашим данным, количество заимствованных слов из русского языка с этим элементом составляет 198, из них 82 слова зафиксированы в «Орфографическом словаре узбекского языка»¹³, 19

⁹ Ф. Сафаров. Способы передачи русско-интернациональных префиксальных терминов на узбекский язык. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1979, стр. 12 — 13.

¹⁰ М. Л. Собиров. Математикадан русча-ўзбекча терминлар лугати. Тошкент, 1973.

¹¹ А. Рамазанов. Из истории формирования и развития узбекской математической терминологии. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973.

¹² Е. Тўракулов ва бошқ. Медицинадан русча-ўзбекча терминлар лугати. 2 томлик. Тошкент, 1962, 1971.

¹³ «Узбек тилининг имло лугати». Тошкент, 1976.

слов-терминов — в «Узбекско-русском словаре»¹⁴, а остальные 97 слов взяты из терминологических словарей. Из 198 слов в 15 случаях *anti*-сочетается с узбекскими основами: *antiajlanış* 'антивращение', *antidunjō* 'антимир', *antizagga* 'античастица', *antimodda* 'антивещество', *antimoslašov* 'антиприспособление', *antitanalar* 'антитела', *antitarixij* 'антиисторический', *antitož* 'антикорона', *antičizikli* 'антилинейный', *antijulduz* 'антизвезда', *antitankid* 'антикритика', *antiinsonij* 'античеловеческий', *antitasir* 'антивливание' и др.

Вышеперечисленные источники дают основание считать узбекскими терминообразующими элементами *no-*, *be-*, *xam-*, *sar-*, *ba-*, *bo-*, *bad-*, *bar-*, *xuř-*, *dar-*, *qajri-* (заимствованы из таджикского языка) и *anti-*, *sub-*, *izo-*, *mikro-*, *makro-*, *ekstra-* и др. (заимствованы из русского языка или через его посредство), поскольку они могут образовывать от собственно узбекских слов новые производные термины.

В процессе заимствования узбекский язык усвоил термин «суффикс», «префикс» и тем самым расширил возможности словотворчества в словообразовательной системе путем заимствования иноязычной структуры и структурного элемента. Кроме заимствования слов и элементов без изменения или с частичным изменением (калька и полукалька), узбекский язык использует также свои внутренние резервы при передаче русско-интернациональных и арабо-таджикских префиксальных слов-терминов. Иногда префиксы *сверх-*, *гипер-*, *ультра-*, *анти-*, *против-* могут заменяться словами узбекского языка, такими, как *karši*, *aks*, *qajri*, и другими, переходящими в разряд префиксов¹⁵.

При образовании новых слов с помощью русско-интернациональных префиксов в узбекском языке сохраняется принцип словообразования языка-источника, то есть от имени существительных образуются только существительные: *ajlanış* 'вращение' — *antiajlanış* 'антивращение' *mukova* 'обложка' — *supermukova* 'суперобложка', а от прилагательных — только прилагательные: *kapitalistik* 'капиталистический' — *pokapitalistik* 'некапиталистический', *kiska* 'короткий' — *ultrakiska* 'ультракороткий' и т. п. Принцип словосложения языка-источника сохраняется и при образовании слов на базе префиксов арабо-таджикского происхождения: при помощи приставок от одной части речи образуются слова другой части речи (от имен существительных при помощи приставок образуются имена прилагательные): *davlat* 'государство' — *badavlat* 'богатый', *akl* 'ум' — *baakl* 'умный', *maza* 'вкус' — *bemaza* 'невкусный', *farzand* 'дитя' — *befarzand* 'бездетный', *dard* 'болезнь' — *xamdard* 'сочувствующий', *umid* 'вера' — *noimid* 'безнадежный, скептик' и др.

К разряду заимствованных структурных элементов можно отнести и так называемые префиксоиды или полупрефиксы, а также суффиксоиды. В узбекском языке есть слова, в которых первый или второй компонент представляет собой заимствованную служебную морфему. В языке-источнике эта морфема является знаменательным словом или корнем, а в заимствующем языке — только служебной морфемой. В словах *kart/o/teka*, *leksik/o/logija*, *epi/markaz* 'эпицентр', *geo/ximija*, 'геохимия', *bi/kvatrat* 'биквадрат', *aero/čanglagič* 'аэроопылитель', *til/šunos* 'языковед', *hajkal/taroř* 'скульптор', *sar/lavxa* 'оглавление', *gazet/xon* 'читатель газеты', *xuř/kilik* 'обаятельный', *bad/baxt* 'несчастный', *haq/kanča* 'несколько', *nim/aytomat* 'полуавтомат' и т. д. *-teka*, *-logija*, *-šunos*, *-taroř* — суффиксоиды, а *epi-*, *geo-*, *bi-*, *aero-*, *sar-*, *xuř-*, *bad-*, *bar-*, *nim-* — префиксоиды.

¹⁴ «Узбекча-русча лугат». М., 1959.

¹⁵ Ф. Сафаров. Указ. раб., стр. 32 — 33.

Префиксоиды отличаются от префиксов прежде всего тем, что они по фонетическому оформлению совпадают с лексическими единицами-словами¹⁶. То же можно сказать и о суффиксоидах. Например, элемент *-хопа* употребляется в узбекском языке в составе: а) заимствованных словоформ таджикского происхождения (*sartaraşхопа* 'парикмахерская'), б) в составе узбекских слов (*kojхопа* 'овчарня', *otхопа* 'конюшня'), в) в составе заимствованных русско-интернациональных слов (*kiпохопа* 'кинотеатр', *piвохопа* 'пивная', *appaгаtхопа* 'аппаратная'). В приведенных примерах элемент *-хопа* является суффиксоидом. Однако в некоторых случаях он может употребляться и как самостоятельное слово (*Хонамизга бир нотаниш киши кириб келди* 'В нашу комнату вошел какой-то незнакомый человек').

Процесс научно-технической революции активизировал заимствование тюркскими языками (в данном случае узбекским) словообразовательной структуры, ранее для них не характерной, и способствовал формированию таких способов словообразования, как суффиксальный, префиксальный и префиксально-суффиксальный.

¹⁶ «Словообразование современного немецкого языка». М. Литература на иностранных языках, 1953, стр. 155 — 156.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ж. М. ГУЗЕЕВ

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ И ГЕНЕТИЧЕСКИ РОДСТВЕННЫХ ОМОНИМОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Лексикографическая характеристика некоторых групп лексических единиц в толковых словарях современных тюркских языков не всегда удовлетворительна. В первую очередь это относится к многозначным словам, лексико-грамматическим омонимам, образованным посредством конверсии, существительным, употребляемым в позиции определения в роли прилагательного, и служебным словам, омонимичным знаменательным. В настоящей статье делается попытка осветить основные принципы выделения и размещения указанных разрядов лексики в словарях.

* * *

Многие современные тюркско-русские словари, прежде всего словари младописьменных тюркских языков, составлены без помощи словарной картотеки и без соответствующей предварительной собирательной работы, главным образом на основе уже существующих словарей данного или родственного ему языка. В связи с этим при выделении значений слов и их размещении в подобных словарях сказывается влияние специфики русского языка.

В отличие от тюркско-русских словарей, основу толковых словарей тюркских языков составляют специальные картотеки карточек-цитат, извлеченных из лучших литературно-художественных, публицистических, научно-популярных и научных произведений. Благодаря этому «членение содержания слова на лексические значения и определение синхронной иерархии этих значений в толковых словарях производится на текстовом материале с учетом норм только данного языка»¹. Поэтому состав и соотношение значений полисемантических слов в толковых словарях выявляются более основательно, нежели в переводных словарях. Однако выявленные с помощью текста значения многозначных слов в большинстве толковых словарей объясняются далеко неудовлетворительно.

Лексикограф на основе глубокого изучения имеющихся в картотеке материалов определяет ведущее и обусловленное (второстепенное) значение полисемантического слова.

¹ А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей М., 1972, стр. 337.

Ведущим считается такое значение слова, которое вытекает из самой структуры последнего. Это значение является относительно свободным, то есть выражается независимо от контекста.

В выделении и толковании ведущего значения слова как в тюркско-русских, так и в толковых словарях тюркских языков разногласий между лексикографами обычно не возникает.

В вопросе выделения обусловленных значений многозначных слов у лексикологов и лексикографов также сомнений не возникает. И те, и другие признают необходимость их отдельной подачи в словарях. Однако «практическим осуществлением этой задачи при всем ее должном понимании еще мало кто занимается всерьез. Достаточно сказать, что в практической лексикографии еще не выработаны приемы дифференцированного показа различных типов обусловленных значений и их соотношения между собой и между ведущим значением слова»².

В отличие от ведущего значения, обусловленное значение слова выступает лишь в определенном контексте, в определенной синтаксической позиции данного слова относительно той или иной лексической единицы. Так, ведущее значение слова *жагъа* в современном карачаево-балкарском языке — «воротник, ворот», а обусловленное — «берег», последнее проявляется лишь в сочетании этого слова со словом *суу* 'вода': (*сууну*) *жагъасы* 'берег (реки)'.

Зачастую отличить ведущее и обусловленное значение слова бывает непросто. Обычно лексикографы при лексикографической разработке многозначных слов придерживаются традиционных принципов. В результате в толковых словарях тюркских языков, как и в тюркско-русских словарях, синтаксически и морфологически строго фиксированные обусловленные значения слова, выражающиеся лишь в определенном лексическом окружении, описываются большей частью без всяких оговорок, наравне с ведущим значением, ср.: каз. *ауыз* 1. Рот; уста. (толк. и илл.). 4. Горлышко. (толк. и илл.) (ср. *бөтелкенің аузы* 'горлышко бутылки'). 5. Дверь, вход. (толк. и илл.) (ср. *үңгірдің аузы* 'вход пещеры'). 6. Начало чего-л. (толк. и илл.) (ср. *көпірдің аузы* 'начало моста'); кирг. *баш* 1. Голова. (толк. и илл.). 3. Колос. (толк. и илл.). (ср. *арпанын башы* 'колос ячменя'). 5. Верхняя часть чего-л., верхушка; вершина. (толк. и илл.) (ср. *бактын башы* 'верхушка дерева', *тоонун башы* 'вершина горы'). 6. Начало чего-л. (толк. и илл.) (ср. *суунун башы* 'начало, исток реки', *көчөнүн башы* 'начало улицы'); тат. *аяк* 1.1. Нога. (толк. и илл.). 2. Ножка. (толк. и илл.) (ср. *самоварның аягы* 'ножка самовара'); узб. *бағишламқ* 1. Дарить, даровать. (толк. и илл.). 2. Посвящать, предназначать (кому-чему л.). (толк. и илл.). (ср. *устозиға бағишламоқ* 'посвящать учителю'); азерб. *ағ* 1. 1. Белый. (толк. и илл.). 3. Бельмо. (толк. и илл.) (ср. *көз ағы* 'бельмо').

В отличие от толковых словарей других тюркских языков, в ТСКБЯ слово, в сочетании с которым та или иная лексическая единица приобретает обусловленное значение, заключается в круглые скобки. Если таких слов несколько, то все они заключаются в скобки, если же их очень много, то приводятся только два-три из них для демонстрации типичного лексического окружения, способствующего выражению обусловленного значения слова³. Например:

ЧЫКЪ 3. (*Нартюх, будай, урлукъ* д. а. к.) *чыкъды* 'взойти, дать всходы (о семенах)'. (толк. и илл.). 4. (*Тиш*) *чыкъды* 'прорезаться (о

² А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 381.

³ Такой принцип подачи обусловленных значений слова рекомендуется А. А. Юлдашевым, который совершенно справедливо предлагает ставить еще и двоеточие после цифры, обозначающей порядковый номер значения слова, для указания на его зависимость от контекста (см.: А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 388 — 389).

зубах)' (толк. и илл.). 5. (Бала) чыкѣды 'вылупиться (о птенцах)' (толк. и илл.). 6. (Буту, кѣолу д. а. к.) чыкѣды 'вывихнуться'. (толк. и илл.). 7. (Таугѣа, сыртха, тѣшге д. а. к.) чыкѣ 'подняться (в гору, на возвышенность, бугор и т. п.)'. (толк. и илл.). 8. (Таууш, дауур д. а. к.) чыкѣды 'раздаться (о звуке, шуме и т. п.)'. (толк. и илл.).

Как и установление границ между отдельными значениями слова, порядок расположения этих значений в словарной статье является одним из самых важных и трудных вопросов тюркской лексикографии.

Значения многозначного слова в словарной статье должны демонстрироваться не хаотично, а в определенной последовательности, так как это может послужить одним из эффективных средств улучшения описания многозначных слов, что позволит представить слово в словаре во всей полноте значений, которыми оно обладает в современном литературном языке.

Значения слова могут располагаться в словарной статье: по генетическому принципу, по принципу логического соотношения значений в современном языке, по принципу употребительности в современном языке и на основе учета структурных характеристик значений.

Согласно генетическому принципу, значения слова в словарной статье располагаются в следующей последовательности: 1) устаревшие, 2) менее устаревшие, 3) современные.

Лексика тюркских языков в историческом плане почти не изучена, поэтому составители толковых словарей тюркских языков не могут быть последовательными в соблюдении генетического принципа размещения значений слова в словарной статье, что раскрывало бы процесс развития этих значений. В то же время последовательное соблюдение данного принципа расположения значений слова в словаре современного языка «может привести к искаженному отражению их актуального соотношения, а тем самым и к снижению практической ценности словаря, являющегося по своему характеру и назначению синхронным, а не историческим, где действительно необходимо осмысление и отражение значений слова в диахроническом плане»⁴. Выбор того или иного принципа расположения значений слова в словарной статье должен зависеть от главной задачи семасиологической разработки слов в словаре — показа устойчивых значений в настоящее время. Поэтому к генетическому принципу составители толковых словарей тюркских языков прибегают лишь в некоторых случаях, например, «когда историческая последовательность в росте и развитии значений наглядно прослеживается в материалах современного языка...»⁵ или же при наличии необходимого количества материалов, из которых «отчетливо виден ход возникновения современных общеупотребительных значений из устарелых, менее употребительных или специальных значений»⁶.

В инструкциях для составления толковых словарей некоторых тюркских языков, например, киргизского, порядок размещения значений слов в словарной статье не учитывается. Не на должном уровне разработан этот вопрос в ТСКЯ² и ТСБЯ. Так, в ТСКЯ² оговаривается, что сперва объясняется основное значение слова, а затем уже его второстепенные и переносные значения⁷. В ТСБЯ «значения слова располагаются в следующем порядке: а) основное значение, б) переносное значение, в) специальное значение, г) вспомогательное значение (относится к

⁴ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 394.

⁵ «Хэзерге татар әдеби теленең анлатмалы сүзлеген тәүү инструкциясе». Казан, 1964, стр. 12.

⁶ «Словарь узбекского языка». Макет. Ташкент, 1970, стр. 9.

⁷ «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі». Т. 1. Алматы, 1974, стр. 25.

глаголам)»⁸. При подобном расположении значений слова невозможно проследить логическую последовательность их развития, выведение одного значения из другого. Кроме того, здесь отсутствуют другие возможные значения слова, а именно: стилистически окрашенные, диалектные и обусловленные.

Порядок размещения значений слова в словарной статье наиболее удачно осуществляется в ТСТЯ¹ и особенно в ТСКБЯ.

Например, при характеристике многозначного слова его отдельные значения в ТСКБЯ даются в следующей последовательности: 1. Ведущее значение слова стоит по порядку на первом месте. 2. Обусловленное значение слова — после ведущего его значения. 3. Переносное значение слова указывается за тем его ведущим или обусловленным значением, из которого оно развилось. 4. Стилистически окрашенные значения слова (значения, выступающие в разговорной речи и просторечии) приводятся после его обычных (нейтральных) значений. 5. Специальные (научно-технические, профессиональные) значения слова следуют за его общеупотребительными значениями. 6. Диалектные значения слова даются за его общеупотребительными и специальными значениями. 7. В тех случаях, когда второстепенные значения слова однородные (например, специальные или переносные), менее употребительные из них помещаются после более употребительных⁹.

Во всех толковых словарях тюркских языков словарная статья многозначного слова начинается с его ведущего значения, которое является «опорой и общественно осознанным фундаментом всех других значений и применений»¹⁰.

Правда, в некоторых словарях, хотя и редко, встречаются и нарушения размещения ведущего значения слова. Так, например, ведущие значения слов: кирг. *мүмкүн* 'можно', *ая* 'беречь, щадить, неохотно расходовать', *суук* 'холодный, морозный', *бай* 'богатый, изобилующий чем-л.', *аш* II гл. 'быть в излишке', *сүрөт* 'изображение, рисунок, картина, фотокарточка, портрет'; каз. *бай* 'богатый, изобилующий чем-л.', *байрак* 'флаг, знамя', *белги* 'знак, метка'; тат. *кызлык* 'девственность', *мөмкин* 'можно', *баткак* 'трясь, топкое место' — не возглавляют словарную статью, а помещены вторыми или третьими по порядку.

Из всех второстепенных значений слова более удачно решен вопрос размещения в словарной статье специальных, стилистически окрашенных и диалектных значений, менее удачно — обусловленных и переносных значений.

Как показывает анализ толковых словарей тюркских языков, в случаях, когда отсутствует тесная смысловая связь между обусловленными значениями, с одной стороны, и ведущим значением и ими — с другой, размещение обусловленных значений осуществляется обычно правильно, ср. например: каз. *жаз* III гл. 2. Развернуть (платок, знамя и т. п.). 3. Вытянуть (ноги, руки и т. п.). 4. Расчесывать (волосы). 5. Распутать (лошадь); тат. *итәк* 4. Подножие. 5. Окраина (леса), край (неба). 6. Берег (реки, моря и т. п.); кирг. *ал*. 2. Поймать, схватить (о ловчей птице, собаке и т. п.). 3. Получить (письмо, телеграмму и т. п.). 4. Покупать. 5. Жениться. 6. Принимать (на работу). 7. Снимать (с работы).

При наличии близкой смысловой связи между ведущим значением слова и его обусловленными значениями, а также между самими обус-

⁸ «Башкорт теленен анлатма һүзлеген» төзө өсөн кулланма. Өфө, 1966, стр. 22.

⁹ См.: И. Х. Ахматов. Инструкция для составления «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка». Нальчик, 1976, стр. 17.

¹⁰ В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. — «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

ловленными значениями — порядок расположения обусловленных значений в словарной статье зачастую производится неправильно. Это можно проиллюстрировать на примере лексикографирования слова *баш* 'голова': кирг. *баш* 3. Колос. 5. Макушка (дерева), верхушка, головка (растения) 6. Начало (улицы, реки и т. п.); туркм. *баш* 1.2. Колос. 3. Верхушка, вершина, 4. Верхняя сторона (чего-л.). 6. Начало (месяца, года и т. п.); узб. *бош* 5. Голова, штука (при счете скота). 6. Вершина, верхушка. 7. Начало (месяца, абзаца и т. п.). 8. Исток (реки, ручья). 9. Конец, край (например, улицы). 10. Головка (лука, чеснока и т. п.); кочан (капусты); гроздь, кисть (винограда). 11. Головка (болта, заклепки и т. п.); каз. *бас*. 3. Поголовье. 4. Верхушка, макушка. 5. Вершина (горы, холма и т. п.). 6. Исток (реки). 7. Конец, кончик. 8. Конец (топора, ножа и т. п.). 9. Клубок (ниток). 10. Верхняя сторона чего-л. 11. Начало (года, века и т. п.). 12. Причина (скандала, спора и т. п.).

Сравнивая порядок расположения обусловленных значений слова *баш* в словарной статье, можно заметить следующее. В ТСКЯ¹ обусловленные значения разделены переносным значением: «4. Глава, руководитель, начальник, преподаватель», которое стоит не на своем месте (об этом скажем ниже); в СТЯ обусловленные значения разделены служебным значением под номером 5, которое, как оттенок ведущего значения этого слова, должно было помещаться рядом с ним. В ТСУЯ значение «7. Начало (месяца, абзаца и т. п.)» должно было замыкать обусловленные значения, а «8. Исток (реки, ручья)» — стоять в перечне обусловленных значений на предпоследнем месте. В ТСКЯ² значение «10. Верхняя сторона чего-л.» должно было стоять на месте значения «9. Клубок (ниток)», а это, девятое, значение помещаться за значением «3. Поголовье», значение «6. Исток (реки)» — за значением «10. Верхняя сторона чего-л.».

Образцовым следует считать порядок расположения обусловленных значений слова в ТСТЯ¹, ТСКБЯ и ТСАЯ, ср., например, расположение обусловленных значений слова *баш*: тат. *баш* 2. Верхушка (растений), макушка (дерева). || Колос. 3. Головка (лука, чеснока и т. п.), кочан, вилок (капусты). 4. Вершина (горы, столба и т. п.). || Крыша. 5. Конец (палки), наконечник (для карандаша). || Головка (гвоздя, сапога и т. п.), кончик; горлышко (бутылки). || Конец, край. 6. Начало (осени, года и т. п.). || Исходная точка, исходный пункт. 7. Заглавие; кбалк. *баш* 8. Железный конец (топора, молотка и т. п.). 9. Колос. 10. Ботва. 11. Вершина (горы), макушка (дерева), поверхность (земли, воды и т. п.). 12. Верхний, находящийся наверху. 13. Крыша. 14. Крышка. 15. Изголовье. 16. Почетное место (за столом). 17. Начало (улицы), исток (реки, ручья). 18. Причина (недостатков, беды и т. п.). 19. Начало (учебного года, месяца и т. п.). 20. Глава (повести, романа и т. п.). 21. Количество (людей), поголовье; азерб. *баш* 3. Вершина (горы), макушка (дерева). 4. Головка (гвоздя, винта и т. п.). || Головка (лука). 5. Верхняя сторона (чего-л.). 6. Исток (реки). || Начало (года, месяца и т. п.). 7. Один конец (бревна, коврика и т. п.). 8. Передняя сторона, часть (чего-л.). 9. Почетное место (за столом). 10. Поголовье. 11. Количество (людей).

В некоторых толковых словарях, особенно в ТСКЯ¹ и ТСКЯ², переносные значения зачастую даются без пометы, то есть как прямые значения, ср.: кирг. *баш* 4. Глава, руководитель, начальник, предводитель; ак I прил. 2. Чистый, честный. 3. Невинный, невиновный; мал 2. Богатство, имущество, ценности; же III гл. 2. Присвоить (деньги); ташта 2. Бросить, уйдя, оставить, покинуть. 4. Бросить, прекратить делать

что-н.; *белги* 3. Признак; *жол* 5. Метод, способ. 8. Разрешение, право; *жайыш* II гл. 2. Мучиться. 3. Жалеть, проявлять жалость, сострадание к кому-л.; *ач* II гл. 3. Выяснять, уточнять. 5. Выявлять, разоблачать. 8. Веселить, поднимать настроение; *каз. бас* I сущ. 2. Человек, душа; *бат* 4. Усваиваться, перевариваться (о пище в желудке). 5. Умирать; *жаннат* 2. Радостная жизнь; удовольствие, наслаждение, блаженство; *ақта* 3. Оправдать, признать правым, невиновным; *жадын* 2. Родственник, родич; *аш* 3. Выяснять, уточнять; *жылымшы* I. 2. Кислый; *жити* 2. Быстрый, скорый; *жол* 4. Направление деятельности чего-н. 5. Порядок, обычай; *туркм. баш* 8. Глава, руководитель, начальник, предводитель; *ак* 2. Чистый, невиновный; *ач* 2. Раскрывать, вскрывать, разоблачать; *узб. бош* 2. Глава, предводитель, руководитель, начальник; 3. Голова, ум, разум; *асрамоқ* 4. Спасать, выручать; *таг. ачы* 7. Печальный, горестный. 8. Тяжелый, трудный, требующий большого труда, больших усилий.

В ТСКЯ¹ и ТСКЯ² переносные значения слов во многих случаях размещены неправильно, то есть не за теми значениями, из которых они развились, а в конце словарной статьи. Например, в ТСКЯ¹ переносные значения слов: *бала* [4. Незрелый (о человеке)], *бет* (6. Совесть, стыд), *боор* (5. Кровный родственник), *карма* (6. Управлять, владеть, возглавлять), помещенные в перечне значений последними, следовало разместить за ведущими, первыми значениями: 1. Ребенок, 1. Лицо, 1. Печень, 1. Держать (в руках), а замыкающие переносные значения слов *как* (7. Грубо отвергнуть, отбросить, грубо оборвать, дать отпор), *от* II гл. (9. Умирать) — соответственно за значениями «4. Трясти (плодовое дерево), выбивать, выколачивать (ковёр, одежду)» и «2. Пройти (о времени)». В ТСКЯ² переносные значения слов: *бас* (14. Глава, руководитель, начальник. 15. Ум, разум, рассудок), *аң* V (5. Быстро идти, бегать и т. п. 6. Иметься в большом количестве, быть в изобилии), *аңыр* [3. Быть (о ветре), выжухить], *ащы* [3. Едкий, вызывающий боль (о словах). 4. Громкий, звучный. 5. Горестный, тяжелый. 6. Враждебный], *жол* (8. Метод, способ), данные в конце словарных статей, должны были размещаться соответственно за значениями: *бас* (2. Душа, человек), *аң* V (2. Унести водой. 3. Капать), *аңыр* (1. Громко кричать), *ащы* (1. Солёный), *жол* (3. Путешествие, дальний путь).

Таким образом, порядок размещения обусловленных и переносных значений слов в словарной статье в ряде толковых словарей тюркских языков, особенно в ТСКЯ¹ и ТСКЯ², оставляет желать лучшего.

Переход одной части речи в другую в тюркских языках — явление обычное. Например, некоторые прилагательные одновременно осознаются как существительные или наречия, ср.: башк. *йылы* 'теплый, тепло', *һыуык* 'холод, холодный', *тиз* 'быстро, быстрый'; тат. *карт* 'старый, старик' *жылы* 'теплота, теплый, тепло'; кбалк. *иги* 'хороший, хорошо', *кёк* 'зеленый, зелень' и т. п.

Исчерпывающее объяснение этому явлению дано А. А. Юлдашевым, по мнению которого употребление одной части речи в роли другой, представляющее собой поначалу функциональное явление, по мере своего вхождения в обиход и стабилизации перерастает в процесс синтаксического освоения слова с последующим переходом в данную часть речи. Этот переход начинается именно с синтаксического освоения слова и сопровождается также лексико-морфологическим освоением, завершающим этот процесс: «Когда это слово регулярно выступает во всех возможных синтаксических позициях, присущих данной части речи, и постепенно обрастает и морфологическими признаками этой части речи, и устойчивыми лексическими связями, оно в этой новой своей функции постепенно лишается своих исконных категориальных свойств. Именно

в силу этого представляется совершенно невозможным отнести его лишь в какой-либо одной части речи, даже если оно в обеих своих функциях проявляет предельно близкие по смыслу значения»¹¹. Так, например, в приведенных выше словах между двумя значениями, соотношенными с двумя различными частями речи, прослеживается теснейшая связь.

Вопрос о том, представляет ли собой переход одной части речи в другую лишь грамматическое явление или же еще затрагивает сущность слова как лексической единицы, вплоть до конца 30-х годов нашего столетия не находил однозначного ответа. Ясный ответ на этот вопрос впервые был дан В. В. Виноградовым: «Если переход слов из одной категории в другую социально утвержден, синтаксически освоен и канонизирован общим употреблением, то возникают два различных слова — омонимы»¹².

Начиная с 50-х годов, переход одной части речи в другую некоторые тюркологи стали рассматривать как спонтанную лексико-грамматическую омонимию¹³.

Словообразовательная сущность конверсии в тюркских языках исследована А. А. Юлдашевым. Образование нового слова способом конверсии он объясняет следующими обстоятельством: 1. По мере обогащения словаря новыми лексемами конверсия вовлекает в словообразование и заимствования, и производные слова. 2. Состав конвертированных слов по языкам расходится все больше и больше. 3. Значительную часть омонимов, встречающихся в словарях омонимов, тюркско-русских и толковых, составляют такие пары слов, которые относятся к сравнительно позднему периоду развития тюркских языков и имеют между собой, с точки зрения лексической, мало общего. 4. Как и любой способ словообразования, конверсия вовлекает в словособразование в качестве производящей основы лишь строго определенный разряд слов¹⁴.

Таким образом, конверсия является одним из способов словообразования, поэтому она должна найти отражение в словаре. Необходимость отражения конверсии в тюркско-русских и толковых словарях тюркских языков лексикографы не ставят под сомнение. Однако вопрос о том, на каком принципе целесообразно основываться при лексикографической разработке слов, созданных способом конверсии, является спорным. Слова, возникающие путем конверсии, в ТСКЯ¹, ТСКЯ² и ТСАЯ размещаются в одной словарной статье как значения одного слова, каждое из которых толкуется и иллюстрируется примерами, ср.: кирг. *ак* 1. Белый. (толк. и илл.). 2. Молоко; молочные продукты. (толк. и илл.), *жалган* 1. Ложь, неправда, враки. (толк. и илл.). 2. Подложный, фальшивый. (толк. и илл.), *бөксө* 1. Неполный, не до краев. (толк. и илл.), *карчыга* 1. Ястреб. (толк. и илл.). 2. Часть туши (от ребра и до ляжек). (толк. и илл.), *таза* 1. Чистый, опрятный, чистоплотный. (толк. и илл.). 2. Очень, сильно, здорово. (толк. и илл.), *чыбы* 1. Птенец. (толк. и илл.), 2. Самец ястреба-перепелятника. (толк. и илл.). 3. Теленок ко-

¹¹ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 244.

¹² В. В. Виноградов. О грамматической омонимии. — «Русский язык в школе», 1940, № 1.

¹³ Ф. Г. Исхаков. Лексико-грамматическая классификация слов и частей речи. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. Морфология. М., 1955, стр. 76; Г. Г. Мусабаев. Лексика современного казахского языка. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1960; Б. О. Орусбаева. Словообразование в киргизском языке. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1964; М. Миргаджиев. Возникновение лексических омонимов в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964; М. Х. Ахтямов. Проблемы омонимии в современном башкирском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966; Р. Бекджанова. Омонимы в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1967 и др.

¹⁴ См.: А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 249 — 250.

сули (до года) (толк. и илл.), *бай* 1. Богач, бай. (толк. и илл.). 2. Бегатый, изобилующий чем-л. (толк. и илл.), *сынык* 1. Сломанный, разбитый, треснувший. (толк. и илл.). 2. Осколок, обломок. (толк. и илл.), *суук* 1. Холод, мороз. (толк. и илл.). 2. Холодный, морозный. (толк. и илл.); *каз. ақ* 1. Белый. (толк. и илл.). 4. Известь. (толк. и илл.), *бойдақ* 1. Холостой. (толк. и илл.). 2. Валух в возрасте свыше одного года. (толк. и илл.), *бўйір* 1. Бок. (толк. и илл.). 2. Окольный. (толк. и илл.), *жақсы* 1. Хороший. (толк. и илл.). 3. Феодалная знать. (толк. и илл.), *жаман* 1. Плохой. (толк. и илл.). 5. Очень, сильно. (толк. и илл.), *жөн* 1. Просто, просто так, попросту, так себе. (толк. и илл.). 2. Положение. (толк. и илл.). 3. Выход, возможность. (толк. и илл.). 4. Правильный, верный. (толк. и илл.); *азерб. ағ* 1. Белый (толк. и илл.). 3. Бельмо. (толк. и илл.).

Так же разработаны аналогичные слова в ТСБЯ, только здесь слова, соотношенные одновременно с двумя частями речи, даются с соответствующими грамматическими пометами, ср.: *һыуык* 1. прил. Холодный, морозный. (толк. и илл.). 2. сущ. Холод, мороз. (толк. и илл.), *йылы* 1. прил. Теплый. (толк. и илл.). 2. сущ. Тепло, теплота. (толк. и илл.). Наречия же, образованные от прилагательных, снабжаются пометой в функц. нар., ср.: *якшы* 1. прил. Хороший. (толк. и илл.). 2. В функц. нар. Хорошо. (толк. и илл.), *акрын* 1. прил. Медленный, медлительный, тихий. (толк. и илл.). 2. В функц. нар. Медленно, тихо. (толк. и илл.).

Однако в данном словаре иногда последовательность в размещении наречного значения прилагательных нарушается, что выражается в помещении этого значения за знаком косой черты (/) в пределах значения прилагательного и без толкования; например: *матур* прил. Красивый. (толк. и илл.). / в функц. нар. Красиво. (илл.).

Размещение в словаре слов, совмещающих одновременно значение прилагательного и существительного, башкирские лексикографы объясняют тем, что «большинство таких слов, как *якшы*, *яман* и т. д., трудно отнести к какой-либо определенной грамматической категории. Они почти одинаково функционируют и в позиции определения, и в позиции обстоятельства образа действия»¹⁵. С нашей точки зрения, именно этот факт одновременного употребления в позиции определения и обстоятельства образа действия — дает основание рассматривать слова типа *якшы* 'хороший' и *якшы* 'хорошо', *яман* 'плохой' и *яман* 'плохо', как омонимы.

Конверсия прилагательного и существительного в наречие в ТСТЯ¹ отмечается, как и оттенки значений слов, двумя параллельными вертикальными чертами, но, в отличие от ТСБЯ, — толкуется, ср.: *кызыу* II прил. 1. Жаркий. (толк. и илл.). || в знач. нар. Жарко, горячо. (толк. и илл.), *дус* сущ. 1. Друг, приятель. (толк. и илл.). || в знач. нар. Дружески, по-приятельски. (толк. и илл.), *ачык* прил. 7. Ясный, четкий, разборчивый. (толк. и илл.). || в знач. нар. Ясно, четко, разборчиво. (толк. и илл.).

По мнению узбекских лексикографов, «невозможно определить вне контекста, к какой части речи относятся слова типа *иссиқ* 'теплый, горячий, жаркий; тепло, горячо, жарко; теплота, жар, жара, зной'»¹⁶. Поэтому в ТСУЯ в пределах одного лексического значения сосуществуют две или три части речи, ср.: *тез* 'скоро, быстро'. (толк. и илл.). || 'скорый, быстрый'. (илл.), *ёмон*. 'плохой, нехороший, дурной, скверный'. (толк. и илл.). || 'плохо, нехорошо, дурно, скверно'. (илл.), *иссиқ* 'теп-

¹⁵ А. Г. Бишев. Разработка системы значений многозначного слова в толковом словаре. — «Языкознание. Тезисы докладов и сообщений». Ташкент, 1980, стр. 196.

¹⁶ «Ўзбек тилининг изоҳли луғатини тузиш учун қўлланма». Тошкент, 1964, стр. 50.

лый, горячий, жаркий, знойный'. (толк. и илл.). || 'тепло; горячо; жарко'. (илл.). || 'теплота; жар, жара, зной'. (илл.), *совуя* 'холодный, морозный'. (толк. и илл.). || 'холодно'. (илл.). || 'холод, мороз'. (илл.).

Авторы «Руководства для составления "Толкового словаря узбекского языка"» считают, что такой принцип подачи конвертированных значений слов имеет большое значение. По их мнению, «параллельные черты, во-первых, освобождают от толкования значения слов в этих функциях, кроме того, конкретизируют толкования, рационализируют иллюстрации словаря»¹⁷.

Таким образом, самостоятельные лексические единицы, созданные способом конверсии, в толковых словарях тюркских языков размещаются либо как значения тех слов, от которых они образованы, либо как оттенки их значений. Иначе говоря, две или три самостоятельные лексемы — в большинстве случаев разные части речи — объединяются то в одной словарной статье, то в одном значении.

Думается, что ни один из рассмотренных принципов лексикографирования конверсии в толковых словарях тюркских языков не является приемлемым как с научной, так и с практической точки зрения.

Лексикографическая разработка конверсии наиболее правильно осуществляется в составляемом ныне «Толковом словаре карачаево-балкарского языка». Карачаево-балкарские лексикографы исходят из того, что слова типа *кэарт* 'старый' и *кэарт* 'старик', *сууукэ* 'холодный' и *сууукэ* 'холод', *кёк* 'зеленый' и *кёк* 'зелень', *иги* 'хороший' и *иги* 'хорошо', *кэаты* 'твердый' и *кэаты* 'твердо', *ачыкэ* 'открытый' и *ачыкэ* 'открыто' и т. д. являются омонимами, которые представляются в словаре отдельными словарными статьями и обозначаются римскими цифрами.

Казалось бы, порядок размещения в словаре лексико-грамматических омонимов, образованных путем конверсии, не представляет для лексикографа каких-либо трудностей, ибо общеизвестно, что исходное слово должно возглавлять омонимичную пару. При лексикографировании же конверсии в словарной статье конвертированного слова (что имеет место, как уже отмечалось, во всех толковых словарях тюркских языков, за исключением ТСКБЯ) словарная статья должна начинаться с исходного значения. Однако, как показывает приведенный ниже анализ, составителю словаря не всегда бывает легко установить исходное значение слова. Поэтому в некоторых толковых словарях, например, в ТСКЯ¹, ТСКЯ², СТЯ и ТСУЯ, нередко словарная статья начинается не с исходного, а с конвертированного значения слова, ср.: кирг. *бай* 1. Богач, бай. 2. Богатый, изобилующий чем-л.; *жалган* 1. Ложь, враки, неправда. 2. Ложный; *көк* II. Зелень и *көк* IV. Синий, голубой; каз. *кедей* 1. Бедняк. 2. Бедный; *бай* 1. Богач, бай. 3. Богатый, изобилующий чем-л.; *батыр* 1. Богатырь, храбрец. 3. Храбрый, смелый; туркм. *совук*. 1. Холод, мороз. 2. Холодный, морозный. 3. Холодный, остывший (чай, суп и т. п.); *бай* 1. Богач, бай. 2. Богатый, изобилующий чем-л.; узб. *бой* 1. Богач, бай. 2. Богатый, изобилующий чем-л.; *боткоқ* 1. Болото, трясина, топь. 2. Топкий, вязкий, болотистый и др.

В тюркских языках в результате переосмысления глагольные формы на -и, -у/-о часто переходят в имена существительные и прилагательные, ср.: кирг. *мелдеш* 'соревнование, состязание' (от *мелдеш* 'соревноваться, состязаться'), каз. *жабу* 1. Попона. 2. Покрывало; ска-терть. 3. Дверь из войлока (от *жабу*, и. д. от *жап*), кбалк. *туйюш* 'драка' (от *туйюш* 'драться') и т. д.

¹⁷ «Узбек тилининг изоҳли луғатини тузиш учун кўлланма», стр. 50.

В большинстве случаев омонимы, образованные подобным образом, в толковых словарях размещаются правильно, сначала дается исходное слово, а затем слово, образованное от него, ср.: кбалк. *уруш* I гл. 'ругать' и *уруш* II сущ. 'война', *туйюш* I гл. 'драться, сражаться' и *туйюш* II сущ. 'драка', *окъуу* I. и. д. от *окъу* и *окъуу* II сущ. 'учеба; учение', *жабыу* I. и. д. от *жап* и *жабыу* II сущ. 'покрывало, скатерть'; тат. *курку* I гл. 'бояться, опасаться, трусить, пугаться, страшиться' и *курку* II сущ. 'страх, боязнь, испуг', *белдеру* I гл. 1. Дать возможность догадаться. 2. Известить, сообщить. 3. Выяснить, уточнить и *белдеру* II сущ. 'письменное сообщение'; *катлау* I гл. 'складывать слоями, пластами' и *катлау* II сущ. 1. Слой. || Пласт. 2. Сословие, прослойка, слой и др.

Однако в некоторых толковых словарях, в том числе в ТСКЯ¹ и ТСКЯ², этот порядок нередко нарушается, например: кирг. *кеңеш* I сущ. 1. Совет, наставление. 2. Совет, совещание, заседание и *кеңеш* II гл. Советоваться, совещаться; *күрөш* I сущ. 1. Борьба (спорт.). 2. Сражение. 3. Борьба (например, за коммунизм) и *күрөш* II гл. 1. Бороться, схватиться друг с другом. 2. Сражаться, воевать. 3. Бороться (например, за урожай, счастье и т. п.); *окуу* I сущ. 1. Учеба. 2. Наука, учение и *окуу* II. и. д. от *оку*; *жазуу* I сущ. письмо, писание, что-л. написанное и *жазуу* II. и. д. от *жаз*; *буроо* I сущ. 1. Винт, штопор. 2. Бурав. 3. Ключ (для натягивания и настройки струн музыкального инструмента) и *буроо* II. и. д. от *бура*; каз. *айтыс* I сущ. 1. Состязание акынов в импровизации. 2. Диспут, дискуссия. 3. Спор (словесное состязание, обсуждение чего-л.) и *айтыс* II гл. 1. Взаимн. от *айт*. 2. Препираться, пререкаются; ссориться, спорить. 3. Состязаться в импровизации (об акынах); *жарыс* I сущ. 1. Скачки. 2. Состязание (в спорте). 3. Соревнование и *жарыс* II гл. 1. Состязаться в беге. 2. Участвовать в скачках. 3. Состязаться (например, в ораторстве). 4. Соревноваться (в труде). 5. Делать что-л. совместно с кем-л.; *жыртис* I сущ. 1. Разорванный кусок материи. 2. Материя — подарок зятя родственникам жены. 3. Обычай: раздача материи в связи со смертью старых людей и *жыртис* II. Взаимн. от *жырт*.

Из изложенного видно, что лексико-грамматические омонимы, образованные путем конверсии, как и значения полисемантических слов, не во всех толковых словарях тюркских языков размещаются в нужном порядке. Этот вопрос особенно неудовлетворительно разрешен в ТСКЯ¹ и ТСКЯ².

* * *

В тюркских языках многие существительные в позиции определения выполняют роль прилагательных, ср.: кбалк. *жюн жаурукъ* 'шерстяной платок', *агъач кюрек* 'деревянная лопата'; башк. *таш өй* 'каменный дом', *көмөш акса* 'серебряная монета'; тат. *алтын йозек* 'серебряное кольцо', *агач баскыч* 'деревянная лестница'; гуvin. *даш бажың* 'каменный дом'; узб. *кумуш қошиқ* 'серебряная ложка', *темир каравот* 'железная кровать'; кирг. *жез дагара* 'медный тазик', *алтын кашык* 'золотая ложка'; каз. *ағаш җасық* 'деревянная ложка', *жез қоңырау* 'медный колокол' и др. «Здесь трудно говорить о нарушении тождества слова, о его распаде на омонимы... Здесь слово выполняет роль другой части речи как бы по совместительству»¹⁸.

Указанный признак является настолько характерным и важным для тюркских языков, что некоторые лексикографы считают невозможным не учитывать его при составлении словаря, однако придерживаются разных принципов подачи значений существительных рассматриваемо-

¹⁸ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 284.

го типа. Так, например, употребление существительных в позиции определения в функции прилагательного, то есть синтаксически закрепленная конверсия, в ТСУЯ демонстрируется примерами, приводящимися после двух параллельных вертикальных черт [ср.: *олма* 'яблоко, яблоня'. (толк. и илл.). // 'яблоне́вый, яблочный'. (илл.), *ёгоч* 'дерево (древесина)'. (толк. и илл.). // 'деревянный'. (илл.)], в ТСБЯ конверсия демонстрируется примерами, приводящимися после одной косой черты, за которой следует помета — в функц. прил. (ср.: *киндер* сущ. 2. Холст, холстина, полотно. (толк. и илл.) /в функц. прил. Холстинный, холщовый, полотняный. (илл.), *таш* 'камень'. (толк. и илл.) / в функц. прил. 'каменный'. (илл.), в ТСТЯ¹ — после двух параллельных косых черт (в I томе) и за вертикальными чертами (во II и III томах), но здесь, в отличие от ТСУЯ и ТСБЯ, конвертированное значение толкуется (ср. *агач* сущ. 1. Дерево. (толк. и илл.) // в знач. прил. Деревянный. (толк. и илл.); *киез* сущ. 1. Войлок. (толк. и илл.) // в знач. прил. Войлочный. (толк. и илл.). В этом словаре, однако, нет последовательности в подаче существительных, употребляемых в позиции определения, то есть параллельные черты иногда заменяются арабскими цифрами, например: *булат* сущ. 1. Сталь. (толк. и илл.). 2. в знач. прил. Стальной. (толк. и илл.), *салам* 1 сущ. Солома (толк. и илл.). 2. в знач. прил. Соломенный. (толк. и илл.). и др. Это создает затруднения в практике пользования словарем.

Что касается толковых словарей киргизского, азербайджанского, туркменского и казахского языков, то в них синтаксически закрепленная конверсия приведенного типа вообще не учитывается.

Таким образом, синтаксически закрепленная конверсия, проявляющаяся только в одной синтаксической позиции, в сочетании со словами строго определенного семантического профиля, в одних толковых словарях тюркских языков вовсе не отражается, в других, например в ТСТЯ¹ и ТСУЯ, хотя и находит отражение, однако разрабатывается, на наш взгляд, не совсем удачно. Дело в том, что в этих двух словарях лексикограмматические омонимы, образованные по конверсии, и синтаксически закрепленная конверсия, не имеющие между собой ничего общего, разрабатываются одинаковым способом, ср.: тат. *кызыу* II прил. 1. Жаркий. (толк. и илл.) // в знач. нар. Жарко, горячо. (толк. и илл.). и *агач* сущ. 1. Дерево (толк. и илл.). // в знач. прил. Деревянный. (толк. и илл.): узб. *ёмон* 'плохой, нехороший, дурной, скверный'. (толк. и илл.). // 'плохо, нехорошо, дурно, скверно'. (илл.) и *олма* 'яблоко; яблоня'. (толк. и илл.). // 'яблочный, яблоне́вый'. (илл.).

Наиболее удачной представляется разработка синтаксически закрепленной конверсии в ТСКБЯ, ср.: *кзэгъыт* 1. Бумага. (толк. и илл.). 2. :Бумажный. (илл.), *жюн* 1. Шерсть. (толк. и илл.). 2. :Шерстяной. (илл.), *агъач* 1. Дерево. (толк. и илл.). 2. Деревянный. (илл.) и т. п.

Обычно считают, что в позиции определения в функции прилагательного может выступать любое существительное. Однако мнение это ошибочно, так как в качестве прилагательного в данной позиции осмысливаются лишь некоторые существительные.

Сравним следующие словосочетания карачаево-балкарского языка: 1) *жюн жаулуқъ* 'шерстяной платок', *агъач чюй* 'деревянный гвоздь', *баш борч* 'главная задача', *орус тил* 'русский язык' и 2) *терек бутакъ* 'ветка дерева', *школ директор* 'директор школы', *жумуртха къабукъ* 'скорлупа яйца', *къой аякъ* 'ножка овцы' и т. п.

Первые компоненты словосочетаний первого ряда осмысливаются как прилагательные, в то время как о первых компонентах второго ряда словосочетаний этого сказать нельзя.

В первом случае рассматриваемые существительные переводятся на русский язык как прилагательные; в составе предложения они вместе с определяемыми словами образуют конструкции, представляющие собою первый тип изафета. В этом заключается формальное отличие словосочетаний первого ряда от словосочетаний второго.

Но главное не в формальном признаке, а в семантических отношениях слов. Например, сочетания слов *терек бутакъ* 'ветка дерева', *стол аягъы* 'ножка стола' с формальной точки зрения ничем не отличаются от *юй ал* 'двор', *суу бойну* 'берег', *юй тюп* 'пол', *юй баш* 'крыша', *суу жагъа* 'берег', *жаз башы* 'весна' и т. д. Несмотря на это, перечисленные сочетания слов (в отличие от *терек бутакъ* и *стол аягъы*) в современном языке носят характер устойчивых словосочетаний.

Как и конвертированное в прилагательное имя существительное с определяемым словом (*жун халы* 'шерстяные нитки'), двухкомпонентные сложные слова типа кбалк. *таш макъа* 'черепаха', *бал туз* 'сахар' формально представляют собой первый тип изафета.

С этой точки зрения ничем не отличаются, например, и словосочетания типа *тау этек* 'подножие горы' и *бал туз* 'сахар'. Но в первом случае слово *этек* благодаря сочеганию со словом *тау* приобретает, как отмечалось выше, обусловленное значение. Что же касается второго примера, то здесь налицо сложное слово.

Составители ТСКБЯ строят свою работу с учетом всех этих моментов и в каждом конкретном случае руководствуются разными техническими приемами лексикографирования.

* * *

Основные разряды служебных слов в тюркских языках выявлены и описаны в принципе неплохо. Однако некоторые вопросы остаются еще невыясненными, а именно: 1) Сохраняет ли знаменательное слово, выполняя функции служебного слова, свое значение или же в каждой из своих функций оно выступает как самостоятельная семантическая единица? 2) При каких условиях знаменательное слово в служебной функции должно быть выделено наравне с собственно служебными словами данного разряда? В связи с этим категории служебных слов, особенно служебных имен и служебных глаголов, в толковых словарях тюркских языков, как и в тюркско-русских словарях, разрабатываются неудовлетворительно. К служебным именам относятся слова типа кбалк. *ал* 'перёд, передняя часть, сторона чего-л.', *ара* 'промежуток, середина', *жан(ы)* 'бок, боковая сторона, место около чего-л.'; кирг. *асты* 'низ, нижняя часть чего-л.', *усту* 'верх, верхняя часть чего-л.'; каз. *арт* 'зад, задняя часть чего-л.', *алды* 'перёд, передняя часть чего-л.'; башк. *ара* 'промежуток, интервал', *ал(д)* 'перёд, передняя часть, сторона, место, расположенное спереди'; тат. *арт* 'зад. задняя часть, сторона, место, расположенное сзади', *ян* 'бок, боковая смежная сторона, часть'; узб. *ич* 'внутренняя часть, сторона чего-л.', *ён* 'бок, боковая сторона чего-л.' и др.

В рассмотрении служебных имен тюркологи придерживаются различных точек зрения. Одни ученые считают их послелогоами¹⁹, другие —

¹⁹ П. Азимов и др. Туркменский язык. — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 103; Е. И. Убрятова. Якутский язык. — Там же, стр. 420; А. П. Дульзон. Чулымско-тюркский язык. — Там же, стр. 478; С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1966, стр. 94—96.

последеложно-именными словами²⁰, а третьи (их мнение наиболее, как нам кажется, приемлемо) видят в них особую группу служебных слов, занимающих промежуточное положение между послелогоми и именами существительными, и определяют их как «служебные имена»²¹.

К тому же отношение служебных имен к соответствующим знаменательным словам, от которых они образованы, в тюркологической литературе освещено недостаточно. Это не могло не сказаться на их лексикографировании. Так, например, в одних толковых словарях они даются с пометой сущ. [ср.: кирг. *арт* I сущ. Зад, задняя часть (сторона) чего-л. (толк. и илл.), *асты* I сущ. Низ, нижнее пространство, нижняя часть чего-л. (толк. и илл.), *усту* сущ. 'верх, поверхность'. (толк. и илл.); казах. *алды* сущ. 'перёд, передняя часть (сторона) чего-л.' (толк. и илл.), *арт* I сущ. Зад, задняя часть чего-л. (толк. и илл.), *асты* сущ. Зад, задняя часть чего-л. (толк. и илл.); тат. *ал* II сущ. Передняя часть (сторона) чего-л. (толк. и илл.), *ара* сущ. 'промежуток; интервал, дистанция'. (толк. и илл.), *ас* I сущ. Низ, нижнее пространство, нижняя часть чего-л. (толк. и илл.) и т. п.], в других же — как значения соответствующих знаменательных слов, от которых они образованы [ср.: узб. *ич* 4. в роли служебного имени. (илл.), *орт* 2. в роли служебного имени. (илл.); туркм. *аст* 2. в роли служебного имени (илл.), *уст* 2. в роли служебного имени. (илл.) и др.].

Служебные имена в пространственных (дательном, исходном и местно-временном) падежах выступают в послеложной функции. Формы пространственных падежей этих имен в одних толковых словарях приводятся самостоятельными статьями [ср.: туркм. *астына* 'вниз' (толк. и илл.), *астында* 'внизу' (толк. и илл.), *астындан* 'снизу'. (толк. и илл.); узб. *ичига* 'в(о), внутрь (чего-л.)'. (илл.), *ичида* 'в(о), внутри (чего-л.)'. (илл.), *ичидан* 'из, изнутри (чего-л.)'. (илл.) и т. п.], в других — внутри словарной статьи как отдельные значения [ср.: тат. *ал* II. 7. функц. послел. в форме направит. пад. *алдына* 'вперед'. (толк. и илл.) 8. функц. послел. в форме исходн. пад. *алдыннан* 'спереди'. (толк. и илл.) 9. функц. послел. в форме местно-врем. пад. *алдында* 'впередн'. (толк. и илл.)].

Составители ТСКБЯ считают, что слова данной категории нельзя отождествлять с послелогоми и другими собственно служебными словами, а стало быть, рассматривать их в качестве омонимов знаменательных слов, от которых они образованы.

Анализ фактов показывает, что такие слова в подавляющем большинстве случаев в составе изафетного словосочетания сохраняют свое лексическое значение (1). Служебные имена лишь в исключительных случаях могут быть отнесены к послелогам (2). В карачаево-балкарском языке встречаются словосочетания (вторым, то есть ведущим, компонентом их является служебное имя), выступающие в роли сложных слов, например: *юй аллы* 'двор' *жаз баиы* 'весна', *жастыкъ тыш* 'наволочка' (3).

При составлении ТСКБЯ учитываются все эти три момента, и служебные имена рассматриваются как отдельный разряд имен существительных. Одна из их особенностей заключается в том, что они почти

²⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 314; Х. И. Хаджилаев. Послелог и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963, стр. 69.

²¹ Н. К. Дмитриев. Служебные имена в турецком языке. — «Советское языкознание», т. III. 1937, стр. 129; К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 311; М. Э. Закиев. Татарский язык. — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 149; Э. В. Севортян. Крымско-татарский язык. — Там же, стр. 251. и др.

всегда употребляются с притяжательными аффиксами, что также должно быть отражено в словаре.

Вот пример принятого составителями ТСКБЯ метода лексикографической разработки служебных имен:

ИЧ (-им, -инг, -и) 1. Нутро. (толк. и илл.). а) Без притяжательного аффикса обычно не употребляется, б) В дательном, творительном и предложном падежах служит вторым компонентом словосочетания; соответствует русским предлогам «в», «из»: *дорбун ичине* 'в пещеру', *дорбун ичинде* 'в пещере', *дорбун ичинден* 'из пещеры'.

2. (*Къойну, эчкини* д. а. к.) *ичи* 'внутренности (овцы, козы и т. п.)'. (толк. и илл.).

3. (*Юйню, дорбунну, сууну* д. а. к.) *ичи* 'внутренняя часть (дома, пещеры, водоема и т. п.)'. (толк. и илл.).

4. (*Хычыны, бёрекини* д. а. к.) *ичи* 'начинка' (толк. и илл.).

5. (*Пальтону, костюмну* д. а. к.) *ичи* 'подкладка (пальто, костюма и т. п.)'. (толк. и илл.).

6. :Внутренний.

В толковых словарях некоторых тюркских языков служебный глагол обычно не выделяется в самостоятельную словарную статью. Лексикографы рекомендуют расписывать служебное значение глагола за соответствующей цифрой как одно из значений полноценного глагола. Иначе говоря, лексические и служебные значения слова ими описываются в одном ряду [ср.: кирг. *көр* III. 4. употр. в роли вспом. гл. (илл.), *жор* 9. употр. в роли вспом. гл. (илл.); каз. *кел* 7. Употребляясь в качестве основного глагола и имени существительного, выполняет роль вспомогательного глагола. (илл.), *бер* I.9. вспом. гл. в составе сложн. гл. (илл.); тат. *күрү* 12. в функц. вспом. гл. (илл.), *китү* 21. в функц. вспом. гл. (илл.); узб. *бермақ* 5. с деепр. на (-и)б другого гл. означает, что действие совершается действующим лицом не для себя. (илл.); башк. *башлау* (*башла-*) гл. 4. вспом. 'в сочет. с деепр. на -а, -й выражает начало действия. (илл.), *йөрә* (*йөрө-*) гл. 16. вспом. 'в сочет. с деепр. на -н выражает процесс действия'. (илл.) и т. п.], что является серьезным недостатком, так как эти значения существенно отличаются друг от друга.

Учитывая это, карачаево-балкарские лексикографы используют имеющийся опыт дифференцированного лексикографирования служебного значения слова:

1. В тех случаях, когда глагол, употребляющийся в служебном значении, не имеет ничего общего с полноценным глаголом, от которого он образовался, служебный и самостоятельный глаголы рассматриваются как омонимы.

2. В тех же случаях, когда полноценный и образованный от него служебный глагол не могут быть рассмотрены как омонимические слова, они разрабатываются в одной словарной статье, причем лексические значения и служебные функции слова описываются раздельно. Сначала разрабатываются лексические, затем служебные значения слова, которые отделяются от первых одной вертикальной черточкой (|). Например:

КЕР I. Видеть, увидеть. (толк. и илл.). | Сочетаясь с деепричастием на -н, выступает в роли вспомогательного глагола с семантикой пробы. (толк. и илл.).

КЕР II. Оказывается (модально-вспомогательный глагол, употребляемый в форме I-го л. ед. ч.). (толк. и илл.).

УША I. Походить (на кого-что). (толк. и илл.).

УША II. Кажется, оказывается. (толк. и илл.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СТЯ — «Түркмен дилиниң сөзлүги» («Словарь туркменского языка»). Ашгабат, 1962.

ТСАЯ — «Азәрбајҹан дилинин изаһлы луғәти» («Толковый словарь азербайджанского языка»), т. I. А—Г. Баку, 1964.

ТСБЯ — «Башкорт теленәң аңлатма һүзлегә» («Толковый словарь башкирского языка»). Рукопись.

ТСКБЯ — «Къарачай-малкъар тилни аңылатма сөзлюгю» («Толковый словарь карачаево-балкарского языка»). Рукопись.

*ТСКЯ*¹ — «Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү» («Толковый словарь киргизского языка»). Фрунзе, 1969.

*ТСКЯ*² — «Қазақ тілінің түсіндірме сөздүгі». («Толковый словарь казахского языка»). Алматы, т. I — 1974, т. II — 1976, т. III — 1978, т. IV — 1979.

*ТСТЯ*¹ — «Татар теленәң аңлатмалы сүзлегә» («Толковый словарь татарского языка»). Казан, т. I — 1977, т. II — 1979.

ТСУЯ — «Ўзбек тилининг изоҳли луғати». («Толковый словарь узбекского языка»). Рукопись.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Г. Н. ЗИКРИЛЛАЕВ

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

На шестом пленарном заседании Советского комитета тюркологов академик А. Н. Кононов подчеркнул результативность системного исследования частей речи и соответствующих грамматических категорий тюркских языков¹ при помощи диалектического метода, получившего обоснование в работах С. Н. Иванова² и дальнейшее развитие в исследованиях Х. Г. Нигматова³. А. Н. Кононов отметил также плодотворность «изучения лексического состава тюркских языков с помощью новых для тюркологии методов и приемов»⁴, в частности компонентного анализа.

Компонентный анализ в сочетании с контекстуальным применительно к грамматическим явлениям способствует выявлению не только релевантных сем со степенью их отмеченности⁵, но и изменений, происходящих в составе последних. Иначе говоря, такой подход позволяет точнее определить как денотативное содержание, так и коннотативные значимости⁶, служащие для различения грамматических синонимов.

Целью данной статьи является исследование контекстуальных синонимических отношений между временными формами изъявительного наклонения, не изучавшихся до сих пор на материале узбекского языка.

1. Форма на -ди. В данной форме отмечены семы «реальность», «прошедшее время», «абсолютность», «неперфектность» и «непосредственное наблюдение», проявляющиеся одновременно в нейтральном контексте.

1. На основе семы «прошедшее время» форма на -ди противопоставлена формам настоящего времени. В неблагоприятном контексте данная сема подавляется, и форма на -ди может стать синонимом форм настоящего времени, в частности, формы на -япти: *Отақўзининг хаёлини: — Жамол ака! Жамол Бүрибоевич келдилар, дада! — деган овоз*

¹ Г. Ф. Благова. Шестое пленарное заседание Советского комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1980, № 2, стр. 92.

² С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абул-Гази-Хана. Ташкент, 1969; *его же*. Курс турецкой грамматики. Часть 1. Л., 1975.

³ Х. Г. Нигматов. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркском глаголе. — «Советская тюркология», 1970, № 5; *его же*. Принципы описания морфологии восточно-тюркского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 6; *его же*. Соотношение частей речи в восточно-тюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1975, № 1; *его же*. Основы классификации частей речи в языке письменных памятников XI—XII веков. — В журн.: «Узбек тили ва адабиёти», 1973, № 6 и др.

⁴ Г. Ф. Благова. Указ. информ., стр. 93.

⁵ См.: Г. Н. Зикриллаев. Модальность и система форм изъявительного наклонения. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1978.

⁶ См.: Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, стр. 35; В. И. Говардовский. История понятия коннотации. — «Филологические науки», 1979, № 2, стр. 83—86.

6-м
перу

бўлиб юборди. Жамол Бўрибоев, ўзига ўхшаган уч-тўртта салобатли шериклари қуришовида, йўлакда вазмин одимлаб, уларга яқинлашиб келарди! (О. Ёқубов «Диёнат») 'Мечты Атакузы перебил возглас: — Джамал-ака! Джамал Бурибаевич приехал, паца! — Тяжело шагая по дорожке, к ним приближался Джамал Бурибаев в окружении трех-четырёх таких же солидных, как и он, спутников'. В этом примере благодаря регрессивной смысловой ассимиляции со стороны макроконтракста в форме на -ди проявилась сема «настоящее время» в виде контактности с моментом речи. Такое употребление формы на -ди обусловлено несходством субъективного отношения говорящего с объективным характером действия. Иными словами, говорящий заинтересован в законченности еще продолжающегося действия, поэтому он его видит уже совершенным, то есть его фантазия опережает события, и это повышает коммуникативный эффект действия, оживляет повествование, наделяя его эмоциональной окраской.

Ух!

2. Форма на -ди вступает в синонимическое отношение с формами настояще-будущего времени, а именно с формой на -ади⁷, также в неудобных для семы «прошедшее время» контекстах: — Йўқ, йўқ, аввал ваъда берасиз, кейин айтаман, ўртоқ Шукуров. — Хўп, ана, ваъда берди м дейлик! (О. Ёқубов «Диёнат») 'Нет, нет, сначала обещайте, тогда скажу, товарищ Шукуров. — Ну ладно, допустим, что я пообещал'; Шунанга қилиб колхоз синди ми энди? — Нега синади? (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Теперь колхоз обанкротился? — Почему обанкротился?'; Билмадим, ростми-ёлғонми, Москвага бориб ўқийман дейди (А. Қаҳҳор «Синчалак») 'Не знаю, правда, нет ли, говорит, что поедет в Москву учиться'. В первом примере благодаря смысловой ассимиляции со стороны макроконтракста, во втором — благодаря лексическому средству в микроконтексте в форме на -ди проявилась сема «будущее время», а в последнем благодаря лексическому свойству глагола билмоқ — сема «настоящее время» в характерной для формы на -ади разновидности. В таких контекстах сема «прошедшее время», хотя объективно и подавляется, однако субъективно присутствует. Вследствие этого создается впечатление, что действие уже совершилось, благодаря чему форма на -ди «делает речь выразительной»⁸.

3. Если в форме на -ибди, стоящей в макроконтраксте и играющей ассимилирующую роль, сема «непосредственное ненаблюдение» проявляется как услышанное, то контекст оказывается неблагоприятным для семы «непосредственное наблюдение» формы на -ди, которая подавляется, и форма на -ди также служит для выражения семы «непосредственное ненаблюдение» в той же разновидности: Режалар бузилди. Мухторхонни Афғонистон чегарасидан сиёсий идора қўлга олибди. Нимага? — Нимага эканлиги маълум, Ўш ва Ўзгант атрофида иш чиқмагандан кейин Хисор, Кўлоб томонга юборилган эди. Шу ерда қўлга тушди (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Планы нарушились. Мухтархана с афганской границы схватило политическое управление. — Почему? — Известно, почему, после того, как дело не получилось в окрестностях Оша и Узгента, он был послан в сторону Гиссара, Куляба. Здесь он и попался'. В подобных контекстах коннотативный эффект действия в форме на -ди состоит в том, что посредством ее сообщается о действии, очевидцем которого будто бы был сам говорящий, что объясняется субъективным

хотел
пересказать

⁷ Другая форма настояще-будущего времени (форма на -ар) в современном узбекском языке не вступает в синонимическое отношение с формами прошедшего времени в связи с соответствующими особенностями модальной семы.

⁸ «Хозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957, стр. 397.

присутствием объективно нейтрализованной семы «непосредственное наблюдение».

4. Чтобы вступить в синонимическое отношение с формой на *-ган*, наряду с неблагоприятностью контекста для семы «неперфектность» требуется еще соответствие характера общей семы «прошедшее время», то есть действие в форме на *-ди* не должно быть совершено в процессе акта коммуникации: *Шу болам тирик етим бўлмасин, шу боламнинг пешонасига ер битсин деб келганман... Болам тирик етим бўлмасин деб келдим. Болам дарбадар бўлмасин деб келдим* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Я пришла в надежде, что мой ребенок не станет живым сиротой, что ему будет суждена земля... Что не останется живым сиротой. Что не станет бездомным скитальцем'. В форме на *-ди* сема «неперфектность» подавлена под влиянием лексического свойства глагола *келмоқ*, что вместе с тем способствует проявлению противоположной семы. В таких контекстах форма на *-ди* употребляется в том случае, если акт коммуникации не требует специального выражения семы «перфектность».

Сказанное выше относится также к контекстам, где форма на *-ди* в 1-м лице образована от глаголов, выражающих переход результата действия на субъект (*уйланмоқ* 'жениться', *ювинмоқ* 'умываться', *чарчамоқ* 'уставать' и другие).

Во 2-м и 3-м лицах в неблагоприятных для семы «непосредственное наблюдение» контекстах форма на *-ди* также входит в синонимические отношения с формой на *-ган*, что возможно при транспозиции, то есть при употреблении в контексте лексических средств, характерных для сем «прошедшее время» и «непосредственное ненаблюдение» формы на *-ган* или в нелингвистическом контексте.

5. Форма на *-ди* может стать синонимом формы на *-ар эди*, если под давлением контекста нейтрализуется сема «абсолютность», однако такие контексты нами не встречались. А сема «длительность» формы на *-ар эди*, отсутствующая в семантическом содержании формы на *-ди*, может быть выражена в контексте с формой на *-ди*, вследствие чего данные формы частично сближаются: *Саидий қўлини орқасига қилиб эшик олдидан нари-бери юриб турди. Қизнинг лаб тишлаб бош чайқашини унинг кўз олдидан, майин товуши қулоғидан кетмас эди* (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Заложив руки за спину, Саиди прохаживался взад-вперед перед дверью. Перед его взором стоял образ девушки с закушенной губой, отрицательно качающей головой, в ушах звучал ее нежный голос'.

II. Форма на *-ибди*. Для данной формы релевантны семы «реальность», «прошедшее время», «абсолютность», «неперфектность» и «непосредственное ненаблюдение», последняя из которых проявляется в двух разновидностях, что обусловлено формой лица и частично условиями контекста.

1. Форма на *-ибди* сближается с формой на *-ди* до полной синонимичности, если в 1-м лице сема «непосредственное ненаблюдение» проявляется как узнавание впоследствии, а макроконтэкст навязывает ей сему «непосредственное наблюдение»: *Самовар қайнаб турган эди. «Битта чой дамланг» деган гап оғзимдан чиқиб кетибди. Балоба қолдим* (А. Қаҳҳор «Синчалак») 'Самовар кипел. С моих губ слетело: «Заварите чай». Досталось мне'. Здесь в объективном плане характер действия в форме на *-ибди* не отличается от такового в форме на *-ди*, но в субъективном — между ними существует различие, ибо сема формы на *-ибди*, нейтрализованная под ассимилирующим влиянием формы на *-ди*, сохраняет свою особенность, а именно, действие характеризуется как совершившееся вне воли говорящего (то есть субъекта). В этом и заключается коннотация формы на *-ибди* в таких контекстах.

2. Форма на *-ибди* выступает синонимом формы на *-ган*, если сема «непосредственное ненаблюдение» проявляется в характерной для формы на *-ган* разновидности (1), или она нейтрализуется вместе с семой «неперфектность» (2): *Шодиев бақириб берди: «Демак, тушунтирмабсиэлар!»* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») *‘Шадиев зарычал: «Значит, вы не объяснили!»; Ҳамма шарт-шароитларни яратиб қуйибмиз, домлажон* (О. Ёкубов «Диёнат») *‘Мы создали все условия, дорогой домла’*. В первом примере сема «непосредственное ненаблюдение» выступает как обоснование сообщения определенным доводом, чему способствует лексическое средство, характерное для семы формы на *-ган*. Во втором примере реализованы семы «непосредственное наблюдение» и «перфектность» в виде контактности результата действия с моментом речи, чему способствует лексическое свойство вспомогательного глагола *қуй*⁹ и присутствие субъекта действия в акте коммуникации, что, в свою очередь, обусловлено формой лица. Нейтрализованные семы сохраняют свою особенность субъективно, чем и объясняется употребление формы на *-ибди* в подобных контекстах.

3. Форма на *-ибди* вступает в синонимические отношения с формой на *-ар эди*, в тех случаях, когда она образована от глаголов *турмақ* (‘стоять’ и ‘вставать’), *ўтирмақ* (‘сидеть’ и ‘садиться’), *ётмақ* (‘лежать’ и ‘ложиться’) и *юрмақ* (‘ходить’ и ‘идти’). Эти глаголы из-за лексической синсемантичности могут выражать противоположные семы¹⁰: «прошедшее время», «непосредственное ненаблюдение» (как услышанное) и семы «настоящее время», «непосредственное наблюдение» (одновременно проявляются семы «абсолютность» и «длительность»). Синонимическое отношение между этими формами возможно во втором случае благодаря смысловой ассимиляции. Под ассимилирующим влиянием макроконтекста в форме на *-ибди* подавляются семы «настоящее время» и «абсолютность», проявляются семы «прошедшее время» и «относительность» в разновидности, характерной для формы на *-ар эди*, а сема «длительность» сохраняется, вследствие этого она становится синонимом формы на *-ар эди*: *Камера ёрилди. Сумкада на резина бор, на елим. Булоқ ҳам узоқ. Шаҳар қўрғони кўриниб турибди. Назарида худди шу дарвоза оғзида велосипед устаси бордай бўлди* (А. Қаҳҳор «Сароб») *‘Камера лопнула. В сумке ни резины, ни клея. И родник далеко. Виднеется городская крепость. Ему показалось, будто бы в жерле этих ворот найдется велосипедный мастер’*.

III. Форма на *-ган*. Семантическое содержание данной формы складывается из сем «реальность», «прошедшее время», «абсолютность», «непосредственное наблюдение», «непосредственное ненаблюдение» и «перфектность», последние две из которых имеют несколько разновидностей¹¹.

В отличие от других синтетических форм, в этой форме не могут реализоваться все релевантные семы одновременно, так как четвертая и пятая семы исключают друг друга. Вместе с тем эти семы связывают ее с обеими синтетическими формами, благодаря чему она выступает как включенное третье¹².

1. Форма на *-ган* станет синонимом формы на *-ибди* в контекстах, где сема «непосредственное ненаблюдение» проявляется в виде услышанности: *Мухторовнинг ўзи айтиб берди. Ўшанда у Ўроздан қўрққан,*

⁹ А. Хожиев. Узбек тилида кўмакчи феъллар. Тошкент, 1966, стр. 135.

¹⁰ См.: «Ҳозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957, стр. 402; «Ўзбек тили грамматикаси». Тошкент, 1975, стр. 499.

¹¹ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959, стр. 25—26.

¹² Х. Г. Нигматов. Включенное третье в морфологической системе тюркских языков. — «Советская тюркология», 1977, № 4.

сирининг фош бўлишидан чўчиган ва ўша фурсатнинг ўлдиёт Чодакка кираверишидаги ўрикзор этагида уларнинг ҳаммасини оттириб ташлаган (Ҳ. Умарбеков «Жўра қишлоқ») Мухтаров сам расказал. Тогда он испугался Ураза, что тайна будет раскрыта, и тотчас приказал всех их расстрелять на краю абрикосовой рощи у въезда в Чадак'. В этом примере и вообще в подобных контекстах форма на *-ган* приобретает коннотативную значимость благодаря семе «перфектность», то есть выражает субъективное отношение говорящего к услышанному действию, чего нет в форме на *-ибди*, так как во 2-м и 3-м лицах она призвана выражать данный семантический признак.

2. Синонимические отношения формы на *-ган* с формой на *-ган эди* создаются в контекстах, неблагоприятных для семы «абсолютность», которая подавляется под воздействием двух факторов — либо смысловой ассимиляции (1), либо транспозиции (2): *Ўша мақолангиз неча кунда чиққан эди?* — *Берган кунимнинг эртасига чиққан* (А. Қаҳҳор «Сароб») 'За сколько дней была опубликована та статья? — Как пода-ла, так на другой день и вышла'; *Эшик секин очилиб, Маҳбуба кирди. Сал қизарган кўларининг четига кўкимтир бўёқ сурган, ўзига жуда ярашадиган парча гулли янги кўйлагини кийган* (О. Ёқубов «Диёнат») 'Тихо раскрылась дверь, и вошла Махбуба. Чуть покрасневшие глаза подведены зеленоватой краской, на себя она надела новое цветастое платье, которое было ей к лицу'. В таких контекстах употребление формы на *-ган* объясняется необходимостью подчеркивать сему «перфектность». То же самое наблюдается и в контекстах, где форма на *-ган* под влиянием лексических средств транспонируется в речевые условия, характерные для формы на *-ган эди*.

3. Чтобы быть синонимом формы на *-ар эди*, форма на *-ган* должна входить в контекст, благоприятный для семы «непосредственное наблюдение» и неблагоприятный для семы «абсолютность». Вместе с тем должна выражаться сема «длительность», чему способствует лексическое средство (1) или повтор формы на *-ган* (2): *Арслонбек акангиз вақтида мени хўп урган. Лекин ҳозир эсига тушса, хижолат бўлади* (А. Қаҳҳор. «Синчалак») 'В свое время ваш брат Арсланбек меня немало колотил. Но теперь, как вспомнит, испытывает смущение'; *Отқоровулар у ёқдан бу ёққа чопган, йўртган, қаттиқ шивирлаб кимгадир дашном берган, сафдан салгина чиққан одамни юз-кўзи демай қамчиллаган...* *Хийла вақтдан кейин Қўжон томондан бир тўда отлиқ кўринди* (А. Қаҳҳор. «Утмишдан эртақлар») 'Конные стражники скакали рысцей туда-сюда, громким шепотом поносили кого-то, невзирая на лица били плетями людей, которые хоть чуточку нарушали строй... Через довольно долгое время из Коканда показалась группа всадников'. В подобных контекстах форма на *-ган* употребляется, чтобы подчеркнуть сему «перфектность».

4. Если контекст неудобен для семы «прошедшее время» формы на *-ган*, то в зависимости от неблагоприятствующих причин она становится синонимом формы на *-япти* или на *-ади*. Она вступает с формой на *-япти* в синонимическое отношение благодаря лексическому свойству глагола и макроконтексту, выражающему сему «настоящее время» или «будущее время»: *Қаландаров бир оздан кейин дунгиллаб жавоб берди: — Жиндай қурт боққан миз...* *Эрта-индин пиллани териб олсак бўшайди* (А. Қаҳҳор «Синчалак») 'Через некоторое время Каландаров пробурчал в ответ: — Выкормили немного шелкопряда... Будет свободна, если завтра-послезавтра соберем коконы'.

С формой на *-ади* синонимические отношения создаются благодаря лексическим особенностям некоторых глаголов (1), повтору одного и

того же глагола (2) или разных глаголов. При этом повтор глаголов придает действию характер длительности¹³: *Мен сизга ўхшаган эмасман: ер-сув ўзимга керак бўлмаса ташлаб кета бермайман, боламни ўйлайман* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'Я не такая, как вы: я не брошу землю, если она мне самой не будет нужна, я думаю о своем ребенке'; *Энди сизнинг этагингизни ушлаганим ушлаган, Ўрмонжон ака,—деб кўзига ёш олгандай бўлди*. (А. Қаҳҳор, там же) 'Теперь у меня вся надежда на вас, Урманджан-ака, — притворно всплакнула она'. Во всех приведенных выше примерах сема «перфектность» не нейтрализуется, чем и объясняется употребление формы на *-ган* в таких контекстах.

IV. Форма на *-ган эди*. Для этой формы релевантны семы «реальность», «прошедшее время», «непосредственное наблюдение», «перфектность» и «относительность», реализующиеся одновременно в одном и том же контексте.

Для сближения формы на *-ган эди* с формой на *-ди* до полной синонимичности сема «относительность» должна быть нейтрализована, сема «перфектность» — выражаться избыточно, а характер семы «прошедшее время» — совпадать с таковым в форме на *-ди*: — *Хўш нима қилиб юрибсан? — Сизга ош қилиб берайми, деб сўрагани чиққан эдим* (А. Қодирий «Меҳробдан чаён») 'Ну, что тут ходишь? — Я вышла спросить, приготовить ли для вас плов'. В данном примере благодаря макроконтексту, лексическим особенностям глагола *чиқмоқ* и форме лица действие в форме на *-ган эди* связано с актом коммуникации, то есть результат действия 'аличествует в момент речи. Но сема «относительность» сохраняется. Следовательно, форма на *-ган эди* сближается с формой на *-ди* частично.

V. Форма на *-ётган эди*. В этой форме отмечаются семы «реальность», «прошедшее время», «относительность», «неперфектность», «непосредственное наблюдение» и «длительность», поэтому для их одновременного проявления достаточно нейтральность контекста.

Сема «прошедшее время» в неблагоприятном контексте подавляется и вместо нее проявляется сема «настоящее время» в виде контактности с моментом речи, то есть в характерной для формы на *-япти* разновидности¹⁴. Но вторая различительная сема (то есть «относительность») не нейтрализуется, в связи с чем синонимия этих форм носит частичный характер.

VI. Форма на *-ар эди*. Из-за синсемантичности данной формы ее релевантные семы проявляются в благоприятном контексте. Это — семы «реальность», «прошедшее время», «непосредственное наблюдение», «относительность» и «длительность».

1. Формы на *-ар эди* и *-ган эди* отличаются друг от друга отсутствием в их семантическом содержании соответственно сем «перфектность» и «длительность». Синонимическое отношение между этими формами возможно в контекстах с глаголами *турмоқ*, *ўтирмоқ* и *ётмоқ*, так как в лексическом содержании этих глаголов наличествуют как состояние покоя (разновидность семы «перфектность»), так и длительность: *Мухайё шахарнинг нариги чеккасидаги «Роҳат боғчаси» нинг кираверишида кутиб турар эди, Анварни узоқдан кўриб қийшайганича унга қарши юрди* (А. Қаҳҳор «Муҳаббат») 'Мухайя ожидала у входа в «Парк отдыха» на другом конце города, увидев издали Анвара, она, ссутулившись, зашагала навстречу ему'. В этом примере главным явля-

¹³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 219.

¹⁴ Ср.: «Ўзбек тили грамматикаси». I том. Тошкент, 1975, стр. 503.

ется подчеркнуть сему «длительность», поэтому употреблена форма на *-ар эди*. Замена ее формой на *-ган эди* приведет к подчеркиванию семы «перфектность».

2. В семантическом содержании форм на *-ар эди* и *-ётган эди* нет оппозитивных сем, поэтому их можно считать парадигматическими синонимами. Но, во-первых, степень отмеченности релевантных сем не совпадает, во-вторых, различен характер сем «длительность» и «относительность». Поэтому для замены их друг другом в одном и том же контексте эти различия должны быть как-то нивелированы: *Сидиқжон бу чоқ қиз боланинг тақдири тўғрисида ўйлар эди, чолнинг гапини эшитмади* (А. Қаҳҳор «Қўшчинор чироғлари») 'В это время Сидикжан раздумывал о судьбе девушки и не расслышал слов старика'. В этом примере благодаря лексическому средству (*бу чоқ*) сема «относительность» выступает в разновидности, характерной для формы на *-ётган эди*¹⁵, а сема «длительность» — в разновидности, свойственной форме на *-ар эди*. Употребление в данном случае формы на *-ар эди* объясняется требованием акта коммуникации подчеркнуть сему «длительность».

VII. Форма на *-япти*. Эта форма автосемантична, поэтому ее релевантные семы — «реальность», «настоящее время», «длительность», «непосредственное наблюдение», «абсолютность», «неперфектность» — проявляются одновременно в нейтральном контексте.

1. Формы на *-япти* и *-ди* противопоставлены по семам «настоящее время», «прошедшее время». Вместе с тем одна особенность этих сем совпадает, а именно, действие, выражаемое ими, может совершиться во время акта коммуникации, что открывает широкие возможности для синонимического отношения и с направлением: *-япти* > *-ди*: *Ҳозир соат тўққиздан оша япти* (О. Ёқубов «Диёнат») 'Сейчас уже больше девяти часов'. В этом примере характер действия больше соответствует временной семе формы на *-ди*, а употребление формы на *-япти* обусловлено желанием говорящего представить действия еще продолжающимися.

2. Форма на *-япти* отличается от формы на *-ар эди* по семам «настоящее время» и «абсолютность», поэтому в контекстах, неблагоприятных для этих сем, она может стать синонимом формы на *-ар эди*: *Сафар иккимиз янтоқ ортилган эшагимиз қадамига қараб келаяпмиз. Бир жиҳатдан, бўрига ем бўлмай омон қолганимизга хурсанд бўлсак, иккинчидан, бедана овидан маҳрум бўлганимизга ачинардик* (Н. Сафаров «Навруз») 'Мы с Сафаром шли в такт шагам нагруженного янтаком осла. С одной стороны, мы радовались, что не стали добычей волка, с другой — сожалели, что не попали на ловлю перепелок'. Вследствие смысловой ассимиляции со стороны макроконтракста в форме на *-япти* подавлены семы «настоящее время» и «абсолютность». Вместо них проявились семы «прошедшее время» и «относительность». Однако сема «настоящее время» свои особенности не теряет. Поэтому форма на *-япти* производит впечатление, якобы действие происходит на глазах говорящего и слушающего, что в свою очередь служит для оживления описания прошедших событий.

VIII. Форма на *-ади*. Эта форма синсемантична, поэтому ее релевантные семы — «реальность», «абсолютность», «неперфектность», «длительность», «настоящее время», «будущее время», «непосредственное наблюдение», «непосредственное ненаблюдение» — за исключением первых трех проявляются в благоприятном контексте. Однако один и тот

¹⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 227.

же контекст не может быть благоприятным для всех них, ибо две последние пары сем оппозитивны.

В контекстах, неблагоприятных для семы «настоящее время» или «будущее время», создаются синонимические отношения между формой на *-ади* и формами прошедшего времени.

1. Благодаря смысловой ассимиляции со стороны формы на *-ди* указанная форма станет ее синонимом: *Мен кеча ҳам келган эдим. Бир профессор фирқа ячейкасининг котиби билан уришди; У ҳам сизнинг фикрингизни айтди*: «*ўзларинг ўқит дейсизлар-да, яна чек қўясизлар*», *дейди* (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Вчера я тоже приходил. Один профессор повздорил с секретарем партийной ячейки; он тоже высказывает вашу мысль: «Сами же требуете учи, а ограничиваете»'. Хотя здесь форма на *-ади* под давлением макроконтэкста выражает действие в прошлом, она вместе с тем создает впечатление, что действие как будто происходит в настоящем (в глаголе *дейди*) или в будущем (в глаголе *айтади*) времени. В результате такого несоответствия между макроконтэкстом и микроконтэкстом форма на *-ади* способствует оживлению повествования, повышению его коммуникативного эффекта.

2. Благодаря смысловой ассимиляции со стороны макроконтэкста форма на *-ади* может стать синонимом формы на *-ибди*: — *Нокас! Тоғаннинг бошига шундай мусибат тушади-ю, сен бўлсанг... диссертацияни ўйлайсан!* (О. Ёқубов «Диёнат») 'Подлец! На твоего дядю сваливается такое несчастье, а ты... о диссертации думаешь!' Форма на *-ади* здесь под воздействием макроконтэкста выражает семы «прошедшее время» и «непосредственное ненаблюдение», проявляющиеся как нечто услышанное из соответствующего источника сообщения.

В таких контекстах в результате столкновения оппозитивных сем в форме на *-ади* объективно нейтрализованные семы субъективно сохраняют свою особенность, поэтому совершившееся в прошлом действие воспринимается как совершающееся в будущем. И реальность его подтверждается уверенностью говорящего.

Форма на *-ади* от глаголов *турмоқ*, *ётмоқ*, *ўтирмоқ*, *юрмоқ* также выступает синонимом формы на *-ибди* благодаря лексическим свойствам данных глаголов. В отличие от других в подобных контекстах в составе сем формы на *-ади* не происходит изменений. Различие между этими формами состоит в том, что диапазон семы «настоящее время» в форме на *-ади* шире, что в свою очередь исключает ее замену синонимичной формой: *Мен индаганим йўқ, ўзи мени кўриб қалтираб кетди. Кейин нимага бу ерда ўтирасан, деб сўқди* (О. Мухторов «Уруш ва бола») 'Я не промолвила ни слова, он сам при виде меня задрожал. А потом стал браниться, мол, что ты здесь расселась'.

3. Форма на *-ади* вступает в синонимические отношения с формой на *-ган* также посредством смысловой ассимиляции: — *Бу ишнинг ҳар бир варағидан шахсий ғараз ҳиди келади-ку — деди. — Хўш, қандоқ шахсий ғараз экан? — Порахўр дейилади, порахўрлигига далил йўқ. Хотинни зўрлаган, одам ўлдирган дейилади, даъвогар йўқ* (А. Қаҳҳор «Сароб») 'Из каждого листа этого дела веет запахом личной корысти! — сказал он. — Ну, какова же личная корысть? — Сказано, что взятчик — подтверждения нет. Насиловал женщину, убил человека — истцов нет'. Здесь в форме на *-ади* подавлены семы «настоящее время» и «неперфектность», вместо них выступили семы «прошедшее время» и «перфектность». В таких контекстах форма на *-ган* употребляется для специального выражения сем «непосредственное ненаблюдение» и «перфектность».

4. Форма на *-ади* становится синонимом формы на *-ар эди* также под воздействием смысловой ассимиляции: *Шу куни йўлакка келиб қулоқ*

солдим. Ҳовли жимжит, ариқ бир қиёмда шовиллайди, чорвоғ томондан баъзан барра маърайди... Бир оздан кейин ҳовлидан тап-туп ва шилдираган, жириклаган товуш эшитилди (А. Қаҳҳор «Ўтмишдан эртақлар») 'В этот день, войдя в проход, я прислушался. Во дворе тишина, монотонно журчит арык, со стороны сада доносится иногда бляные барашка... Через некоторое время послышалось топанье, шарканье и брыканье'. В этом примере прогрессивная ассимиляция со стороны формы на -ди в форме на -ади подавляет временные семы и сему «абсолютность», вместо них проявляются семы «прошедшее время» и «относительность». Кроме этого, лексическое свойство глаголов и повтор формы на -ади способствуют проявлению семы «длительность». Вследствие этого форма на -ади становится синонимом формы на -ар эди.

В таких контекстах, если акт коммуникации не требует специального подчеркивания сем «прошедшее время» и «длительность», употребляется форма на -ади, в противном случае появляется форма на -ар эди.

Из изложенного следует, что большинство временных форм изъявительного наклонения вступает между собой в односторонние или двусторонние синонимические отношения. Такие отношения создаются в контекстах, неблагоприятных (неудобных) для дифференциальных сем или для разновидностей общих сем; в контекстах, где свое выражение находят семы, отсутствующие в семантическом содержании соотнесенных форм, где нивелируются различия в характере общих сем, или же в нелингвистическом контексте. Этому способствуют: смысловая ассимиляция, лексические свойства некоторых глаголов, формы лица, повторы отдельных временных форм, нелингвистические факторы или транспозиция под воздействием лексических средств, грамматические формы. При этом денотативное содержание временных форм, вступающих в синонимические отношения, как правило, дополняется коннотативной окраской, благодаря чему эти формы используются для повышения коммуникативного эффекта действия, оживления повествования и выразительности речи, подчеркивания, интенсификации, специального выражения определенных релевантных сем или привнесения других субъективных оттенков.

В некоторых формах, противопоставленных более чем одной семе, нейтрализуются не все оппозитивные семы. В таком случае можно говорить лишь о частичной синонимии временных форм.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О. Ёқубов. Диёнат. Тошкент, 1974.
2. А. Қаҳҳор. Қўшчинор чироғлари. Асарлар. VI томлик. IV том. Тошкент, 1967.
3. А. Қаҳҳор. Муҳаббат. Асарлар. VI томлик. VI том. Тошкент, 1967.
4. А. Қаҳҳор. Сароб. Асарлар. VI томлик. III том. Тошкент, 1967.
5. А. Қаҳҳор. Синчалак. Асарлар. VI томлик. II том. Тошкент, 1967.
6. А. Қаҳҳор. Ўтмишдан эртақлар. Асарлар. VI томлик. II том. Тошкент, 1967.
7. А. Қодирий. Меҳробдан чаён. Тошкент, 1974.
8. О. Мухторов. Уруш ва бола. — «Ҳаёт дарвозаси» (ҳикоялар). Тошкент, 1978.
9. Н. Сафаров. Наврӯз. Тошкент, 1973.
10. Ҳ. Умарбеков. Жўра кишлок. — «Ок калдирғоч» (қиссалар). Тошкент, 1974.

В. И. СЕРГЕЕВ

ЧЕРЕДОВАНИЕ $k \sim n$ ($n \sim k$) И ЯВЛЕНИЕ МЕТАТЕЗЫ nk И kn В ЧУВАШСКОМ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

На чередование $k \sim n$ в чувашском языке впервые обратил внимание Н. И. Ашмарин в конце прошлого столетия. Он писал: «Нужно заметить еще крайне редко встречающееся чередование звука k (x) с губным n в словах *сёлёх*, *сёлёк* и *сёлён* — пиявка; *хёкле* (козм.) и *ёпле* — шалаш, *пёчкёкё* — маленький и *кёсён* — малый (венгр. *piczike* — *winzig*; теленг., ниже-бийск. *kičik*, *kičinek*; венгр. *kis kicsi*, *kicsiny* — малый). Нельзя ли отнести сюда также тюрк. *бу*, алт. *пу*, чув. *ку* — этот и алт. *пойум*, *пойун*, *пойы*, чув. *хам*, *ху*, *хай*, — я, ты, он сам?»¹.

Поставленный Н. И. Ашмариным вопрос о чередовании $k \sim n$ решался языковедами по-разному. Крайне противоположные мнения были высказаны по поводу указательных местоимений *бу* (общетюркское) и *ку* (чув.). Одни исследователи считают *бу* и *ку* гомогенными², косвенно признавая тем самым чередование $k \sim n$ (b) закономерным. Другие же говорят о невыводимости чувашского указательного местоимения *ку* из общетюркских архетипов.

Сторонником последней теории является А. М. Щербак, утверждающий, что: «В чувашском языке обобщенно-указательное местоимение ближнего плана — *ку*, не выводимое из общетюркских архетипов. Для прямого фонетического сопоставления *ку* с *бу*, о чем в конце прошлого

¹ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I, II. Фонетика, морфология. Казань, 1898, стр. 51.

² Ф. Д. Ашнин. Указательные частицы в тюркских языках. — «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1958, XVII, № 5, стр. 425; Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, стр. 32 — 33. Л. С. Левитская указывает, что чувашское местоимение *ку* многие исследователи возводят к монгольской усилительной частице *кй*. Но такое решение вопроса также не нашло поддержки со стороны некоторых исследователей. Например, связь чувашского *ку* с монгольским *кй* оспаривал М. Левицкий («Türccica et Mongolica» — Ror, t. XV, 1949, стр. 257). А. М. Щербак также высказал сомнение относительно соотносимости чувашского *ку* с монгольской усилительной частицей *кй* [см.: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, стр. 128]. Ф. Г. Исаков, допуская возможность однокоренного происхождения местоимений *бу-пу-ку*, не мог ответить на вопрос: «почему в чувашском языке в этом местоимении в начале употребляется k вместо $b(n)$ в других тюркских языках» (см.: «Местоимения». — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II, стр. 248 и 253). По мнению М. Р. Федотова, *ак пу > ак ку* — явление прогрессивной ассимиляции. Впоследствии, по его мнению, *ку* начинает употребляться самостоятельно (см.: «Сравнительная грамматика тюркских языков». Чебоксары, 1975, стр. 94).

века писал Н. И. Ашмарин, по-видимому, нет оснований: случаи подобных чувашско-тюркских соответствий в области согласных неизвестны. Трудно также допустить связь *ку* с монгольской утвердительной частицей *kü*³.

При нынешнем состоянии изученности вопроса о чередовании *к~п* тезис Н. И. Ашмарина о том, что оно встречается «крайне редко», следует считать устаревшим, ибо в чувашском языке это чередование выступает скорее регулярно. К тому же оно встречается как в анлауте, так и в инлауте и ауслауте диалектных слов:

а) в начале слов: *кёрче~пирче* 'морщиться, жесткнуть' (Ашм. VII, 298), *күнчĕк~пӳнчĕк* 'обшивка' (*к~п*); *кӳсэ~пӳсе~тӳсе* 'безбородый, безусый' (*к~п~т*); следует привести в этом ряду *кӳрка~пӳрка* 'индюк', хотя последнее может быть прямым заимствованием русского *пӳрка* (*пӳрин*) 'индюк'. Здесь уместно подчеркнуть лишь то, что чув. *кӳрка* 'индюк', как и русск. *пӳрка* 'индюк', основано на ониматопоэтическом образовании (ЭСЧЯ, 100; Фасм. III, 420); ср. также *хунар~панар* 'фонарь' (*х~п*);

б) в середине слов: *лакӳрти~лапӳрти* 'болтун' (*к~п*); *ӳпле~ӳкле* 'шалаш' (*п~к*); *пӳкле~пӳпле* 'подрубить' (*к~п*); *чёркусси~чёрпусси* 'шалено' (*к~п*); *ӳптӳ~ӳктӳ* 'язь' (*п~к*) (ср. тат. *опты*; башк. *опто* 'язь (рыба)', 'балык'; *куктӳрри~куптӳрри* 'веснушки' (*к~п*); *какшӳм~капшӳм* (русск. *кувшин*) (*к~п?*); *тупта~тукта* 'ковать, отбивать' (*п~к*); *шӳкке~сӳнке~сӳтке* 'щука' (*к~п~т*); *ӳс-хакӳл~ӳс-хакӳл* 'ум' (*к~п*);

в) в конце слов: *сурат~сурак~сурап* 'скирд' (*т~к~п*); *сӳлӳх~сӳлӳк~сӳлӳп* 'пиявка' (*х~к~п*); *сӳрет~сӳрек~сӳреп* (*кӳперри*) 'радуга' (*т~к~п*).

Чередования подобного типа встречаются в образных и звукоподражательных глаголах чувашского языка⁴. Как отмечает А. П. Петрова, при чередовании *к~п* в одних случаях образуются «синонимы», а в других — глаголы, причем последние с *п* обозначают одни явления, а с согласным *к* в основе — совсем другие: *ӳкӳртат~ӳпӳртат* 'засеменить'; *чиклет~чиплет* 'пищать', 'щебетать'; *шаплат~шаклат* 'стучать, стучать'; *лапӳртат~лакӳртат* 'бурлить, булькать (при кипении)'; *такӳртат* 'издавать дребезжащий прерывистый звук'~*тапӳртат* 'производить ритмичные звуки' (например, при пляске). Из примеров, приведенных А. П. Петровой, *чапӳлтат* 'плескаться' и *чакӳлтат* 'кричать' (о сороках, галках) не могут быть отнесены к случаю *к~п* чередования, поскольку они носят разнокоренной характер с дифференцированной семантикой.

Наличие фактического материала заставляет задуматься о природе фонетического соответствия смычных *к* и *п* (ведь *п* — губно-губной звук, а *к* — заднеязычный: общим для них является только то, что оба звука взрывные). Следует согласиться с Л. П. Сергеевым, что субституция *к~п* во многих случаях объясняется, видимо, влиянием губных *ӳ* и *у*⁵, которые оказываются в пред- или постпозиции рассматриваемых нами звуков *к* и *п*: *кӳнчĕк~пӳнчĕк*, *кӳсе~пӳсе*, *чёркусси~чёрпусси* (губные в постпозиции); *ӳкле~ӳпле*, *пӳкле~пӳпле*, *тупта~тукта*, *шӳкке~сӳнке* (губные в препозиции).

³ А. М. Шербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, стр. 128.

⁴ А. П. Петрова. Фонетические варианты глаголов, образованных от подражательных слов в чувашском языке. — «Чувашский язык, литература и фольклор», вып. 1. Чебоксары, 1972, стр. 387.

⁵ Л. П. Сергеев. Консонантизм верхового диалекта. — «Чувашский язык, литература и фольклор», ч. II. Чебоксары, 1973, стр. 99.

В слове *ка́кийм~ка́пшам* переход *к~п* произошел, по мнению Л. П. Сергеева, также под влиянием губного гласного *а°*⁶. Если принять эту версию, то переход *к~п* в словах *акта́~апта́, сёлэх~сёлёк~сёлён* можно будет объяснить влиянием губных *а°* и *е°*.

По мнению В. И. Котлеева, чередование *к~п* в некоторых чувашских словах объясняется стремлением к упрощению артикуляции на стыке согласных⁷: *куккук тёрри>куктёрри~куптёрри* (*куктёр~куптёр*) 'веснушки'.

По нашему мнению, чередование смежных согласных *к* и *п* было бы неправильным во всех случаях объяснять физиологическими (антропо-фонетическими) причинами, поскольку альтернативы *к* и *п* встречаются не только на стыке согласных, но могут быть, как мы уже показали, в абсолютном начале и конце слова, где стечение согласных совершенно не характерно для чувашского языка.

В тюркологии в известной степени уже закрепилось мнение, что чередование заднеязычного *к(г)* с губно-губным *п(б)* обусловлено фонетическим положением альтернатив. Е. И. Убрятова, изучая фонетические особенности языка населения некоторых районов Якутской АССР, столкнулась с примерами соответствия губных и заднеязычных согласных (*б~г*): *күргэ~курбэ* 'мост', *күлгери~күлбери* 'ящерица', *уга~уба* 'рукоятка—его'. Исследуя это соответствие, она пришла к выводу, что «...в разбираемых словах переходы согласных *б~г* обусловлены не столько фонетическими условиями, сколько происхождением слова, его взаимоотношением с другими словами, что требует специального исследования. Но фонетические условия все же и тут играют какую-то роль. Пока можно отметить только то, что все рассмотренные выше случаи соответствия *б~г* (или *г~б*) наблюдались в словах с губными гласными. Это, вероятно, не случайно. Во всяком случае примеры на соответствие *в~г*, приведенные Э. В. Севортьяном в его книге "Фонетика турецкого литературного языка", имеют губные гласные. То же самое отметил Ж. Дени для турецкого языка»⁸.

Таким образом, вряд ли можно отрицать тот факт, что чередование *к~п* в чувашском языке (шире — в тюркских) произошло именно под влиянием соседствующих губных гласных. Большинство примеров является наглядным подтверждением такой обусловленности. Эта закономерность сохраняется и в словах, заимствованных из тюркских языков в другие родственные и неродственные языки: удм. *курбон* (булгарское заимствование в удмуртском), а в буйско-таныпском диалекте удмуртского языка наблюдается чередование *б~г*: *курбон~кыргон~кырбон* 'крупный или мелкий скот, приносимый в жертву'; як. *хонто~эвенк. хокто~хонто* 'чайка'⁹. В то же время фактический материал свидетельствует и о том, что чередование *к~п* возможно и при отсутствии соседства с губным гласным. Взять хотя бы тувинско-тофаларское *тыртпалаар~тырткылаар* 'вид ловли рыбы с багром'¹⁰; узб. диал. *тапмача~азерб. тапмача* 'рифмованная загадка'~тат. *такмаза* 'народный стих', 'рифмо-

⁶ Л. П. Сергеев. Указ. раб., стр. 100.

⁷ В. И. Котлеев. Фонетика. — «Хальхи чăваш чĕлхин фонетики, графики тата орфографийĕ». Шупашкар, 1978.

⁸ Е. И. Убрятова. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960, стр. 90 — 93.

⁹ А. В. Романова и др. Взаимовлияние звенкийского и якутского языков. Л., 1975, стр. 117. Предшествовавший пример любезно сообщил нам Р. Ш. Насыбуллин.

¹⁰ С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, стр. 222.

ванная речь', 'прибаутка'~кирг. *такмаза* 'сатирические песенки'¹¹; чув. *аппа*~чув. диал. *акка* 'старшая сестра', тат. (миш.) *мәктәп*~*мәптек*~лит. *мәктәп* 'школа'¹². Во всех приведенных выше примерах нет синхронной фонетической обусловленности и в них чередование *к~п* не зависит от соседствующих огубленных гласных.

В случае узб. диал. *тапмача*~азерб. *тапмача* 'рифмованная загадка'~тат. *такмаза* 'народный стих', 'рифмованная речь'~кирг. *такмаза* 'сатирические песенки' имеет место экспонентное варьирование морфем, создаваемое чередованием *к~п*. При этом в ряде случаев наблюдается семантизация и лексикализация чередования, то есть чередование *к~п* в той или иной мере становится носителем определенных смысловых и функциональных различий. К числу таких примеров можно отнести фонетические варианты слова *икмек*: *ипмек*~*икмек*~*итмек*; *үтмәк*~*үкмәк*~*икмек* 'хлеб'. Кроме того, по данным Л. Т. Махмутовой, у мишарей в этом значении употребляется слово *эпэй*, а в литературном языке — *ипи*. В тептярских говорах *эпикэйләр* означает не только «печеный хлеб», но и «хлеба на корню». Таким образом, одно и то же слово выступает в нескольких фонетических вариантах с дифференциацией значений. Семантизация этого слова наблюдается не только в пределах говоров, но и в пределах отдельных языков, ср., например, туркм. *эмек* 'жареная тонкая лепешка'¹³.

Как и в чувашских словах *кӱсе*~*пӱсе*~*тӱсе* 'безбородый', *сурак*~*сурап* 'скирд', в мишарском *ипмек*~*икмек*~*итмек* 'хлеб' наблюдается чередование трех согласных: *к~п~т* (*т~к~п*). То же самое наблюдается и в диалектах башкирского языка: лит. *икмәк*~миас. *ипмәк*~тепт. *итмәк* 'хлеб'¹⁴.

Основываясь на том, что по линии согласных в мишарском диалекте, как и в других тюркских языках, обнаруживаются соответствия *т~к* и *п~к*, Л. Т. Махмутова полагает, «что *п~к* — результат многоступенчатых фонетических изменений: *п~б~ш~г~к~т*. Причем процесс этот, по мнению автора, в каждом конкретном случае мог идти или в том или в другом направлении»¹⁵.

Таким образом, чередование *к~п* (*п~к*) характерно не только для диалектов чувашского языка, но и для диалектов других тюркских языков. Это явление выходит за пределы диалектных сопоставлений и превращается в межъязыковое. Вспомним приведенный выше пример: узб. *тапмача*~азерб. *тапмача*~тат., кирг. *такмаза*. Это положение можно проиллюстрировать и на примере чув. *кукӱр* (*куӱр*), *куӱр-макӱр* (*кукӱр-макӱр*) 'кривой', 'сгорбленный' (ср. диал. *куӱр карчӱк* 'сгорбленная старушка'). В самом чувашском языке (и в его диалектах) появление гетероганных звуков *к* и *п* в этом слове не наблюдается. Но если обратиться к карачаево-балкарскому языку, то придется отметить наличие карачаевской и балкарской форм данного слова. Ср.: балк. *g'urpir*~карач. *tikkur* 'сгорбленный', 'кривой', где наглядно проявля-

¹¹ Р. Г. Ахметьянов. Этимология названий некоторых чувашских жанров. — «Проблемы исторической лексикологии чувашского языка». Чебоксары, 1980.

¹² Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. М., 1978, стр. 40, 87.

¹³ Там же, стр. 77 — 78.

¹⁴ Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979, стр. 161.

¹⁵ Л. Т. Махмутова. Указ. раб., стр. 78.

ется чередование $n \sim k$ в инлауте; ср. еще: балк. *bota* ~ карач. *xota* 'фар-тук'¹⁶, где $b \sim x$ (x — вариант заднеязычного k).

Фактический материал тюркских языков показывает, что в большинстве случаев, там где наблюдается чередование $k \sim n$ ($g \sim b$) или $n \sim k$ ($b \sim g$), альтернаты имеют комбинаторный (позиционный) характер [то есть переход заднеязычного k в губно-губной n или обратный переход зависят от соседствующих губных гласных $o, u, \ddot{y}$, ($\ddot{a}^o, \ddot{e}^o$)], а случаи чередования $k \sim n$, не имеющие комбинаторного характера, остаются пока до конца необъясненными.

Чередование согласных $k \sim n$, различающихся по месту образования, отмечены не только в тюркских языках: например, в чукотском чередуются следующие согласные: сонорный щелевой губно-губной [ʁ] с сонорным щелевым заднеязычным [g]: *ʁonkə* ~ *gonkə* 'лось'; *ʁutək* ~ *gutək* 'привязать', а в отдельных, очень редких случаях и с губно-губным глухим смычным [n]: *ʁərgərgetek* ~ *pərgərgetek* 'шуметь'¹⁷. По наблюдениям Р. Я. Удлера, в молдавских говорах Черновицкой области n переходит в смычный задненебный глухой палатализованный k ¹⁸. А. В. Десницкая отмечает широту распространения этого чередования в балкано-романских диалектах. Автор приводит схему академика А. Россети, согласно которой фонетический процесс изменения развивался по следующим этапам: $p + y$ (где y — среднеязычный спирант. — В. С.) $> py > py^k > pk > k$ ¹⁹.

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванов в специальной статье «Ряды «гуттуральных» в индоевропейском» пишут: «В некоторых случаях индоевропейские лабиовелярные фонемы в исторических языках, в частности, в греческом, дают отражение в виде лабиальных монофонема b, ph и p (соответственно из индоевропейских лабиовелярных $k^o, g^{o,h}$ и $k^{o,h}$) ... Аналогичный переход... наблюдается в итальянском и отчасти в кельтском. В итальянском такое развитие видно в оскско-умбрской подгруппе в формах типа оск... *puī*... при лат. *quis* 'который'»²⁰.

В. Г. Гузев, который посвятил специальную статью проблемам исторической фонетики турецкого языка, коснулся также вопроса перехода заднеязычных согласных в губно-зубные. Он пишет: «Переход $|g| > |v|$ после губных гласных, например: *söv* < *sög* - 'ругать', *kov* < *kog* - 'гнать', несомненно тесно связан с явлением спонантизации $|g|$ в интер- и поствокальных позициях, о котором говорилось выше. Это тот же самый

¹⁶ См.: Х.-М. И. Хаджилаев. О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка. — «Советская тюркология», 1979, № 2, стр. 73. Весьма интересно было бы рассмотреть в этом плане тунгусо-маньчжурское *bukō* 'сгорбиться', сол. *buktur* 'кривой', эвен. *bōkčir* 'стать горбатым', орок. *bukqo* ~ *boqko* (*boqo*) 'горбатый, сутулый', п.-монг. *bōgtür*, монг. *bөгтөр* 'горбатый, сутулый' и др.-тюрк. *biq* 'сгибать, подгибать' (ТМС, 104). В этот ряд мы должны включить чув. *n'ëk* 'гнуть', 'наклонять', 'рубить' (ср. *nëkërlëčëk*, *nëkërlëč* 'сутулый, горбатый'). Нельзя ли чув. *kukār* и *nëkërlëč* считать однокоренными? Если же это возможно, то приведенные выше лексемы станут словами с одиноково общей семантикой, но различными по выражению; при этом можно было бы говорить об историческом чередовании анлаутных $k \sim n$.

¹⁷ П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. I. М. — Л., 1961, стр. 55.

¹⁸ Р. Я. Удлер. Молдавские говоры Черновицкой области в сравнении с говорами Молдавской ССР, Закарпатской области УССР и других смежных областей дако-романского массива. Консонантизм. Кишинев, 1964, стр. 22.

¹⁹ А. В. Десницкая. К вопросу о так называемой палатализации губных в некоторых албанских и балкано-романских диалектах. — «Фонетика. Фонология. Грамматика», М., 1971, стр. 54.

²⁰ Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов. Ряды «гуттуральных» в индоевропейском. Проблема языков *centum* и *satəm*. — «Вопросы языкознания», 1980, № 5, стр. 12.

процесс, только его направление изменено присутствием губного гласного. В словах с гласными заднего ряда развитие, по-видимому, шло следующим образом: [g] > [ɣ] > [v], в словах с передними гласными — [g'] > [y] > [v]. В результате такого «аллофонного изменения» огубленные спирантизованные варианты фонемы [g] на каком-то этапе процесса стали ассоциироваться у носителей языка с фонемой [v]»²¹.

Э. В. Севортян в своей монографии «Фонетика турецкого литературного языка» ограничивается лишь констатацией фактов чередования гетероганных звуков *k~v*, *g~v*: *kıgılcım~kivılcım* 'искра', *kagşamak~kavşamak* 'обрушиваться с треском', 'опускаться' и др. (стр. 124). Е. И. Убрятова указывает, что этот вопрос «требует специального исследования».

Теперь вернемся к высказыванию А. М. Шербака о том, что «случаи подобных чувашско-тюркских соответствий в области согласных неизвестны». Данной проблеме специальная статья не посвящалась. Но в «Этимологическом словаре чувашского языка» В. Г. Егорова приведены следующие примеры *k~п* соответствий: *пат*, *патне* послелог — «к», *патёнце* — «у», *патёнчен* — «от»; ср. др.-тюрк., уйгур., желт. уйгур., чаг., тур., караим., тат. *кат* 'сторона', 'бок', 'слой', 'раз', тефс. XII—XIII вв. *кат*, *катына* — «к», *катында* — «у», «при» (чув. *патанта*), *катымди* 'передо мной' (чув. *патамра*); *санин катындан* 'от тебя' (чув. *сан патантан*) и т. д.; *п~к* (ЭСЧЯ, 144); *пата*, диал. *хута* 'гвоздь'; *пата*ла 'распинать', 'пригвозждать', алт. В., ойр. *каду*, тув. *кадаг*, тат. *кадак*, балк. *казак* 'гвоздь', каз. *када* 'кол, служащий коновязью' (чув. *вёрен пати* 'гвоздь'), хак. *позыг* 'гвоздь'. От глагола со значением «вонзять»: кирг., алт. В. *када* 'вонзять', 'втыкать', 'вбивать'; ср. монг. *хадах* 'вбивать', 'прибивать'; *хадиаван* 'гвоздь' (ЭСЧЯ, 150); *пёчэк*, *пёчэккё* 1. 'маленький', 2. 'младший'; тув. *биче бичи* 'маленький', 'малый', 'мелкий', як. *бычык* 'малость чего-либо'; КБ, тефс. XII—XIII вв., хак. *кичиг*, азерб., МНХ, уйг. *кичик*, туркм. *кичи*, тур. *кучук*, ног. *кишкой* 'малый', 'маленький', 'младший'; АФТ *гичиг*, кумык. *гиччи*, алт. В. *кичик*, *кичиг*, *кичу*, *кичнек*, кирг. *кичи*, *кичинекей*, башк., *кескэй*, тат. *кечке*не, каз., ккалп. *кишке*не, узб. *кичкина* 'малый', 'маленький'; ср. бур.-монг. *бишихан*, *бичихан*, монг. *бяцхан*, калм. *бичкн* 'маленький', *к~п* (ЭСЧЯ, 159).

Проанализируем эти примеры. Согласно фонетическим законам, общетюркское *kat* в чувашском должно отражаться как *хут* (ср. *кат-хут* 'бумага, письмо', *кат-хут* 'слой, этаж, ряд, ярус'; *кат-хут* 'раз'). При этом не следует забывать об омонимии и многозначности слова *кат-хут*. Среди всех прочих слово *кат-хут*, видимо, выражало и значение «место», которое со временем стерлось, и это слово стало играть служебную роль послелога со значением «к», «от», «у». Чув. *хутамра* (Тимоф. Тахяръял) закономерно отражается в тюркских языках как *катымда* 'у меня, при мне'. От этой же основы путем присоединения деривационного аффикса *-лэх* образовалось *хутлэх* 'место, местность': *вэрман хутлэхёнце* 'у леса'.

В. В. Радлов в своем словаре среди восьми значений слова *кат* особо выделяет значение «сторона» (Радл. IV, 275), которое идентично, на наш взгляд, предполагаемому значению «место»; ср.: *катымда* 'при мне' (то есть перен. 'на том месте, где я').

От тюркского же *кат* 'сторона, место' в чувашском образовалось служебное имя *кут*, выступающее в косвенных падежах также в значении послелогов «к», «от», «у», что позволяет говорить о смешанном

²¹ В. Г. Гузев. Некоторые проблемы исторической фонетики турецкого языка. — «История, культура, языки народов Востока». М., 1970, стр. 195.

употреблении k и x в анлауте данной лексемы. К тому же послелог *кут*, употребляющийся в косвенных падежах, по значению совпадает с послелогом *пат* в тех же падежных формах: *кӱлӕ кутне ан пыр* — *кӱлӕ патне ан пыр* 'не подходи к озеру'; *сӕл кутӕнчен кай* — *сӕл патӕнчен кай* 'отойди от колодца'.

Такое стечение трех лексем с тождественной семантикой может создать впечатление иллюзорности исследуемой нами проблематики, поскольку выдвинутое В. Г. Егоровым соответствие $k \sim n$ остается необъясненным. Не менее странным кажется здесь сохранение этимологического a : тюрк. *кат*. — чув. *пат*. Чередование $k \sim n$ в данном случае можно объяснить влиянием извне, то есть заимствованием первой части иноязычной лексемы. Воздействие на чередование $k \sim n$ в словах *кат* ~ *пат* могло оказать персидское слово *рату* 'место, место встреч, свиданий', 'место сходов, сборищ и собраний' (Рубинчик I, 257—258); ср. осет. *wat* 'место', кигонват 'место, где была мельница' (Абаев I, 610—611). Заметим, что в осетинском языке *w* — губно-губной звук. С другой стороны, на месте чувашского *пат* в древнетюркском языке выступал послелог *тапа* (*taba*); *тау тапа* (ДТС, 533), ср. чув. *ту патне* 'к горе'; *тепӱн табӱ келди* (ДТС, 525); ср. чув. *ман пага килчӗ* 'пришел ко мне'. Возможно, здесь имеет место метатеза слогов: *таба* (*тапа*) ~ *пат*(*а*)?

По данным В. Г. Егорова, чув. *пӑта* и *хутав* оба восходят к тюркскому *кадак* (*каду*, *кадаг*). Исследователи единодушны в том, что *кадак* разлагается на две части: на глагольную основу *када-* 'воткнуть, втыкать' и аффикс *-к*, употребляемый почти во всех тюркских языках для образования производных существительных: тув. *када-* 'вбивать', 'вколачивать', 'забивать', хак. *хаза-* 'прикалывать', 'колоть, втыкать, вонзать', алт., кирг. *када-* 'втыкать, колоть, вонзать', каз. *қада-*, тат. *када-*, башк. *қаза-*, уйг. *қади-*, узб. *қада-* 'втыкать, вонзать; приколоть, припиливать' и т. д. (Расс. 216).

Глагольная основа *када* обнаруживается не только в тюркских языках, но и в монгольских, и в тунгусо-маньчжурских: п.-монг., монг. *хада-* 'вбивать, прибивать, пришивать', *хадаас*(*ан*) 'гвоздь': тунг.-маньч. *када-* 'вбивать (гвоздь, клин)' (ТМС I, 359—360).

В чувашском слове *хутав* 'гвоздь, чека' на месте общетюркского аффикса *-к*(*г*) стоит формант *в*, то есть заднеязычный $k(g)$ соответствует в чувашском губно-зубному *в* [переход $k(g) > в$?]. По мнению Г. Дёрфера, *кадав* является собственно кыпчакской формой, а *хадак* — чагатайской или монгольской (Doerfer III, 421). Не вдаваясь в подробности этимологического анализа, укажем, что элемент *-в* sporadически встречается и в тунг.-маньч. языках, например, в эвенк. *кадавча* 'сдавленный, стесненный', эвен. *кадав-* 'быть зажатым в тисках' (ТМС I, 359). Общетюркская глагольная основа *када-* и чув. *хута-* не встречаются фонетических противоречий: анлаутный $k > x$, гласный первого слога $a > u$; интервокальный $d > t$; гласный второго слога $a \sim a$. Таким образом, общетюркское *кадак* в чувашском проявляется как *хутав*. Возникает естественный вопрос: откуда же тогда чувашское *пӑта*?

В словарной статье на слово *пӑта* В. Г. Егоров приводит хакасское *позыг* 'гвоздь'. Таким образом, *кадак*, *пӑта* и *позыг* у него оказались словами, восходящими к общему архетипу. Но М. Ряснен, приводя следующие параллели хакасскому *розуу*: койб. *bōzех*, *bōзуу* 'гвоздь', шор. *розуу*, сагайское *розук* > (камас. самоед. *bōzu*), кумандинский *ројӱ* 'гвоздь', указывает, что все они образовались от глагольного корня *bodu-*, *body-*, 'прилипать, приставать, прикреплять', который возводится к архетипу **boδ* с теми же значениями. Что же касается чувашского

пăта (>мар. *пуда*, *пыда*), то М. Рясянен усомнился в возможности возвести его к указанной выше праформе **bod* (Räs., 77), но своего решения не дал.

В действительности, соответствие анлаутного *b~n* и гласного первого слога *o~a* не вызывает сомнений, однако соответствие корневого **δ(d)* чувашскому *t* фонетически не оправдано.

Ср., например, **kod*: алт. *koj-*, хак. *хос-*, чув. *хур-* 'клась'; **тод*: алт. *toj-*, тув. *тог-*, хак. *тос-*, як. *тот-*, чув. *тăран-* 'насыщаться' (Щерб. СФ, 161).

Как мы видим, спираント **δ* в чувашском представлен как *p*, дающий различные рефлексy в современных тюркских языках в виде *j*, *c*, *t*, *д*.

Наличие интервокального *t* в слове *пăта* заставляет нас усомниться в законе звукоперехода: тюрк. **δ* > чув. *p*, ибо в этом случае в чувашском выступало бы *пăра*, а не *пăта*. Невольно возникает вопрос: не является ли слово *пăта* со своим *t* исключением из общего правила?

На первый взгляд, это как-будто подтверждает лексема *atā* 'сосуд, чаша' (Ашм. II, 141) <общетюрк. *ajak* (~*adak*?), як. *adaŋ* 'чаша'. Г. Дёрфер приводит форму гиперкоррекции в виде *adak* (Doerfer II, 171).

Согласно закону *δ|d|r* в чувашском должно было бы быть *ура*, то есть омонимичная форма, восходящая к др. -тюрк. *adaq~adak~ajaq* (ДТС, 8, 14, 27) ~чув. *ура* 'нога'. Следовательно, в данном случае произошло бы отталкивание омонимичности слов, в силу которого вместо ожидаемого *p* появилось *t*. То же самое можно было бы сказать и о слове *пăта*, где наблюдается субституция законного *p* дентальным *t*, но приведенная Г. Дёрфером форма гиперкоррекции *adak* является, видимо, случайностью. По Г. Рамстедту, тюркское *ajaq* 'чаша' вместе с монгольскими *ajaga* восходит к **rai* 'скорлупа, корыто, лодка'. В другой же работе тюркское *ajaq* < **raya-ga* (см. об этом ЭСТЯ I, 105). С критикой точки зрения Г. Рамстедта и гипотез других исследователей выступил Г. Дёрфер (Doerfer II, 171—172).

Таким образом, тюрк. *айак* (*адак*) ~чув. *атă* 'чаша' остаются затемненными по происхождению и вряд ли могут помочь этимологизации слова *пăта*. Этимология слова *пăта* 'гвоздь' станет понятной, если признать чередование *k~n*²². Конечно же, не исключена возможность контаминации тюркских слов *кадак* и *позых*, в результате которой могла возникнуть третья формальная единица *патă*.

Остановимся на словах *пёчĕк* 'маленький' и *кĕçĕн* 'младший, маленький'.

В. Г. Егоров считал эти слова однокоренными и указывал на *k~n* соответствие (ЭСЧЯ, 110, 159). Мнение В. Г. Егорова поддержали М. Р. Федотов (Фед. II, 119) и Л. П. Сергеев²³. Прямо поставить вопрос о соответствии *k~n* не представляется возможным потому, что эти слова в качестве отдельных лексем уже фигурировали в памятниках древнетюркской письменности: *biçä* 'маленький' (ДТС 98); *kiçig*, *kiçüg* (ДТС 306), *kiçig*, *kiçüg* 'маленький, малый, небольшой'.

По данным В. М. Иллич-Свигыча, чувашскому *пёчĕк* в алтайских языках соответствуют следующие формы: тув. *biçä* (Кастрен, *riçä*), карагас. *biçä* 'маленький'; як. *buçuk* (заднеярный вокализм, как в мон-

²² М. Р. Федотов чув. *пăта* > мар. *пуда*, мар. Г. *пыда* 'гвоздь', — сопоставляет с тат. *ботак*, тур. *будак* 'сук, сучок' (Фед. I, 102). Такое сопоставление вряд ли оправдано, так как тат. *ботак* ~ чув. *патак*.

²³ Л. П. Сергеев. Вокализм верхового диалекта чувашского языка. — «Чувашский язык, литература и фольклор», в. I. Чебоксары, 1972, стр. 182.

гольском) 'малость, небольшое количество'; др.-уйгур. *bičä* 'маленький'. Из др.-булгар., вероятно, заимствованы удмурт. *piči*, *poči* и венг. *piči*. [Сохранение *-č-* в як. и чув. В. М. Иллич-Свитыч объясняет дескриптивным характером слова, ср. азерб. *bežža* 'маленький' (экспрессивное преобразование?), монг. 'маленький': монг. письм. *biči-qan* (с экспрессивным изменением вокализма *biči-ken* 'очень маленький'), халха *b'asxan*, бурят. *bišixan*. Исходным является **biča* с последующим обобщением вокализма переднего или заднего ряда (Иллич-Св. I, 178)].

Слово *пёчек* зафиксировано на ностратическом уровне в трех больших языковых группах: алтайской, уральской и дравидийской. Дескриптивный характер образования В. М. Иллич-Свитыч, вслед за К. Менгесом, связывает с его принадлежностью к сфере детского языка.

М. Ряснен праформу рассматриваемой нами лексемы восстанавливает в виде **bičä*. А в словарной статье на слово *кичи* ~ чув. *kěčēn* 'маленький, младший' приведены лишь лексические соответствия из родственных языков и при этом праформа не восстановлена (Räs. 269). М. Ряснен допускает венг. *kis*, *kicsi* < чув. *kěčēn*.

Составители «Историко-этимологического словаря венгерского языка» указывают, что *piči:pičiny* образовалось под влиянием *kicsi:kicsiny* (TES III, 182) и встречается в памятниках письменности с 1569 года. А в словарной статье на слово *kicsin* [письменная фиксация с 1215 года (1550?)] подчеркнуто, что оно тюркского происхождения (TES II, 483).

Подытоживая рассмотрение этимологии слов *кичи*, *кичик* ~ *kěčēn* и *бичи* (*бычык*) ~ *пёчек*, следует заключить, что ни в синхронном, ни в диахроническом плане невозможно доказать анлаутное чередование звуков *к~п* в данных словах. Лишь гипотетически можно допустить, что они восходят к общей праформе.

Весьма странными кажутся оставленные В. Г. Егоровым без пометы *к~п* чув. *паван* 'слепень' ~ уйг. *көкүйн*, кирг. *көгөөн*, алт. В. *көгүйн* 'слепень, овод'; алт. В. *көгөн*, азерб. *көйүн*, узб. С. *кугун*, башк. *күгәйен*, тат. *кигэвен* 'слепень, овод' (ЭСЧЯ, 146).

Любопытные факты приводятся Э. В. Севортяном; ср. тур. диал. *gögegen*, *gövegen*, *göveyen*, *güvegen*, *gögen*, *gügen*, *göven*, *güven*, *gögēt*, *gövet*, *güvelek*, *güvenek*, *gögēmik* 'овод' и т. д. (ЭСТЯ III, 55). Среди всех этих диалектизмов особый интерес представляют пары слов: *gögen* ~ *göven* (*güven*), *gögegen* ~ *gövegen* (*güvegen*). Закономерен вопрос: нет ли здесь описанного выше Э. В. Севортяном и В. Г. Гузевым факта чередования гетероганных звуков *g~v*?

В тюркских языках слова, обозначающие «овод» и «слепень», начинаются с *б(п)*: башк. *бөгәләк*, азерб. диал. *бөгәлах*, узб. диал. *бокалаг*, туркм. *бөкелек*; ср. также тел. *пөкөн*, *пөкөнөк* 'комар'; монг. *бөхнө* 'слепень'. Весьма любопытный материал представлен в турецких диалектах: *bögelek* ~ *bövenek* (*ğ~v*). Как и в предыдущем случае с начальным *g*: *gögen* ~ *göven* (*güven*), *gögegen* ~ *gövegen* (*güvegen*), — здесь чередуются те же гетероганные звуки *g~v* в инлауте. Появляется возможность сопоставить турецкие диалектные варианты с анлаутными *b* и *g*: *bügelek* ~ *güvelek*, *büvelek* ~ *güvelek*, *bögulek* ~ *gövelek*, *büvenek* ~ *güvenek*, *büven* ~ *göven*, *güven* (ЭСТЯ II, 212—213; ЭСТЯ III, 55—57). Если основываться на этимологических разъяснениях «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна, то между *bügelek* и *güvelek*..., *büven* и *güven* не должно быть ничего общего, ибо слова с начальным *г(к)* восходят к *гә*: *к(гөк)*, *көк* 'синий'..., или **гәг-е* (**көк-е*) с глагольным значением, а *бүгелек*, *бүвен* относятся к односложной основе *бө* 'страшное насекомое', 'страшная тварь', 'крупный ядовитый паук'. До-

пускается также, что наряду с именной основой исторически могла существовать и глагольная, от которой и образовались формы с афф. -к/-г: *bög* < *bög* 'насекомое, скорпион, паук', и параллельная *böv* в том же значении. От той же глагольной основы, по Э. В. Севортыню, образовались турецкие диалектные: *böge*, *böve*, *büve*, *büye*, *böğü*, *böyü*, *büvy*, *böyü*, *büyü* 'страшное насекомое' (ЭСТЯ II, 213). Чувашский вариант *пăван* приводится Э. В. Севортынем в V рубрике наряду с тур. диал. *büven* и рассматривается как производное, образовавшееся посредством аффикса со значением уменьшительности -(а)н. Необъясненным осталось у Э. В. Севортыня чередование *g~v*.

Существует ряд этимологий слова *пăван* 'овод, слепень'. М. Ряснен чув. *пăван* 'овод' приводит в одном ряду с осм. *бүкелик*, *бүвәлик* 'коричневая или зеленая муха', каз. *бүгөйлүк* 'овод лошадиный', тат. *бөгөлчан*, башк. *бүгәләк*, як. *бүгүлэх* 'оса', *бүгүйэх* 'овод' (>венг. *bögöly* 'овод?'), чув. *пăван*; далее идут монг. *бүкүнэ*, *бөкүгүнэ* 'комар' (>ойр. *пөкөн* 'комар', тел. *пөкөнөк*). Архетип восстановлен в виде **бүгәл*. В конце словарной статьи отсылка делается на слово **бө:г* 'насекомое'. Среди параллелей, приведенных М. Рясняном, нас интересуют туркм. *карамө:й*, *бө:в* 'тарантул' (Räs. 82, 91). Таким образом, в слове *бө:в* вновь наблюдается чередование различающихся по месту образования звуков *г~в*.

Венгерское *бэгел* З. Гомбоц возводил к древнечувашскому архетипу *бүгэл* 'овод, слепень' (Gombocz: MNy. 3, 105). На наш взгляд, подобное восстановление архетипа не вполне оправдано, ибо в чувашском форма *бугел(ек)* не зафиксирована, поэтому венг. *бэгел* < тюрк. **бөкөл* или **бүкүл* (TES I, 359).

Г. Е. Корнилов чув. *пăван* считает новейшим самостоятельным образованием, а др.-чув. *бүгел(ь)* возводит к корню **нүк-* (*бүг-*) (современное *пёк-* 'согнуть'), откуда современное же *пёкёрёл-* 'сгибаться, гнуться, изгибаться, горбиться, скрючиваться' и далее *пёкё (рё) л (чен)* 'согнутый, (за)гнутый; крылатые насекомые с согнутым туловищем, кусающие животных' (Корн. 115—116). Сопоставляя турецкий диалектный материал с чувашским *пăван*, можно возразить Г. Е. Корнилову, что чув. *пăван* это не новейшее самостоятельное образование, а закономерное звено в цепи: **бүвенек* > *бүвен* > *пăван*. В таком случае остается доказать родство слов *бүвенек* ~ *гүзенек*, *бүвен* ~ *гүвен* на основе признания *к~п* (*г~б*) чередования.

Еще один любопытный факт, связанный с *к~п* чередованием, приведен Э. В. Севортынем в словарной статье *күмрән*, ср.: тур. диал. *götürgen*, *kötürsen*, алт. *көбирген*, хак. *көбірген* (Радл. II, 1317), кирг. *көбургөн...* тув. диал. *көгүрен* (ЭСТЯ III, 100) со значениями «дикий лук», «лук болтун», «лук полевой», «слизун», «татарское мыло», «дикий чеснок», «растение».

Как мы видим, тув. диал. *көгүрен* со своим инлаутным -г- противостоит остальным вариантам с б или м. Эта загадочная параллель с *б~г* чередованием крайне настораживала Э. В. Севортыня: «Принадлежность *көгүрен* к приведенному ряду фонетически не бесспорна», то есть возникло сомнение относительно правомерности чередования гетероганных звуков *б~г*. Остается добавить, что тув. диал. *көгүрен* является не единственным фактом такого чередования; ср. примеры, приведенные М. Рясняном: карагас. *көгүрһан*, кача-тат. *көбарген* 'лук', камас. (по данным Йоки) *кө:бо:ргән*, кирг. *көбүргән* 'дикий чеснок' (Räs., 285). Возникает вопрос: не одного ли корня с приведенными примерами чув. *күкёрчен* 'кувшинка'? Сомнение вызывает семантическое развитие слова: «дикий лук» ⇔ «кувшинка»; а может быть: «растение» (Радл. II,

1529)→чув. «кувшинка»(?). Ведь тат. *küğärçen küz* 'незабудка'~чув. *käwäkarçän küsë* 'незабудка', а не *kükörçen*. Возможно, что здесь дает о себе знать контаминация слов.

Чередование $k \sim n$ интересно тем, что оно распространяется не только на диалекты отдельных тюркских языков, но относится и к межъязыковым явлениям. Таким образом, соответствие $k \sim n$ —это явление закономерное не только в синхронном, но и диахроническом плане [ср. др.-тюрк. *sub ~ suv ~ suu* 'вода'; *çibin ~ çigün* 'муха' (ДТС, 512—513—515; 145)]. Признание закономерности чередования $k \sim n$ может помочь в выявлении завуалированных этимологий. К числу последних можно отнести чув. *хушпу* 'старинный головной убор замужних женщин, унизанный серебряными монетами и бисером'; башк. *кашмау*, тат. *кряшен. кашбау* — такой же головной убор. От *каш* 'бровь' (см. *харша*) и *баг*, *бау* 'повязка'; *кашбау* букв. 'повязка бровей' (ЭСЧЯ, 313).

Наличие в диалектах чувашского языка варианта *хушпу* в виде *пушпу* (Алик. р-н.) в том же значении заставляет нас усомниться в убедительности этимологического анализа, данного В. Г. Егоровым. К тому же *хушпу* практически не имеет никакого отношения к бровям (*харша*); он предназначен для головы, поэтому есть полное основание полагать, что первый элемент слова *хуш* (*кош*) < *баш* 'голова'. Вполне возможно, что первоначально слово звучало как *башбағ* (*баш*+*бағ*) 'головная повязка, головной платок', как это дано в словаре В. В. Радлова (Радл. IV, 1561). Впоследствии, в связи с изменением фонетического облика слова, произошло расширение его значения. Ср.: *кажбанд* 'криво завязанная чалма', *кажтогини* 'тюбетейка, надетая набекрень' (Грюн., 367—368); башк. *кашмау* 'женский головной убор в виде шлема из кораллов и монет с околоушными подвесками и длинным ностинником из полосы красной ткани, зашитой кораллами, украшенной вышивкой, раковинами; ушовками и пр'.²⁴ Из тюркских языков слово заимствовано в другие языки: русск. *кошпа* 'головной убор чувашских женщин' (Даль); мар. *ошпу* 'свадебный женский головной убор, украшенный монетами и бусами'; удм. *кашпу* 'богатый головной убор замужней бесермянки'; морд. *кашпав* (Фед. I, 146); возможно, сюда же относится осет. *qabraq* 'навес'; ср. убых. *хаžреқ* 'навес над дверью' (Абаев II, 269).

Несомненный интерес представляют и случаи метатезы kn и nk . Метатезой называется взаимное перемещение звуков или слогов в составе слова на ассимилятивной или диссимилятивной основе. Метатеза присуща многим языкам тюркской группы, в том числе и чувашскому. Например, в слове *өпке* 'легкое' в целом ряде тюркских языков наблюдается перестановка звуков n и k : алт. *өкпө*, кирг. *өпкө*, каз. *өкпе*, кум. *өпге* (*опге*), ног. *өкпе*, узб. *ўпке*, тув. *өкпе*, уйг. *өпкэ*, хак. *өкпе*, тат. *үпке*, ср. хак. *хахпан* (диал. *хапхан*), тат. *капкан* 'капкан'. Метатеза выступает и как междиалектное явление; ср.: тув. *шекпен*—*шепкен* 'сукно'; хак. *хахпах*—*хаппах* 'крышка'; тув. *таакпы* — *тапкы* 'табак'; *такпыр*—*тапкыр* 'двойной'.

В чувашских диалектах встречаются следующие варианты: *тилхене* — *тилкене* — *тилпекэ* 'вожжи'; *аркули* — *арпукли* — *архәпли* 'мякинный'; *пек* — диал. *кап* 'как, подобный'. В других тюркских языках отмечаются разновидности: тат. *кебек*, башк. *кейек*, узб. *каби*, азерб., туркм. *кими*, тур. *gibi*, чаг. *кэби* 'как, словно, подобно'. По мнению В. Г. Егорова, чув. *пек*~*кап* происходит от *кеп* (алт. ойр., ног.), *кап* 'форма, модель', 'подобие'; в чувашском произошла перестановка зву-

²⁴ «Археология и этнография Башкирии». Уфа, 1968, стр. 224.

ков: *пек*, а в сундырском говоре слово уцелело без перестановки *кан//ган* (ЭСЧЯ, 153).

Как свидетельствуют примеры, в чувашском языке имеются два рода метатезы: первый относится к двум смежным согласным *пк~кп*, а другой — к двум несмежным согласным (*пек~кан*).

Явление метатезы согласных в различных тюркских языках основательно было исследовано в свое время В. В. Радловым²⁵. Изучая метатезу смежных согласных, В. В. Радлов объяснял возникновение некоторых из них физиологическими (антропофоническими) причинами. Перестановка *пк~кп*, например, возникла, по его мнению, в связи с тем, что легче вслед за смыканием задней части языка произвести смыкание губ, чем непосредственно вслед за смыканием губ произвести смыкание задней части языка.

На наш взгляд, такое объяснение не лишено оснований, но оно не дает ответа на следующий вопрос: в силу каких причин происходит перестановка двух несмежных согласных? Нельзя ли такие случаи, как *пек~кан* считать чередованием согласных *к~п*? Вопрос этот пока остается открытым.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>Абаев I, II</i>	— В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958; т. II. Л., 1973.
<i>Ашм.</i>	— Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. I — XVIII. Казань — Чебоксары, 1928 — 1950.
<i>Грюн.</i>	— Л. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Языки Восточного Индукуша. Ваханский язык. М., 1976.
<i>ДТС</i>	— «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
<i>Иллич-Св. I</i>	— В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М., 1971.
<i>Корн.</i>	— Г. Е. Корнилов. Евразийские лексические параллели. Чебоксары, 1973.
<i>Радл. I—IV</i>	— В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I — IV. М., 1962.
<i>Расс.</i>	— В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
<i>Рубинчик I—II</i>	— «Персидско-русский словарь», I — II. Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970.
<i>Тимоф. Тăхăръял</i>	— Тимофеев. Тăхăръял. Чебоксары, 1972.
<i>ТМС</i>	— «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков». Т. I. Л., 1975; т. II. Л., 1977.
<i>Фасм. I—IV</i>	— М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964 — 1973.
<i>Фед. I—II</i>	— М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I. Чебоксары, 1965; ч. II. Чебоксары, 1968.
<i>Щерб. СФ</i>	— А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
<i>ЭСТЯ I—III</i>	— Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., т. I — 1974; т. II — Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978; т. III — Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М., 1980.
<i>ЭСЧЯ</i>	— В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

²⁵ W. Radloff. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, I. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 270 — 272.

-
- Gombocz* — Z. Gombocz. A maguar maganhang zók történetéből. MNy, VIII, 3.
- Doerfer* — G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I — IV, Wiesbaden, 1963—1972.
- Räs.* — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- TES* — «A Maguar Nyelv Történeti Etimologiai Szótara». I — III. Budapest, 1967 — 1976.
-

Ф. М. АГАЕВА

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАНИЙ ГЛАГОЛОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В тюркологии, в том числе в азербайджанском языкознании, имеется ряд работ, в которых глагольные словосочетания более или менее полно изучены¹. Как известно, словосочетания образуются из соединения минимум двух знаменательных слов, причем глагольные словосочетания представляют собой сочетание знаменательного имени со знаменательным глаголом.

Совершенно иное значение в азербайджанском языкознании имеет термин «глагольное сочетание», характерный главным образом, для азербайджанской разговорной речи.

До последнего времени глагольные сочетания либо вообще не были объектом специального исследования, либо рассматривались как обычные словосочетания. Ю. Сеидов отмечает, что такие формы, как «глагол+глагол» и «наречие+глагол»² объектом специального анализа языковедов не являлись. Однако и сам он не исследует сочетания глаголов, обладающих самостоятельным лексическим значением³. Вместе с тем такие сочетания широко употребительны в азербайджанской разговорной речи, в языке древних памятников, а также в фольклорных материалах, поэтому их лингвистическое истолкование становится необходимым.

В настоящее время существуют противоречивые суждения о глагольных сочетаниях, что связано с недостаточной изученностью этих конструкций. Так, А. А. Алекперов, характеризуя сложные глаголы и их виды в азербайджанском языке, не делает разницы между сложным глаголом и сочетанием глаголов, что приводит к стиранию границ между морфологическими и синтаксическими единицами.

¹ М. Б. Балакаев. Основные типы словосочетания в казахском языке. Алма-Ата, 1957; его же. Современный казахский язык (Синтаксис), Алма-Ата, 1959; А. Абдуллаев. Глагольные словосочетания в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Самарканд, 1959; Р. Р. Юсипова. О некоторых словосочетаниях типа «имя-глагол» в турецком языке. — «Краткие сообщения института народов Азии». М., 1962; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963; А. С. Абилов. Причастные обороты в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1962; Н. Н. Мамедов. Основы азербайджанского языкознания. Автореф. канд. дисс., Баку, 1964; А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс., Баку, 1963.

² См.: Э. Абдуллаев, J. Сеидов, А. Исмаилов. Мүасир Азербайжан дили (Синтаксис). Баку, 1972, стр. 55.

³ Там же.

Сочетания глаголов иногда называют «паратаксическими сочетаниями». О. Б. Сиротинина, например, пишет, что существуют характерные для разговорной речи паратаксические сочетания глаголов, являющиеся специфически разговорными конструкциями. Писатели пользуются ими для воссоздания разговорной речи⁴. В азербайджанской разговорной речи подобные конструкции широко распространены: *Ахырда дурду чыхды* (Э. Нагвердијев) 'Наконец встал вышел'. *Гыраты кедим кәтирим* («Короглу») 'Пойду приведу Гырата'. *Ана, отагы назырла, гызы кәтүрүм кәлим* (М. Ибраһимов) 'Мать, приготовь комнату, пойду приведу девушку'. *Жордан илә кедәрәм, кенә сонра өзүм гајыдарам кәләрәм* (М. Ф. Ахундов) 'Пойду с Жорданом, потом сам возвращусь приду'. *Кишиләр чыхан кими кәлди отурду вә ушаглары алды гумагына* (Ч. Мәммәдгулузаде) 'Как только мужчины вышли, она пришла села и взяла детей на руки'. (Переводы примеров здесь и далее даются нами дословные).

Р. Рустамов, считавший подобные сочетания «сложными глаголами», писал: «Если в диалектах и говорах азербайджанского языка сложные глаголы, состоящие из деепричастия с аффиксом *-ыб, -иб, -уб, -үб* и глагола, употребляются (вернее, их вторые компоненты) в предложении с различными временными и личными аффиксами и принимают аффикс повелительного наклонения, то первые компоненты этих глаголов теряют деепричастный аффикс и приходят в соответствие со вторыми компонентами. Это имеет древнюю историю. Принятие первыми компонентами сложных глаголов аффиксов, особенно временных, в «Китаби-Деде Коркут» представлено следующим образом. Например: *Күз алмасы кими ал јанагын дартды јыртды*. В диалектах и говорах нашего языка сложные глаголы, состоящие из деепричастия и глагола, чаще всего употребляются именно в такой форме»⁵.

Из заключительного предложения этой цитаты следует, что в диалектах и говорах «чаще всего» употребляются не формы *сыныб дагылды, чыхыб кетди, кедиб чыхдылар*, а формы («сложные глаголы») *сынды дагылды, чыхды кетди, кетдиләр чыхдылар*.

Диалекты и говоры могут свидетельствовать о древности той или иной конструкции, поскольку в них сохраняются архаические формы. Поэтому изучение диалектов в этом плане представляет для языковедения большой интерес.

В эпосе «Китаби-Деде Коркут» указанные конструкции, как особый способ выражения и как категория, занимают большое место. Однако подобные сочетания характерны не только для него. В орхоно-енисейских памятниках также имеются глагольные сочетания, первый компонент которых употребляется с деепричастным аффиксом⁶. В живом разговорном языке, в фольклоре и диалектах компоненты глагольных сочетаний организуются на основе принципа морфологического параллелизма. Отсюда следует, что употребление первого компонента этих сочетаний с аффиксом деепричастия — более позднее явление, явившееся результатом абстрагирующей тенденции языка в связи с общим развитием мышления.

По мнению Р. Рустамова, сочетания *чыхыб кетди* 'выйдя ушел', *кәлиб чыхды* 'придя вышел' являются более древними, и только позднее «первые компоненты этих глаголов теряют деепричастный аффикс и при-

⁴ См.: О. Б. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974, стр. 111.

⁵ Р. Рустамов. Азәрбајчан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Баки, 1965, стр. 152 — 153.

⁶ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 46 — 49.

ходят в соответствие со вторыми компонентами». Однако собранный в ходе исследования языковой материал и его анализ опровергают это суждение.

Дело в том, что глагол обладает весьма богатой семантикой. Принятие им аффиксов лица (времени, формы и т. д.) свидетельствует о конкретности спрягаемой формы глагола, а деепричастие, поскольку оно связано с абстрактным мышлением, лишено конкретных форм предикативности (времени, лица и др.). Известно, что общее развитие языка идет от конкретного к абстрактному. Следовательно, говоря о примерах приведенного выше типа, нужно было подчеркивать не «потерю» деепричастных аффиксов первыми компонентами, а отсутствие у них форм спряжения, а также принятие ими аффикса деепричастия. Не случайно в современном литературном языке (научном, публицистическом, художественном) именно в первом компоненте употребляются формы с деепричастными аффиксами. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в учебниках для средней и высшей школы, правильно отражающих общие тенденции развития языка, при рассмотрении вопроса об усечении аффиксов в однородных членах, отмечается употребление вместо усеченных аффиксов—деепричастных аффиксов (а не наоборот).

В современном азербайджанском языкознании глагольные сочетания типа «деепричастие+спрягаемый глагол» получили различную оценку. Одни исследователи считают, что эти сочетания имеют только видовое значение, другие полагают, что такие сочетания следует квалифицировать как сложные глаголы.

Подобное расхождение мнений обусловлено как сложностью самой проблемы, так и недифференцированным подходом к ее изучению. Глагольные сочетания, оба компонента которых представлены спрягаемыми глаголами, исторически развивались в различных направлениях. Эти сочетания легли в основу целого ряда грамматических, лексических, стилистических, поэтических способов выражения мысли и поэтому, говоря об их развитии и современном состоянии, необходимо учитывать эти направления.

1. Прежде всего отметим, что паратаксические глагольные сочетания продолжают функционировать и в современном азербайджанском языке: *Кечәки фәғгәра кәлдди дурду көзүмүн габагында* (Ч. Мәм-мәдгулузадә) 'Ночное происшествие пришло встало (возникло) перед моими глазами'; *Дур кет јат. Истәјирсән кә дәк кәзәк* (М. Ибраһимов) 'Встань иди спи. Хочешь пойдем погуляем' *Чејран га чды кетди* (С. Рәһимов) 'Джейран убежал ушел'.

В приведенных примерах синтаксические отношения основываются на явлении паратаксиса.

2. Между сочетаниями *чыхды кетди* (букв.: 'вышел ушел') и *чыхыб кетди* (букв.: 'выйдя ушел') имеются определенные грамматические различия. В первом случае каждый компонент сохраняет свою самостоятельность в сочетании и может легко выйти из его состава. Это паратаксическое сочетание и между его компонентами (*чыхды кетди*) можно вставить союз *вә* 'и', тогда как во втором случае (*чыхыб кетди*) подобное сделать невозможно (в связи с нарушением при этом грамматической нормы). Глагольное сочетание *чыхды кетди*—чисто синтаксическое явление (оба компонента выступают в параллельных формах), а в сочетании *чыхыб кетди* уже имеется грамматическая связанность, зависимость; второй компонент здесь в морфологическом отношении не свободен, и сочетание в целом образует одну синтагму, а при самостоятельном употреблении каждый из них (компонентов) образует свою синтагму. В такого типа сочетаниях наблюдается тенденция к морфоло-

гизации. В приобретении глаголами характера сочетания важную роль играет интонация. Именно в зависимости от интонации они могут выступать в качестве как однородных членов предложения, так и словосочетания: *Валлаһ кәлиб соруша ки, нијә ағлајырсан, нә дејәчәјәм?* (М. Ф. Ахундов) 'Клянусь богом, если придет спросит, почему плачешь, что я отвечу?' *Онун да мәнә шәкли вар, кәлиб көрәрсән* (Ә. Нагвердијев) 'И у меня есть его карточка, придешь увидишь' *Әлимарданы бу саатда көндәр, Мәстәли шаһы Ағчабәди кәндиндән алыб кәтирсин* (М. Ф. Ахундов) 'Немедленно пошли Алимардана. Пусть в селении Агджабеди возьмет привезет Мәстәли шаха'.

При восстановлении объектов глаголов, входящих в сочетание, эти глаголы утрачивают способность образования сочетаний и становятся самостоятельными (однородными) членами предложения: *Евдән чыхды, мәктәбә кетди* (С. Рәхимов) 'Вышел из дому, пошел в школу'.

Глаголы *чыхды* 'вышел' и *кетди* 'ушел', присоединяясь к различным глаголам, образуют глагольные сочетания. Однако это возможно не всегда: *күлдү кетди, өлдү кетди, сыңрады чыхды, алды чыхды*. Из скольких бы компонентов не состояло сочетание, оно произносится как единое целое, а основное ударение падает на последний компонент. Самым «чистым», «ясным» видом этих сочетаний являются те, в которых нет второстепенных членов: *Нә'рә урду һајгырды* («Дәдә Горгуд») 'Заорал заревел'. *Гыз гошулду гачды* («Короғлу») 'Девушка связалась убежала'. *Дурду кетди јыхылды јатды* («Нағыллар») 'Встал пошел свалился заснул'.

Пристальное внимание привлекает семантика глагольных сочетаний. Рассмотрим их разновидности.

1. Синонимичные глаголы образуют одно сочетание: *Јатды ујуду* («Нағыллар») 'Уснул заснул'. *Ағлады зарыды* (Ә. Садыг) 'Заплакал застонал'.

2. Антонимичные глаголы образуют одно сочетание: *Гарға-гузғун енәр галхар, гонар галхар* («Дәдә Горгуд») 'Ворона-ястреб опустится подымется, сядет подымется'. *Карван кими гонду көчдү* («Дәдә Горгуд») 'Как караван, остановился перекочевал'.

Антонимичные глаголы в соединении со вспомогательным глаголом также образуют фразеологические сочетания: *гојуб-кәтүр еләмәк* 'рассуждать', *алыш-вериш еләмәк* 'торговать', *вар-кәл еләмәк* 'прохаживаться'. Такого вида сочетания иногда субстантивизируются, превращаются в субстантивные словосочетания: *кәлирини-чыхарыны, дурушуну-отурушуну, једијини-ичдијини*.

3. В основе порядка следования компонентов глагольных сочетаний лежит временная последовательность самих действий (денотата): *Хәнчәрлә чалды кәсди* («Нағыллар») 'Саблей взмахнул разрубил'; *Гылынч јерә дүшдү көмүлдү. Газан дөндү бахды*. («Дәдә Горгуд») 'Меч упал на землю. Казан обернулся посмотрел'; *Бу јери көрдү бәјәнди* (Ә. Садыг) 'Эту местность увидел одобрил'.

4. Глагол, составляющий второй компонент глагольных сочетаний, выступает как результат—итог действия, выраженного глаголом первого компонента: *тикилди гуртарды* 'построили кончили'; *јанды төкүлдү* 'сгорело обрушилось'; *охуду гуртарды* 'учился окончил'.

5. Иногда компоненты глагольных сочетаний организуются по принципу закона гармонии и рифмы: *Өнүнә гатды тутду* («Дәдә Горгуд») 'Вперед вывел схватил'; *Оғуз Тәпәкөзү дејдү сөјдү* («Дәдә Горгуд») 'Оғуз Тепягёза побил обругал'.

Компоненты глагольных сочетаний могут употребляться в различных формах, видах и наклонениях.

В глагольных сочетаниях существенна прежде всего форма, поэтому в первую очередь следует учитывать принцип сочетания конструкций (синонимию, антонимию, словопорядок и т. д.), а потом уже и его семантику.

Основным условием параллельного употребления компонентов является индентичность форм времени, положительного и отрицательного аспектов и т. д. Компоненты паратаксических сочетаний имеют идентичные формы и выступают как единый член предложения.

Употребление глаголов в различных формах указывает на наличие минимум двух членов предложения; что касается глагольных сочетаний, то какое бы количество компонентов они не содержали, все они должны в совокупности рассматриваться как единый член предложения. Например: *Дамирчиоғлу узаныб јатды* («Короғлу») 'Демирчиоглы лег заснул'. *Дәвә ајағы үзәринә дурмады јыхылды* («Нағыллар») 'Верблюд на ноги не поднялся упал'. *Атын ики көзүн өңдү, сычрады минди* («Короғлу») 'Поцеловал коня в оба глаза, вскочил сел'.

Анализ показывает, что компоненты подобных глагольных сочетаний состоят главным образом из глаголов движения. Эта семантическая особенность связана также с грамматическим обобщением. Другими словами, эти единицы оформляются как лексико-грамматическое явление. Например: *Аға Мардан вә Аға Салманы көтүрүб кедир* (М. Ф. Ахундов) 'Ага Мардана и Ага Салмана взяв уходит'. *Папағыны чевирисән, ил кәлиб кечир* (М. Ф. Ахундов) 'Не успеешь повернуть папаху, год приходит проходит'. *Күнләр чох сур'әтлә кәлиб кечди* (С. Рәхимов) 'Дни очень быстро приходят уходят'. *Бу инәк мәнә лазым дејил, көтүрүб апарарсан евинә* (Ә. Нагвердијев) 'Эта корова мне не нужна, возьмешь стведешь к себе домой'. *Динмәз-сөјләмәз чыхыб кәлирсән* (Мир Чәләл) 'Молча выходишь приходишь (возвращаешься назад) домой'.

Иногда в речи компоненты глагольных сочетаний употребляются дистантно. Если компоненты указанных сочетаний вступают в связь с разными словами, то есть каждый из них сочетается со своим объектом, то они образуют (чисто синтаксическое явление) однородные члены предложения: *Кәндә кәлиб анама хәбәр верәчәјәм* (Ә. Нагвердијев) 'Поеду в деревню сообщу матери'.

Таким образом, глагольные сочетания со спрягаемыми компонентами (синтаксическое явление) путем абстрагирования и присоединения к первой части деепричастного аффикса, употребляются в языке в двух функциях: лексико-морфологической и синтаксической.

Сочетания типа *чәкилиб кетди* 'отстранился ушел', *кәлиб көрәрсән* 'придешь увидишь', *көтүрүб кәлим* 'возьму приду' и другие, выступающие в самых разнообразных формах, некоторые исследователи считают выражением значения. Имея это в виду, Р. Рустамов пишет: «Сочетания, выражавшие когда-то... видовое значение, со временем утратили свою основную задачу и приняли форму сложного глагола, т. е. лексической единицы»⁷. Можно согласиться с ним, что сложный глагол является лексической единицей.

Говоря об употребляющихся в диалектах единицах типа *сирин-сијиб дурмаг*, *чәртиб отурмаг*, Р. Рустамов пишет: «...Мы полностью согласны со словами С. Джафарова, что подобные сочетания, утратив свое видовое значение, перешли в разряд сложных глаголов, и здесь видовое значение обратилось уже в семантическое значение глаголов, т. е.

⁷ Р. Рустамов. Указ. раб., стр. 151.

грамматическое значение сочетания перешло в его лексическое значение»⁸.

Ошибочность исходной точки зрения приводит автора к неправильному выводу. Нельзя считать приведенные им сочетания сложными глаголами. Это аналитические конструкции, выражающие именно видовое значение: *учуб кет* 'улетев уйди', *гачыб кет* 'убежав уйди' *ахыб кет* 'разлившись уйди', *өлүб кет* 'умерев уйди', *кедиб чых* 'уйдя дойди', *ка-либ чых* 'придя дойди' и т. п.

В глагольных сочетаниях, компоненты которых выражены спрягаемыми глаголами, вторые компоненты постоянно утрачивают свое лексическое значение и приобретают эмоционально-грамматический характер. Например: *Сән бир дајан, бир бахым көрүм бәлкә нимдаш бир шеј тапа билдим* (Ч. Чаббарлы) 'Ты подожди, я взгляну посмотрю, может найду что-нибудь поношенное'. *Һәлә дә, олачым будур, инди өзүн бах көр* (Ә. Садыг) 'Ну вот все, что есть, а теперь сам взгляни посмотри'. *Бахаг көрәк бу нејләјәчәк* (С. Рәһимов) 'Взглянем посмотрим, что этот сделает'.

Подобного рода глагольные сочетания, компоненты которых употребляются параллельно, еще не отошли далеко от своей первичной природы. Однако, когда их компоненты выступают в различных грамматических формах, то второй компонент приобретает функцию частицы: *Сән бура кәл көрүм* (Ә. Садыг) 'Подойди-ка ты сюда'. *Ај ба-лам, бир дајан көрүм* (Ч. Мәммәдулузада) 'Эй, подожди взгляну'.

Мы предполагаем, что отглагольные частицы сформировались именно на основе таких семантических глагольных сочетаний, как например, частицы *бах-* (*кет-, јаз-, оху-, чых-*...) *-ым, -сын(лар), көр-(үм, -әк)*.

Часть глагольных сочетаний в результате семантического изменения превратилась в сложные глаголы. В основном эти единицы, компоненты которых имеют синонимические и антонимические значения, в графическом плане связываются друг с другом посредством дефиса и оказываются оформленными как единое слово: *атылыб-дүшмәк* 'прыгать-скакать', *јазыб-позмаг* 'писать-пописывать', *көрүб-көтүрмәк* 'видеть-подражать', *арајыб-ахтармаг* 'искать-находить', *дејиб-кулмәк* 'говорить-смеяться', *алыб-вермәк* 'брать-отдавать', *аглајыб-сызламаз* 'плакаться-жалиться', *сөјүб-данышмаз* 'ругать-поносить' и т. д. Например, *Іығынчагда үзү ачыг отуруб-дурурлар* (М. Ф. Ахундов) 'В обществе сидят-ходят с открытыми лицами'. *Ушаглар дејиб-кулүшүр, атылыб-дүшүрләр* (Ә. Аббасов) 'Дети говорят-смеются и прыгают-скачут'. *Бир кәлмә дә диниб-данышмырды* (Мир Чәләл) 'Ни одного слова не молвил не говорил'. *Сәһәрдән јазыб-позур* (Ә. Садыг) 'С утра пишет-пописывает'.

Среди глагольных сочетаний имеются такие, которые в настоящее время носят стилистический характер, и поэтому в произведениях разных авторов употребляются в различной форме. Решающее значение имеет здесь интонация. Такого рода глаголы произносятся в особом ритме, образуя своеобразную ритмическую группу, семантически выражающую единое понятие: *Кечди кетди итди батды дағылды: Инди десәк, һамысы бир нағылды* (Шәһријар) 'Прошло ушло утратилось пропало распалось: теперь все это нам представляется сказкой'. *Бас ал, кәс ал, вур ал, јых ал, гошул түччарә фәхр ејлә* (М. Ә. Сабир) 'Повали возьми, руби возьми, бей возьми, свали возьми, стань подобен купцам и гордись'.

⁸ Р. Рүстәмов. Указ. раб., стр. 151 — 152.

Все рассмотренные типы глагольных сочетаний представлены в следующей таблице:

Глагольное сочетание (синтаксическое явление)	
Глагольное сочетание (синтаксическое явление) <i>чыхды, кетди</i>	Сложный глагол (лексическое явление) <i>атылыб-дүшмэк. дејиб-кулмак</i>
Вид (лексико-грамматическое явление) <i>чыхды кетди</i>	Однородные члены (стилистическое явление) <i>кетди кездди калди</i>
Грамматическое явление <i>кэл көрэк, гој бахаг</i>	Стилистическое средство (ритм) <i>бас ал, кэс ал, вур ал, јых ал</i>
Фразеологическая единица <i>јанды кул олду, влдү-дирилди</i>	

Иногда глаголы *етмак* и *елэмэк*, выражающие модальность, считают синонимами и даже отождествляют. Однако в разговорной речи слово *елэмэк* несет такие функции, которые не свойственны глаголу *етмак*. Одна из этих функций сводится к тому, что глагол *етмак* в речи употребляется как добавление, усиливающее значение: *Дај неч кимә дејиб еләмир сән?* («Короглу») 'Больше никому не говоришь не рассказываешь?'. *Утаныб еләмә, бирбаша де* (И. Нүсејнов) 'Не стесняйся, говори прямо'. *Чалышырды ки, әснәјиб еләмәсин* (Ә. Начызадә) 'Старался скрыть зевоту'.

Глагол *елэмэк*, служащий для усиления значения, употребляется в качестве добавления к глагольному сказуемому только в предложениях с эмоциональной окраской. А это в основном побудительные и вопросительные предложения. В какой бы функции глагол *елэмэк* ни употреблялся в приведенных выше побудительных предложениях, ту же функцию он выполняет и в вопросительных предложениях: *Бир данышыб еләдиниз, ја јох?* (И. Әфәндијев) 'Да вы говорили договорились, или нет?'. *Јохса бир адама вурлуб еләмисән?* (И. Әфәндијев) 'А может быть ты влюбился в кого-нибудь?'. *Бир јердә ишләјиб еләмир сән?* (Р. Исмајылов) 'Ты не работаешь где-нибудь?'

Одним из структурных признаков, свидетельствующих об эмоциональной окрашенности этих предложений, является употребление в их составе усилительной частицы *бир*. Без этой частицы структура не может формироваться. Если она выводится из состава предложения, то вместе с самим объектом. В этом случае глагольная часть выражает прежнее значение.

В гипотетических вопросительных предложениях добавление глагола *елэмэк* способствует усилению значения предположительности, вероятности: *Инәк горухда јохду. Балкә көрүб еләмисән?* («Гаравәллилә») 'Коровы нет в загоне. Может быть ты видел ее?'. *Балкә*

начы ојанды елэди? (Ә. Нагвердијев) 'А вдруг гаджи проснется?'.
 Если в этих предложениях выражение таких модальных значений, как предположительность, вероятность, возможность связано с модальными словами (*бирдән, балкә*), то эмоциональный характер этих значений достигается путем употребления глагола *еләмәк*. Однако в структуре предложения модальные слова, частицы, отражающие общее содержание, всегда оказывают влияние на формы глагола *еләмәк*, регулируя их употребление. Это свидетельствует о том, что *еләмәк*, тесно связан с содержанием всего предложения в целом. Поэтому в вопросительных предложениях, в которых отсутствуют вопросительные слова, глагол *еләмәк* выступает в утвердительной форме, а в предложениях с вопросительными словами — в отрицательной: *Күлсүм бачы нијә бизләре кәлиб еләмир?* (И. Әфәндијев) 'А почему Гүльсүм-баджи нас не навещает?'.
 Даже в повествовательных предложениях при употреблении глагола *еләмәк* как добавления отмечается субъективная модальность; глагол этот служит для выражения таких понятий, как категоричность, резкость: *Мән тәләсиб еләмирәм* (М. Ибраһимов) 'Я никак не тороплюсь'. *Һеч кәси тоја чағырыб еләмәзләр* (А. Абдуллајев) 'Никого на свадьбу не пригласят'. *Һеч гочалыб еләмирсән* (Ә. Гасымов) 'Никак не стареешь'.
 Наличие отмеченного эмоционального оттенка подчеркивается употреблением и других элементов, вносящих эмоциональную окраску. Усилению отрицательного значения в приведенных выше повествовательных предложениях способствует частица *һеч* (*јерә, кәсә, кәсин*).
 Чтобы усилить отрицательное значение используется вспомогательное слово *дејил*: *Кедиб еләмәјәҗәјәм* 'Да я не пойду'; ср. *Кедиб еләјән дејиләм* 'Да я никак не пойду'.
 Таким образом, одно и то же понятие можно передать в разной форме посредством единиц, выражающих различную степень эмоциональности: *Кетмир* — *һеч јерә кетмир*, *кедиб еләмир* — *һеч кедиб еләмир*, *кедиб еләјән дејил* — *һеч јерә кедиб еләјән дејил*.
 По мере увеличения количества компонентов возрастает и степень эмоциональной окрашенности всего сочетания.
 Таким образом, в результате развития глагольных сочетаний, структура языка обогащается различными категориями: лексико-грамматическими, морфологическими, лексическими и стилистическими.

М. И. ТРОФИМОВ

О «СПОНТАННОЙ» ЛАБИАЛИЗАЦИИ И ДЕЛАБИАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Издавна многие тюркологи указывали на наличие в тюркских языках губных гласных в начальных слогах, которое не может быть объяснено влиянием губных гласных или согласных¹. В современном уйгурском языке это явление прослеживается особенно четко. В соответствии с определенной терминологией такую лабиализацию можно назвать спонтанной, в противоположность комбинаторной.

Прежде всего подобное явление встречается в корнях, особенно в конечных закрытых слогах, например: altun 'золото', jalıyuz 'единственный', zabduq 'орудие', qarçıya 'ястреб', täksürdi 'проверил', tapşurdi 'вручил'. В некоторых случаях этот «спонтанный» губной явился основой губного умлаута, например: хотун 'женщина', qotuş 'камыш', tömür 'железо', oquq 'худой', tonuş 'знакомый', joşurdi 'спрятал' (ср. beliq 'рыба', ejiq 'медведь', egiq 'арык'; здесь узкий негубной явился основой негубного умлаута). Следует отметить факультативное чередование узких губных и негубных в некоторых мужских именах собственных, сравнительно поздно появившихся в тюркских языках: Aşır//Aşir, Maşır//Maşir, Aqır//Aqir, Maqır//Maqir и т. п. Такое чередование может наблюдаться и в других случаях.

Ряд аффиксов, в первую очередь имеющих структуру СГС, выступает исключительно или главным образом в лабиализованной форме. К ним относятся:

¹ W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*, Leipzig, 1882, стр. 35; Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. — В кн. «Приложение к LXXIII тому "Записок императорской Академии наук"», № 8. СПб., 1893, стр. 101; В. А. Богородицкий. Законы сингармонизма в тюркских языках. — «Вестник научного общества татароведения», № 6, 1927, стр. 67; Ф. Г. Исхаков. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1. Фонетика. М., 1955, стр. 99 — 102; М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 114; C. Brockelmann. *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*. Leiden, 1954, стр. 62 — 63, 74; Г. Ф. Благова. О сингармонизме и его нарушениях в языке тюрки рубежа XV—XVI вв. — В кн. «Фонетический сборник. Материалы межвузовской конференции», вып. II. Донецк, 1968, стр. 80—81; «2 — Ujyur til-imla kənpirinsijsiniñ toxtamliri...». — «Резолюции и материалы 2-ой Всеуйгурской научно-орфографической конференции 1930 г. в г. Алма-Ате». Кызыл-Орда, 1932, стр. 27; Л. А. Аганина. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка. — «Краткие сообщения Института народов Азии». 72. М., 1963, стр. 122; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970, стр. 30; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 161.

1) аффикс понудительного залога *-dur-* (со всеми вариантами), например: *jazdurdi* 'заставил писать', *köldürdi* 'рассмешил', *äştürdi* 'заставил сучить', но также факультативно *toltiriş* 'наполнение'²; В. А. Богородицкий дает для уйгурского (древнеуйгурского?) пример: *jaraşturdi* 'помирил'³.

2) Аффикс понудительного залога *-guz-* (со всеми вариантами), например: *mañuzdi* 'заставил идти', *jegüzdi* 'накормил', *sözlätküzdi* 'разговаривал', 'заставил рассказать', *ejtküzdi* 'заставил сказать', *kät-küzdi* 'заставил уйти', *kirgüzdi* 'заставил войти', *o:tañuzdi* 'посадил' (но так же как факультативные варианты *ejtkizdi*, *kätkizdi*, *kirgizdi*, *o:tañiz-di*)⁴.

3) Некоторые аффиксы финитных форм, как, например, аффикс 1-го лица множественного числа прошедшего времени *-duk-*: *alduq* 'мы взяли', *käldük* 'мы пришли', *qilduq* 'мы сделали', *qutqazduq* 'мы освободили', *uçrattuq* 'мы встретили', *sözlidük* 'мы рассказывали', *küçäjtük* 'мы усилили'⁵, а также омонимичный аффикс отглагольного имени, удержавшийся в современном уйгурском языке лишь в некоторых словах, например: *qalduq* 'остаток', *harduq* 'усталость', 'отдых'.

В вопросе о происхождении этого аффикса единого мнения нет. О. Прицак и другие авторы выделяют здесь аффикс *-q/-k*, выступающий также в условном наклонении⁶. К. Брокельман и П. И. Кузнецов дают следующую справку: аффикс *-duq/-dük* произведен от имени действия на *-t* с помощью аффикса *-uq*, образующего абстрактное существительное или причастие. Гузы употребляли эту форму во всех лицах и числах претерита. В дальнейшем она удержалась лишь в первом лице множественного числа и тем самым вытеснила форму на *-dümiz*. Например, у Махмуда Кашгари встречаются формы *bastımız* 'мы покоряли', *kästimiz* 'мы срезали', но Алишер Навои уже употребляет форму *-açuq* и т. д. В условном наклонении в 1-ом лице множественного числа в древности имелось окончание *-biz/-biz*. Однако уже у Рабгузи и позднее выступает форма, образованная по аналогии с *-duq*: с окончанием *-q/-k*⁷. Таким образом, в последнем случае этот аффикс явился результатом переразложения.

² Н. А. Баскаков. Очерк грамматики уйгурского языка. — В кн. Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 206; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — В кн. «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1961, стр. 307; Ч. Г. Сайфуллин. Уйгур тилиниң имласи билән елипбәсигә бәзи бир өзгирешләрни киргүзүш тоғрилиқ. Алмута, 1958 (на правах рукописи); Ә. Кайдаров, Г. Сәдуакасов, Т. Талипов. Һазирки заман уйғур тили. 1-нчи китим. Лексика вә фонетика. Алмута, 1963, стр. 227; Г. Сәдуакасов. Уйғур әдәбий тилиниң имла қандилири. Алмута, 1961, стр. 13.

³ В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 67.

⁴ K. Menges, рец. на кн.: G. Jarring. Studien... Göttingische gelehrte Anzeigen, 1934, № 9, стр. 369; «2 — Ujyur til-imla kәnpirinsijsiniң toxtamliri...», стр. 27; Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 206; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 307; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11; Ә. Кайдаров, Г. Сәдуакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 227; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 287.

⁵ W. Radloff. Указ. раб., стр. 35; «2 — Ujyur til-imla kәnpirinsijsiniң toxtamliri...», стр. 27; Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 209; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 307; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11; Ә. Кайдаров, Г. Сәдуакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 227.

⁶ O. Pritsak. Das Neuuirgische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Т. 1, Wiesbaden, 1959, стр. 538.

⁷ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 99, 261—262, 269, 31, 240; П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 40 — 71.

5 «Советская тюркология», № 2

4) Аффикс повелительного наклонения 3-го лица *-sun-*, например: *alsun* 'пусть возьмет', *kälsün* 'пусть придет', *qilsun* 'пусть сделает', *tursun* 'пусть стоит', *qoqsun* 'пусть боится', *bilsun* 'пусть знает', *ölsün* 'пусть умрет'⁸. (К. Брокельман и В. А. Богородицкий приводят аффикс в такой же форме⁹).

5) Аффиксы отглагольных имен *-gič*, *-gun*, *-gur*, например: *jälpigüč* 'веер', *tutqič* 'ручка', *žuyüč* 'мочалка', *jaŋyün* 'пожар', *jaŋqun* 'пламя', *tosqun* 'плотина', *qačqun* 'беглец', *tašqun||tašqin* 'наводнение', но *qirgün* 'истребление'¹⁰. (Ср. аффикс повелительного наклонения *-gin*, например, *qačqin* 'бегн'). К. Брокельман дает лабиализованный и нелабиализованный варианты этого аффикса как факультативные варианты: *qačqun||qačqin*, *qačqunči* 'беглец', *tašqun||tašqin* 'наводнение', *qirgün||qirgün* 'уничтожение'¹¹.

6) Именной аффикс (или два омонимичных аффикса) *-čuk*, например: *käslänčük* 'ящерица', *taxtančüq* 'хвостун', *qizyaŋčüq* 'жадина', *jaŋčüq* 'карман' (правда, он может выступать и перед широким гласным).

7) Аффикс формы намерения 1-го лица, близкой к повелительному наклонению, *-äjli/-ajluq*, например, *čiqajluq* 'давайте выйдем'.

8) Аффиксы, имеющие структуру СГ, например, аффикс 3-го лица настоящего-будущего времени и одного из прошедших времен *-du/-tu* (с долгим *u*) и слог *gi*, входящий в состав ряда аффиксов, например, аффикса формы желания на *gi*, который выступает с дополнительными личными аффиксами, аффиксов отглагольных имен *-giči*, *-guluk*, аффиксов глагольных форм, например, *-gičä*, *-gudäk*: *alym bar* 'я хочу взять', *kälgüm bar* 'я хочу пойти'¹², *oquyüči* 'ученик', *jegülük* 'съедобный', *jazyndäk* 'то, что стоит написать', *bärgüdäk* 'то, что стоит дать', *ičküdäk* 'то, что можно пить'¹³. К. Брокельман приводит аналогичные примеры из старого литературного языка, например: *čiqquŋča* 'вместо того, чтобы выйти', *atquča* 'пока выстрелит', *čiqqudäg* 'как будто выйдет'¹⁴.

Однако есть и такие аффиксы, в которых лабиализация не может быть объяснена их первоначальной формой, в частности в препозитивных призвуках одноконсонантных аффиксов, например, в слове *artuq* 'свыше' (ср. *jeriq* 'закрытый' и *jorıq* 'попона', также *oŋuq* 'лишний', *oŋuq* 'открытый'), или в одном из аффиксов понудительного залога *-r*, например: *tašurdi* 'переполнил', *käčürdj* 'провел' и т. п. Факультативно встречается форма *qajsi||qajsu* 'который'.

В диалектах это явление распространено, быть может, еще шире, чем в литературном языке, в частности, в исходном падеже, например:

⁸ W. Radloff. Указ. раб., стр. 35; Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 220; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 313; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11.

⁹ C. Brockelmann. Указ. раб., стр. 226; В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 67.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 222; А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 297—298, 301; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11; Т. Талипов. Система гласных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1960, стр. 11; Г. Садвакасов. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1956, стр. 7, 9; его же. Уйгур әдәбий тилиниң имла қайдилири, стр. 19.

¹¹ C. Brockelmann. Указ. раб., стр. 106, 109.

¹² Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 223; Л. А. Аганина. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка. — «Вестник АН Казахской ССР». Алма-Ата, 1954, № 3, стр. 36; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11; Ә. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 228.

¹³ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 220, 222; А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 297; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 554; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 11.

¹⁴ C. Brockelmann. Указ. раб., стр. 45, 246, 258.

Малов хамийск. *atesidun* 'от его отца', Садвакасов ферганск. *atilardun* 'от отцов', *anilardun* 'от матерей'¹⁵; в притяжательных формах, например: *aјауm* 'моя нога', *jүгäküm* 'мое сердце', *särүgümüz* 'наше путешествие', *јагуң* 'твоя милая', *јагum* 'моя милая'¹⁶; в личных глагольных формах, например: *jedum* 'я съел', *serildum* 'был снят'¹⁷.

Аналогичные формы приводит К. Брокельман, например, у Махмуда Кашгари встречается *käldüm* 'я пришел', *bardum* 'я шел', *sewdüm* 'я любил', *birdüm* 'я дал', *tikdüm* 'я посадил', *kitdüm* 'я ушел', *qildum* 'я сделал', *jattum* 'я лежал' (К. Брокельман объясняет эти формы аналогией с аффиксом *-duq/-dük*, но причина скорее в распространении на них далеко идущего процесса лабиализации конечных узких гласных и отчасти, может быть, во влиянии губного согласного *m*), *äsütdüm* 'я покрыл', *tapundum* 'я служил', *bäkütti* 'заставил быть твердым', но *bäkütür* 'заставит быть твердым', *bäkitmäk* 'заставить быть твердым', *bäkip* 'будучи твердым', *tašuttı||tašitti* 'позволил унести'¹⁸.

Процесс этот широко отмечается во многих тюркских языках, ср. киргизск. *тигуңду* 'имеющий нос', *балалу* 'имеющий ребенка', *башту* 'имеющий голову'¹⁹. К. Брокельман приводит примеры из памятников: *qarluq* — этноним, *atluq* 'лошадиный загон' (*||atlaq*), *bazlux* 'мир', *jäklügün* 'с демонами'²⁰.

Т. Талипов высказывает предположение, что лабиализация первых слогов в таких случаях объясняется скрытой лабиальностью гласного первого слога²¹. Таким образом, данное явление рассматривается как разновидность хорошо известной прогрессивной губной гармонии. Эта гипотеза в свою очередь порождает новые проблемы. Если вначале в первом слоге происходила лабиализация, то пришлось бы допустить наличие в дальнейшем обратного явления — делабиализацию, которая, однако, не привела к исчезновению лабиальности непервого слога.

Наряду с процессом лабиализации наблюдается и встречный процесс делабиализации. В современном уйгурском языке в абсолютном исходе слова, как правило, стоит узкий негубной гласный, в частности, в аффиксах. Как отмечалось, аффикс *-duq* выступает в форме прошедшего времени и в некоторых отглагольных именах. Однако в 3-ем лице того же времени и в других отглагольных именах выступает аффикс *-di*, имеющий, по-видимому, общее происхождение с предыдущим, но лишенный конечного гуттурального, например: *asrandi* 'воспитанник', *süpründi* 'мусор'. Аналогичное наблюдение можно сделать для аффикса повелительного наклонения 1-го лица множественного числа, имеющего вариант *-ajluq* (с конечным гуттуральным) и вариант *-äjli* (без него). В последнем случае происходит делабиализация. Это можно связать с тем, что узкий негубной все-таки несколько короче узкого губного. К. Брокельман указывает также на делабиализацию в некоторых словах, сохранивших аффикс древнего направительного падежа *-yaru*, *-gä-*

¹⁵ О. Pritsak. Указ. раб., стр. 540; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 30.

¹⁶ А. Т. Кайдаров. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969, стр. 95; его же. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 188; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 30.

¹⁷ Э. Р. Тенишев. Об уйгурских диалектах Синьцзяна. — В кн. «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 143; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 188.

¹⁸ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 57, 61, 238.

¹⁹ В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 67.

²⁰ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 61.

²¹ Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков, Алма-Ата, 1968, стр. 39.

rū: iġgäri 'внутри', ilgäri 'вперед', tärsġäri 'назад', taşqarī 'снаружи'²². В ферганском говоре под влиянием узбекского языка делабиализация может распространяться на аффикс *-du, -tu*, например: *ketädi* 'уйдет', *alip-ti* 'взял'²³.

Довольно часто делабиализуется гласный в предпоследнем открытом слоге двусложных составных аффиксов в тех случаях, когда гласный последнего слога является негубным. Особенно наглядный пример — аффикс причастия будущего времени *-diyaŋ*. Под влиянием губной гармонии в предпоследнем слоге может факультативно появляться губной гласный, однако наиболее типичная форма этого аффикса содержит негубной гласный. Л. А. Аганина считает, что в процессе делабиализации значительная роль принадлежит негубному характеру гласного последнего слога²⁴, но, вероятно, все-таки главная причина — тенденция к делабиализации, существующая независимо от характера последнего слога. Примеры: *boludiyaŋ* 'тот, который будет', *qilidjyaŋ* 'тот кто делает', *tuġudiyaŋ* 'тот, который будет стоять или постоянно стоит', *alidiyaŋ* 'тот, кто возьмет'. Аналогичное явление может наблюдаться и в других сходных случаях, например: *maŋŋiŋiz barŋu* 'вы хотите идти?', *alŋiŋiz barŋu* 'вы хотите взять?', *kälgidäk* 'кажется, он должен прийти', *barŋidäk* 'кажется, он должен пойти'²⁵, *degidäk* 'почти', *qalŋiġä* 'пока остается', *jegiŋi* 'желание есть' (возможно, это особенно характерно для форм употребительных глаголов *de-* 'говорить' и *je-* 'есть'), *eliptimän* 'я, оказывается, взял', *iġiptimän* 'я, оказывается, выпил', *jeziptimiŋ* 'якобы он уже написал', *eliptimiŋ* 'якобы он уже взял'²⁶, *iŋläjdiŋu* 'он ведь работает', *baridiŋu* 'он ведь пойдет', *kelidikäŋ* 'он, оказывается, придет', *baŋläjdikäŋ* 'он, оказывается, начинает'²⁷. Однако делабиализация бывает и в закрытых слогах, например: *eġkizdi* 'заставил сказать', *kätkizdi* 'заставил уйти', *kiġizdi* 'заставил войти', *oŋtaŋizdi* 'заставил сесть'²⁸.

Делабиализация встречается и в неначальных слогах неразложимых основ, например: *täkŋiräjdü*/*täxŋiräjdü* 'проверяет'²⁹.

Если лабиализация является часто комбинаторным процессом, то делабиализация всегда «спонтанный» процесс, так как влияние других звуков в таких случаях сомнительно.

Необходимо рассмотреть и случаи лабиализации и делабиализации в первом слоге корней. Лабиализация в этой позиции вызвана, как правило, влиянием губных согласных и встречается главным образом в диалектах, например: *mindü*>*mündü* 'сел верхом', *piŋti*>*püŋti* 'сварился', *ċivüq*>*čuvuq* 'прут', *čirik*>*čürük* 'гнилой', *bilmäj*>*bülmäj* 'не зная'³⁰. А. Т. Кайдаров относит это прежде всего к хотанскому и турфанскому диалектам.

Наряду с лабиализацией наблюдаются примеры делабиализации, например: *sundü*>*sindü* 'сломался', *sunuq*>*siniq* 'сломанный', *surnaj*>

²² С. Brockelmann. Указ. раб.

²³ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 21.

²⁴ Л. А. Аганина. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте, стр. 36.

²⁵ Там же; А. Т. Кайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 312.

²⁶ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 213 — 214; Э. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 39; Г. Садвакасов. Уйгур әдәбий тилинин имла кәндилери, стр. 14; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 14.

²⁷ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 14.

²⁸ «2 — Ujgur til-imla kәnpirinsisnini toxtamliri...», стр. 27; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 287.

²⁹ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 36.

³⁰ W. Radloff. Указ. раб., стр. 85; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 539; Т. Талипов. Указ. автореф., стр. 15; А. Т. Кайдаров. Указ. автореф., стр. 81.

signaj 'труба', uššiq > iššiq 'опухоль'³¹. Иногда это явление можно предположительно объяснить влиянием *j*, или частотностью слова, или тем и другим вместе, например: bijärdä 'здесь', bijil 'в этом году', šijärdä 'там', inñän ke:n 'затем'³² (несмотря на наличие губного согласного).

К. Брокельман приводит ряд примеров диссимиляции губных в смежных слогах, например: jipčü, jünči, jipčük, jünčik 'жемчуг', ičün 'для', jilduz 'звезда', išbu 'вот этот', tibučaq 'тяжелая породистая лошадь'³³.

По-видимому, явление делабиализации широко распространено в различных тюркских языках, хотя и не насчитывает в каждом из них большого количества примеров. А. М. Щербак перечисляет примеры из касимовского говора татарского языка: ič 'три', sit 'молоко', tiš 'сон'; гагаузского: bijil 'в этом году'; туркменского: jildä 'звезда', dinja 'мир' и др.³⁴

Изредка (в диалектах) явление делабиализации распространяется на широкие гласные, реже — на полуширокие, например: Inärgžän < Ömäržän, Me:di:n//Mö:rdin — мужские имена, Садвакасов ферганск. biläk 'отделение' < böläk, kähil 'сердце' < köñil, pöškäl//peškäl 'лепешка, приготовленная на масле', Ярринг кашгарск. hä:l//hö:l//hül (jäl//jöl//jül) 'влажный', čänäk//čöñäk//čünäk 'оросительная канавка', kăčä//köčä//küčä 'улица'³⁵. (Ср. татарск. berk 'шапка', el 'умирать' egiz 'бык'³⁶).

³¹ Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии. — «Просвещение национальностей», 1935, № 3, стр. 33; его же. Уйгурский вокализм. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. 1. Фонетика. М., 1955, стр. 118; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 539; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 15; С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 204.

³² В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 9; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 20 — 21, 33.

³³ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 63.

³⁴ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 41 — 42.

³⁵ А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 160, 288; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 17.

³⁶ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Автореф. докт. дисс. Л., 1968, стр. 32.

Э. Н. НАДЖИП

ТЮРКСКИЙ ЯЗЫК ДЕЛИЙСКОГО СУЛТАНАТА XIV ВЕКА

فرهنگ زفان گویا و جهان پویا — «Farhāng-i zāfan gujā vā žāhan pujiā» («Словарь говорящий и мир изучающий») Бадр ад-Дина Ибрахима представляет собой толковый словарь персидского языка XIV века, включающий лексику и ряда других языков, в том числе тюркского. Составители последующих персидских словарей, в частности, авторы словарей начала XV века, либо ссылаются на словарь Бадр-ад-Дина Ибрахима как на один из основных источников, либо обязательно упоминают его.

Старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР С. И. Баевский, работая в фондах персидских рукописей, хранящихся в Фундаментальной библиотеке Ташкентского государственного университета, обратил внимание на один рукописный изборник. В составе изборника оказалась и рукопись словаря Бадр ад-Дина Ибрахима, содержание которого до этого было неизвестно, и он считался утерянным.

С. И. Баевский в 1965 году сообщил о своей находке на первой научной сессии Ленинградского отделения Института народов Азии. Тезисы его сообщения были напечатаны в сборнике «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока» (март 1965 г.). Тогда же была опубликована об этом и статья С. И. Баевского в журнале «Народы Азии и Африки» (1965 г., № 3).

По свидетельству С. И. Баевского, текст словаря занимает 239 страниц сборного рукописного тома. Он пишет, что европейские, русские и индийские ученые, впервые упоминающие об этом словаре, относят его ко второй половине XIV — первой половине XV века. С. И. Баевский считает, что словарь не мог быть создан ранее 1301-го года, поскольку в нем имеются ссылки на персидский словарь, составленный в 1301 году¹.

Ссылаясь на статью профессора Алигархского университета Саид Хасана в журнале «Фикр ва назар», С. И. Баевский пишет, что в Востоковедной библиотеке в Бангипуре хранится, остававшаяся неизвестной, уникальная рукопись этого словаря. С. И. Баевский в 1971 году сумел получить фотокопию этой рукописи, которая оказалась такой же дефектной, как и Ташкентская. С. И. Баевский сопоставил тексты обе-

Статья первая.

¹ См.: «Бадр ад-Дин Ибрахим. Фарханг-и зафан гуя ва джахан пуйа». Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, список толкуемых слов, приложений С. И. Баевского. Москва, 1974.

их рукописей и в 1974 году опубликовал факсимиле Ташкентской рукописи с содержательным введением и приложениями.

С. И. Баевскому по фотокопии индийской рукописи удалось восполнить в ташкентском списке отсутствовавшее в нем предисловие составителя словаря. К сожалению, это предисловие, как указывает С. И. Баевский, читается с большим трудом, так как некоторые его листы разрушены книжным червем.

Почерк ташкентской рукописи, как видно из приложенного к работе С. И. Баевского образца текста, некаллиграфический скорописный *насталик* с элементами *шикасте*, характерного для многих персидских рукописей. Переписчик ташкентской рукописи называет себя арабом Насафи из местности Хитай. Среди географических наименований Северной и Центральной Индии такое название не встречается. С. И. Баевский утверждает, что в Средней Азии можно найти несколько селений с названием Хитай, в частности, в Кашкадарьинской области. «Насафи», безусловно, псевдоним переписчика: Несеф — старое название современного Карши. По-видимому, переписчик происходил из среды среднеазиатских арабов. Допущенные в тюркской части рукописи ошибки свидетельствуют о несовершенном владении им тюркским языком.

С. И. Баевский относит словарь Ибрахима к числу рукописных словарей, составленных в XIV веке в Индии. Следовательно, тюркский материал этого словаря характеризует состояние тюркской лексики, частично и грамматического строя языка, тюркоязычного населения Северной Индии в XIV веке.

С. И. Баевский считает, что тюркский материал этого персидского толкового словаря свидетельствует о контактах с тюркоязычной частью населения соседних с Индией государств, располагавшихся на территории нынешних Афганистана и Ирана². Однако характер лексического материала и состав лексики тюркской части словаря этого не подтверждают. Ведь для того, чтобы общаться с соседними иноязычными народами, нет необходимости в использовании многочисленных названий диких зверей и пернатых, наименований почти всех органов человеческого тела и т. д. Поэтому нам представляется, что тюркская часть словаря Ибрахима наряду с той лексикой, которая в то время употреблялась в персидской, в основном классической литературе, как об этом говорит и сам составитель, отражает также лексику разговорного языка тюркской части населения Индии. Анализ материала словаря показывает, что эта часть населения, по всей видимости, состояла из представителей ряда тюркских, а также монгольских племен и родов.

К сожалению, С. И. Баевский в наборной части своей работы передает слова в точности так, как они написаны в рукописи — со всеми ошибками и описками. Поэтому пользоваться материалами этого раздела, особенно тюркскими, без сопоставления их с оригиналом практически невозможно. Ошибки, допущенные переписчиком, можно установить лишь по персидскому переводу, который в наборной части отсутствует. При чрезвычайно затруднительном чтении оригинала, усугубленном разноязычным текстом и неясным написанием букв, а также отсутствии во многих случаях надстрочных и подстрочных знаков и словосочетаний, помогающих прочтению и пониманию отдельных слов, — подача материалов рукописи в типографском наборе значительно облегчает работу читателя.

Состав толкуемой в словаре лексики следующий: односоставных персидских слов — 1725, персидских многосоставных (сложных) слов —

² Указ. раб., стр. 20, 30, 31—47.

527, персидских глаголов — 247, арабских слов — 415, арабо-персидско-индийских слов — 490, румийских — 55, тюркских — 509. Таким образом, словарь Б. Ибрахима, включающий 3968 слов разных языков, следует считать многоязычным словарем.

Что же все-таки в конечном итоге представляет собой приложенный к фархангу тюркско-персидский словарь? Является ли он специально составленным словарем тюркского языка того периода или же это свод широкоупотребительных тюркских элементов, проникших в персидский литературный язык двора Делийского султаната?

С. И. Баевский, изучивший весь материал словаря Ибрахима, полагает следующее: «Этот словарь включает в свой состав значительное количество иноязычных **заимствований**, которые **употреблялись** в персидском языке» (стр. 58). И далее: «Словарь „Зафаргуйа“ является, по-видимому, первым опытом толкования тюркской лексики в составе персидского фарханга» (стр. 60).

Проникновение в персидский язык значительного количества тюркских слов С. И. Баевский объясняет заметным оживлением контактов с соседствующей тюркоязычной средой, особенно в Северной и Центральной Индии, где и был, по всей вероятности, составлен словарь (стр. 60). Эта часть словаря Ибрахима замечательна тем, что она фактически является первым опытом составления тюркско-персидского словаря.

С. И. Баевский высказывает предположение, что составитель словаря ставил перед собой задачу приспособить свой словарь для нужд непосредственного общения иранцев или части населения, говорящей на персидском языке, с иноязычными соседями (стр. 63). С этим весьма трудно согласиться, ибо словарь с ограниченным количеством тюркских слов, среди которых отсутствуют глаголы, вряд ли мог служить для указанных целей.

С. И. Баевский, исследовавший также персидский словарь И. Фарука, составленный в Индии в 1473—1474 годах и в котором были использованы материалы словаря Ибрахима, указывает, что И. Фарук толкует широкий круг вопросов общей лексики, извлеченной в основном из произведений ранних персидских авторов и поэтов, и что при этом тюркские слова (употребительные в то время в персидском литературном языке. — Э. Н.) выделены им особо и размещены в конце каждого раздела (стр. 54). Следовательно, в данном случае речь идет не об отдельном словаре тюркского языка, а лишь о тюркских лексических элементах, активно функционировавших в персидском литературном языке Индии.

По утверждению С. И. Баевского, в более ранних персидских словарях тюркская и греческая лексика была представлена довольно скупо в составе персидского словника. В словаре же Ибрахима тюркских и других иноязычных слов гораздо больше — свыше пятисот. Это свидетельствует о том, что в начале XIV века в персидский литературный язык Индии под воздействием окружающей тюркоязычной среды проникло значительное количество тюркских элементов, при этом характер тюркской лексики словаря Ибрахима отражает разговорный язык тюркоязычного населения Индии того периода.

Изучение материала словаря Ибрахима убеждает, что основу его тюркско-персидской части составляют тюркские элементы, употреблявшиеся в персидском литературном языке Индии и в классическом персидском, зафиксированные впоследствии в персидских словарях и сохранившиеся в них до нашего времени. В словарь Ибрахима включена и разговорная бытовая лексика тюркоязычной части населения Индии того периода, представленная, по всей вероятности, в основном назва-

ниями диких животных, пернатых, наименованиями родства, органов человеческого тела, словами, связанными с кочевым образом жизни и т. д.

Обратимся к характеристике материалов тюркско-персидской части словаря Ибрахима.

Тюркско-персидский словарь занимает страницы 51-а—53-б изборника. Этот словарь составлен в порядке арабского алфавита (при алифе *а, ä, о, ö, у, ü, ы, и, е*); слова даны сплошным текстом без какого-либо разделения, многие из них не имеют диакритических знаков, а имеющиеся часто проставлены не там где следует. Часто вместо одной буквы пишется другая, например, вместо *ك* (k) — *ج* (l); вм. *з* (z) — *ن* (n) или вм. *ز* (z) — *ی* (i); вм. *ر* (r) — *ن* (n) и т. д., что, естественно, очень затрудняет чтение и транскрипцию. Это еще раз подтверждает плохое знание переписчиком тюркского материала. В данном случае путаница затруднила работу ираниста С. И. Баевского, вынудив его в типографском наборе ограничиться точным воспроизведением рукописного оригинала со всеми недостатками. Здесь уместно привести слова самого Ибрахима из предисловия к словарю:

«Есть много словарей языков пехлеви, дари, парси и прочие и каждый из них изобилует ошибками от того, что в них в большинстве случаев отсутствуют при словах знаки, указывающие произношение».

Как уже отмечалось выше, Ибрахим персидские, арабские, румийские, тюркские слова выделял в отдельные словарики. В связи с этим он замечает, что составленные до него словари хаотичны и беспорядочны именно потому, что слова различных языков в них приводятся подряд, без какого-либо разграничения. Это замечание составителя дает основание полагать, что составленные им арабские, тюркские, румийские краткие словарики включают иноязычные элементы, проникшие в персидский язык Индии. Иначе трудно объяснить их небольшой объем. Видимо, поэтому в более ранних персидских толковых словарях они не выделялись и приводились в общем составе персидской лексики. Следовательно, тюркско-персидский словарь Ибрахима включает лексику литературного и разговорного языка персоязычной части населения Центральной и Северной Индии XIV века. Именно к такому выводу приходит и С. И. Баевский. По его утверждению, данный словарь представляет собой один из первых в истории персидской лексикографии опытов классификации лексики с выделением в отдельные словарики наиболее употребительных персидских, арабских, тюркских и греческих слов, что указывало на смешанный характер языка, функционировавшего на упомянутой территории в XIV веке (стр. 58).

Остаются однако непонятными подбор лексического материала словаря, весьма ограниченный состав охваченной персидской лексики. Возможно, что составитель ограничился минимальным количеством слов, нуждающихся, по его мнению, в толковании. На этот вопрос должны дать ответ иранисты.

Что же представляет собой тюркская часть этого словаря и какую область лексики она охватывает?

Прежде всего следует отметить, что значительная часть тюркских слов отличается архаичностью. Это вполне объяснимо: определенная группа тюркских племен, в языке которой функционировали эти слова, вдали от своей первоначальной родины продолжала употреблять их в исконной форме и в прежнем значении. Эти древние тюркские слова, взятые из ранее появившихся персидских словарей или литературных произведений, естественно, сохранились неизменными.

Семантически это в основном термины родства, названия органов человеческого тела, названия пищи, одежды, вооружения, расти-

тельного и животного мира, явлений природы, единиц измерения, слова, связанные с духовной жизнью человека. В составе этой лексики представлено незначительное количество глаголов и почти полностью отсутствуют термины, означающие абстрактные понятия. Некоторые слова, зафиксированные в тюркской части словаря, не поддаются прочтению и переводу, поэтому мы вынуждены ограничиться простым перечислением их.

К какому же типу тюркских языков принадлежат слова, зафиксированные в словаре Б. Ибрахима? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к историческому прошлому тюрков.

Отдельные группы тюркских племен и многочисленных родов начали проникать в Индию еще в V—VI веках. С усилением же притока в Среднюю Азию со стороны Семиречья и Дашт-и кыпчака все новых тюркских племен, непрекращавшиеся междоусобицы способствовали их продвижению в сторону Индии. В Индию проникали наряду с издавна живущими в Средней Азии местными тюрками, также представители племен и родов, пришедших из Семиречья, Дашт-и кыпчака, Хорезма.

В начале XIII века в результате натиска монголов передвижение тюркских племен в сторону Индии стало еще интенсивнее. К этому же времени относится приход в Индию Джалал ад-Дина Хорезмшаха. Преследуя его, в Индию проникают и первые отряды монголов, в составе которых были и многочисленные тюркские племена Семиречья. Джалал ад-Дина сопровождала, кроме остатков его армии, свита из хорезмских беков с многочисленными отрядами хорезмских узбеков. Вскоре вторглись в Северную Индию и хулагиды со значительным количеством тюркских племен, в основном огузов-сельджукидов, ранее проживавших на территории Ирана. Так огромная территория северной, северо-западной и центральной Индии оказалась наводненной разнородными тюркскими племенами, а власть сосредоточилась в руках тюркских феодалов, носителей различных средневековых тюркских диалектов. В течение XIII—XIV веков из Средней Азии, Ирана, Афганистана в Индию непрерывно прибывали многочисленные феодалы-беки в сопровождении военных отрядов, торговцев и представителей духовенства, многие из которых имели свою свиту и войско. В источниках в числе прибывших в Индию из Средней Азии упоминаются знатные лица из Бухары, Самарканда, Тебриза, Герата и т. д. При именах эмиров, беков, маликов иногда указывается их племенная принадлежность (кыпчак, кара-китай и т. д.).

В самом начале XIII века крупный военный деятель Айбек, в армии которого видное место занимали тюрки, объединил разрозненных тюркских феодалов, возглавлявших различные тюркские роды, и объявил себя султаном, сделав столицей своего государства Дели. Так образовался Делийский султанат, власть которого простиралась вплоть до Бенгалии. Это было могущественное государство, объединившее многочисленные тюркские племена. Однако к концу XIV века в результате бесконечных междоусобных войн границы этого государства значительно сузились, и многие тюркские племена и роды оказались за его пределами. Со временем происходило естественное смешение пришлых тюркских племен и родов с разноязычными местными племенами, что приводило к языковому взаимодействию, особенно заметно отражавшемуся на лексике.

Тюрко-персидский словарь Ибрахима, составленный, как отмечалось выше, в XIV веке именно в Делийском султанате, отражает лексику смешанного языка этого государства.

Ибрахим сообщает, что он при составлении словаря пользовался материалами более ранних персидских толковых словарей, следовательно, в его собственный словарь, не могло не быть включено некоторое количество книжной лексики, употреблявшейся ранее XIV века в персидском литературном языке за пределами Индии. Этот факт, отодвигающий границу проникновения тюркских элементов в персидский литературный язык к еще более отдаленному времени, значительно повышает ценность материалов данного словаря и представляет собой интерес для исторической тюркологии, прежде всего — для исторической лексикологии и лексикографии.

Независимо от того, является ли тюркоязычная часть словаря Ибрахима тюрко-персидским словарем, отражающим лексику местного тюркоязычного населения Индии в XIV веке, или же здесь представлены лишь тюркские элементы, зафиксированные в персидских толковых словарях, — эти лексические материалы представляют большой научный интерес и являются ценным источником для истории тюркских языков.

Остановимся на конкретных материалах, представленных в словаре Ибрахима.

Для удобства рассмотрения материалы словаря нами подразделены на семантические группы. В нужных случаях лексические данные словаря Ибрахима мы сравнивали с данными исторических памятников, в первую очередь с материалами «Дивана» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Атебит аль-Хакаиик» и некоторых чагатайских, золотоордынских, египетских, хорезмских и других памятников и словарей. Таким образом, количество привлекаемых исторических памятников и словарей ограничено, также как и количество сопоставляемых современных тюркских языков³.

ЛЕКСИКА

I. Человек и термины родства

Наиболее устойчивыми в лексическом составе языка являются термины, выражающие родственные отношения человека. Слова, зафиксированные по этому разделу, подтверждают данный тезис: эти архаичные термины, частично огузские, в основном совпадают с современными узбекскими терминами родства. Ниже нами приводятся все слова, связанные с родственными отношениями, зафиксированные в словаре Ибрахима. Там, где это было возможно, мы делали исторические экскурсы и проводили сопоставление с современными тюркскими языками. Весь лексический материал словаря был разбит нами на семантические группы, причем алфавитный порядок не соблюдался. При обращении к примерам из современных тюркских языков незначительные фонетико-орфографические расхождения типа: *ākā—āke, ota—ata* не учитывались.

³ В настоящей статье нами приняты следующие сокращения: *Аб.* — «Абушка», словарь чагатайского языка XV века; *Абу-Х* — словарь Абу Хайяна, XIII—XIV век; *АЗ* — Аттухфат аз-Закийя, XIV век; *Атеб.* — «Атебат аль-Хакаиик», XII—XIII век; *Ибн-М* — Ибн-Мухайна, XIV век; *КБ* — «Кутадгу-Билиг» Юсуфа Баласагуни, XI век; *МК* — «Диван» Махмуда Кашгари, XI век; *МН* — «Мухаббат-наме» Хорезми, XIV век; *Мад.* — «Мукаддимат аль-Адаб», XII—XIII век; *НФ* — Надж аль-Фарадис, XIV век; *Рабг.* — «Кисас аль-Анбия», XIV век; *СС* — «Гулустан» Сейфа Саран, XIV век; *Хаут.* — Тюрко-арабский словарь, XIII век; *ШС* — Словарь чагатайского языка Шейха Сулаймана.

Ata 51 а/6 'отец'. Нет в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках; есть в КБ, у МК. В современном казахском языке оно изменило свое первоначальное значение на «дед»; однако парное *ata-apa* 'родители', а глагол *atala-* означает «звать отца» (а не деда); туркм. *ata* 'отец', 'дед' (по линии отца).

Apa 51 а/6 'мать'. Так в древнеуйгурских памятниках и у МК; в КБ парное *ata-apa* 'родители'.

Ini 51 б/9 'младший брат'. Так в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках, нет у МК и в КБ.

Oğul 51 б/3 'сын'. Так в древнеуйгурских памятниках; у МК «ребенок», «мальчик», в КБ *oğul-qyz* 'дети'. Широко распространенное в средневековых памятниках *oğlan*, потерявшее свое основное значение и означавшее «царевич», «командующий», в словаре Ибрахима не зафиксировано.

Qyz 53 а/1 'девочка', 'девушка'. В енисейско-орхонских памятниках «дочь», в древнеуйгурских памятниках — «девочка», «наложница».

Kelin 53 а/13 'сноха', 'жена младшего брата, сына'. Нет в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках; у МК — «невеста», «невестка», в древнеуйгурских памятниках *kelinlä-* 'женить'.

Jengä 53 б/3 'жена старшего брата'. Нет в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках и в КБ.

Baldyz 52 а/11 'свояченица'. У МК — «младшая сестра жены».

Наличие в исследованном материале таких слов как *jengä*, *baldyz*, *kelin* и ряда других свидетельствует о том, что в словаре Ибрахима зафиксировано наряду с лексикой литературного языка значительное количество слов разговорного языка местного населения. Это обстоятельство является важной особенностью данной рукописи, так как памятники разговорного языка XIV века отсутствуют.

Остановимся на некоторых терминах этого раздела более подробно.

Ağa 52 а/2 'старший брат'. В некоторых из современных тюркских языков первоначальное значение этого слова, в том числе и зафиксированное в данном словаре, заметно изменилось. Например, в татарском и казахском языках *аға* в сочетании с собственным именем означает скорее не старшего брата по крови, а вообще старшего по возрасту мужчину и имеет оттенок почтительности. В казахском языке слово в форме *ағай* может употребляться самостоятельно, однако, уже не как термин родства. В турецком языке *аға* полностью утратило первоначальную семантику и означает «господин», «хозяин», титул именитого гражданина; исторически это слово означало «начальник янычаров». В определительном сочетании со словом *aq-ağa* это слово выражало значение 'евнух'. Свое основное значение в турецком языке оно сохранило лишь в составном *ағабей* 'старший брат'. Его фонетический вариант — *ака* в дореволюционной Хиве в хорезмском диалекте узбекского языка означал первого министра *āl aqasy* 'старшина'. В Восточном Туркестане в уйгурском языке *аға* с уменьшительным аффиксом *-ša* — *ағаша* означало «дама», «госпожа». Имевшее раньше собирательное значение родства *ағайуп* (*аға* — *ini*), в современном казахском языке утратило его и означает теперь «друзья». При обращении обычно употребляется форма *ағайпу*.

В «Ляйля-Маджнуне» Навои термин *аға* также уже не выражает значения родства:

Sahi ki atang ängä ağadur
Ol sängä atadur vä ağadur

'Шах, у которого твой отец ага,
Тебе он отец и старший брат'.

В монгольском языке *ах* старший брат, старший почтенный человек, а *ахај* почтительное обращение к замужней женщине.

Остановимся на словах, значительно изменивших свою форму и семантику. В скобках рядом с тюркским словом приводится персидский эквивалент.

Өрә 51 а/5 (خواهر *xahär*) 'сестра'. Это слово с начальным губным гласным в наши дни представлено лишь в тувинском языке в полной форме *ügбä* 'старшая сестра'. Л. З. Будагов для казахского, татарского и тобольского диалекта последнего зафиксировал форму *äwä*, для чагатайского и казахского — *ара* 'тетка', 'старшая сестра', для турецкого — *äbä* (*äbä qadın* 'повивальная бабка'). Зафиксированное Ибрахимом *өрә*, безусловно, является фонетическим вариантом этого слова.

Ези 51 б/8 (برادر مهتر *buradärü mehtär*) 'старший брат'. В енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках нет; в МК I/86 *äžä* 'старшая сестра'. Махмуд Кашгари считает, что это фонетический вариант слова *äkä*; там же *äži* с пом. *барсагайское* «пожилая женщина», «няня» и *еži* 'старший брат'. Л. З. Будагов считает, что *äži* это *برادر کلان buradäri kälän* 'старший брат'. В ШС *еžä* 'мать', 'няня', 'старшая сестра'. В Абу-Х *еži* 'тетя'. В современном тувинском языке, по-видимому, стяженная форма этого слова *ijä* 'мать'; ср. с хакасским *еžä* 'мать', саг. диалект. хакасского языка *еžä* 'старший брат'.

Äkäci 51 б/10 (خواهر مهتر *xahäri mehtär*) 'старшая сестра'. В монг. *ägč*, бур. *ağaša* 'старшая сестра'. В енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках, МК I/80 *äkä* 'старшая сестра'. МК отмечает, что у огузов употребляется *äzä*; на I/52 он приводит еще *äkäč* 'смышленная девочка', 'любимая всеми'. Л. З. Будагов приводит (как и в современном узбекском языке) *äkä* 'старший брат'; ШС — *äkäčä*, *äkäci* 'старшая сестра' (причем по утверждению автора — *čä* является аффиксом женского рода), что подкрепляется стихотворным примером из Навои, а Аб. — с этим же примером, но со ссылкой на Лутфи. У Навои в словнике Аб. *äkäci* и *äkäčä*, а в приведенном ниже примере *äkäci*:

Ne žan fida ki ata va ana, ağa, äkäci
Äja häbib bu barča muhabbatıngä fida

'И душа, и отец, и мать, и старший брат, и старшая сестра,
О возлюбленная, все это — жертва твоей любви'.

Аб. с ссылкой на Навои зафиксировал *ekäci* 'старшая сестра'. Согласно Навои: *Uluğnu ekäci vä kicikni singil derlärlä* 'Старшую называют *ekäci*, а младшую *singil*'.

Orny kälni 51 б/10 (اورنی کالن *orñi kälñ*) 'няня' (دایه *dajä*) непонятное сочетание. См. *kälin*.

Ögri 51 б/12 (مرد *märd*) 'человек', 'мужчина'. В исторических словарях, памятниках, а также в современных языках не встречается.

Ekäci 51 б/12 (خواهر *xahär*) 'сестра'. См. *Äkäčä*.

Änkä//Änäkä 51 б/15 (خواهر زن *xahäri zän*) 'сестра жены'. В данном случае, по-видимому, имеет место не парное *апа-äkä*, встречающееся в чагатайских памятниках, ибо это противоречит значению данного слова. По всей вероятности здесь *-kä* уменьшительно-ласкательный аффикс. В чагатайских памятниках *änägä//änäkä//änkä* 'мать', 'матушка'. Ср. с татарским ласкательным *änkä//änkäj* 'маменька'. В ШС *änäkä* 'женщина, уважаемая как мать', 'мачеха', 'няня', 'воспитательница', 'молочная мать'. В ШС приводится с примером из Навои: *inäk* и *inäkä* 'младший брат', 'кормилица' 'няня'; В Мад. — *enäkä* 'повивальная бабка', как в современном туркменском языке; в киргизском языке *enep* ласкатель-

ное обращение к матери, а в казахском — к матери мужа — «матушка», «маменька».

Tişi 52 a/13 (ماده *madä*) 'самка'. В енисейско-орхонских памятниках нет; в древнеуйгурских памятниках, у МК, КБ и в последующих памятниках и словарях «женщина», «самка». В древнеуйгурских памятниках встречается еще сочетание *tişi kişi* 'женщина'.

El 51 б/3 (فرزند *färzänd*) 'дитя', 'ребенок', 'потомок'; в Мад. *el* 'люди'; *el kelmädilär* 'люди не пришли'; в монгольском языке *el* 'люди'. У Л. З. Будагова для турецкого *el* 'чужой'. Ср. с казахским *el bolmady* 'не стал он другом'. В исторических памятниках и словарях *el* в значении «дитя» не встречается.

Eg 51 a/10 (مرد *märd*), в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках и в современных тюркских языках «муж», «мужчина», перен. «храбрый».

Ärci (у С. И. Баевского *änži*) 51 б/9 (ذن *zän*) 'жена', 'женщина'. В древнеуйгурских памятниках *ebči//ävči*; КБ *evči* 'жена', 'женщина'; в древнеуйгурских памятниках *eg—ebči bol* 'жениться'. Широко распространено в средневековых памятниках Средней Азии, Золотой Орды, в Мамлюкском Египте. В. В. Радлов приводит для алтайского языка *ärçi* 'левая сторона', 'север', с объяснением «женская сторона», так как налево от кровати находится женская сторона юрты. Из современных языков это слово в значении «жена» сохраняется в тувинском языке и в языке желтых уйгуров и хакасов.

II. Человек и органы человеческого тела.

Эту группу слов составляют 42 названия — достаточно большой процент для маленького словарика в 500 слов. По-видимому, и в этой части переписчиком, очень плохо знавшим тюркский язык, допущено много ошибок. Подтвердим это примерами. Написано: *vm. اوبكا öpkä—* *vm. اوركا orkā—* *vm. انگاک engäk—* *انگال engäl, vm. انگسا engsä—* *الكسا eläksä* и т. д. Как видно из персидской части, некоторые слова, относящиеся к этой группе, совершенно не поддаются прочтению (эти слова приводятся нами в конце раздела).

Большую часть зафиксированных в словаре слов, относящихся к данной тематике, составляют общетюркские слова. Основная их масса относится к среднеазиатскому ареалу и совпадает со словами современного узбекского языка и его диалектов, в частности — хорезмского диалекта. Некоторые слова, естественно, подверглись фонетическим изменениям. Приведем названия, не требующие особых разъяснений:

Eg 51 a/10 (*märd*) 'мужчина';

Opkā 51 a/6 в ориг. *ärdkä* (شش *šuš*) 'легкие';

Aşyq 51 a/1, (*šätäläng*) 'щиколотка'. Так в современном казахском языке; нет в турецком, туркменском и узбекском языках.

Ajaq 51 a/17 (*raj*) 'нога'. Фонетический облик этого слова указывает на то, что язык словарика относится к *j*-группе тюркских языков.

Erin 51 б/5 (*läp*) 'губа'. Так в казахском языке; нет в узбекском, туркменском, турецком языках. У ШС приводится с примером из Навои — «нижняя губа».

But 51 б/13 (*gän*) 'пах', 'бедро'. В татарском, турецком языках «бедро», в киргизском «задняя нога».

Bojyn 51 a/1 (*gärdä*) 'шея'. Так в турецком, туркменском, в казахском — *tojyn*.

Tugnaq 51 a/2 (*пахун*) 'ноготь'. Так в казахском, узбекском, турецком языках.

Tirsäk 52 а/8 (äriñž) 'локоть'. Так в туркменском, узбекском языках, в турецком — *dirsäk*.

Til 52 а/9 (zäban) 'язык'. Почти во всех тюркских языках *til//dil*.

Saç 52 б/3 (moj) 'волосы'. С фонетическими вариантами во всех тюркских языках: *saç//šäš*.

Saqal 52 б/7 (riš sägal) 'борода'. Не совсем понятно, почему рядом поставлено еще слово *sägal*.

Singir 52 б/7 (в ориг. *cingin*), (*päj*) 'жила', 'сухожилие'. Так в казахском, туркменском, узбекском языках; в турецком — *sinir*.

Tamyr 52 б/13 (*räg*) 'кровеносный сосуд'. Так в узбекском и казахском языках.

Qulaš 52 а/2 (*räš*) 'локоть'. В казахском и в ряде других языков мера длины (см. у нас раздел «Мера длины»).

Qulaq 52 а/2 (*göš*) 'ухо', 'уши'. Так в казахском, турецком и узбекском языках.

Qaraq 53 а/2 (*didä*) 'зрачок', 'глаз'. В казахском языке почти потеряно основное значение: *qarağum* 'мой милый', 'зеница моих очей'; узб. *qaraçuy* 'зеница'.

Qujruq 53 а/3 (*dum, dunbä*) 'курдюк', 'зад'. Так в казахском, узбекском и туркменском языках.

Qol 52 а/5 (*bazu*) 'рука от локтя до плеча'. Так в казахском, узбекском, туркменском языках.

Qaryn 52 а/5 (*šäküm*) 'живот'. В казахском, узбекском, турецком языках «желудок», «живот».

Qan 53 а/5 (*xun*) 'кровь'. Так в узбекском и казахском языках.

Kirpik 53 а/11 (*mužä*) 'ресница'. Так в казахском, туркменском языках; в узбекском — *kiprik*.

Kindik 52 а/10 (*nañ*) 'пупок'. Так в казахском языке; в узбекском — *kindäk*.

Talaq 52 б/13 (*tälaq*) 'селезенка'. Так в узбекском и казахском языках; в тур. — *dalaq*.

Buryn 53 а/1 и 53 б/1 (*bini*) 'нос'. Так в узбекском языке; в казахском — *тигун*.

Bagyr 53 а/14 (*žigär*) 'печень'. Так в узбекском языке; в казахском — *bawyr*.

Jüz 53 а/17 (*guj*) 'лицо'. Так в узбекском, туркменском языках; в казахском — *žuz*.

Обратимся к словам, семантика которых либо подверглась переосмыслению (а это вполне объяснимо, если учесть, что в словаре зафиксированы слова, употреблявшиеся шесть веков назад), либо искажена переписчиком.

Ujgur 51 а/11 (*käs*) 'человек', 'субъект'. Видимо, налицо перенос названия племени, народа на единичного его представителя. В исторических источниках подобное значение не зафиксировано. Значение данного слова обычно возводят к глаголу *цју-* 'идти за', 'следовать за'; его возводят еще к монгольскому «лесной человек».

Arqa 52 а/6 (*xižamätgah*) 'спина', переносное значение 'опора'. Основа персидского перевода — *xižamät* означает «кровопускание», «бритье». Перевод непонятен, явная ошибка.

Aja 51 а/6 (*käfi däst*) 'ладонь'. Так в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках, в турецком, туркменском, хакасском языках, у МК I/25; у Л. З. Будагова с пометкой тур., чагат. — 'ладонь', 'рука', а *ajaq ajasy* 'подошва'. В памятниках XIII—XIV веков:

Aja birlä örtülgäjmu här gez
'Разве когда-нибудь ладонью можно прикрыть луну'.

Ala 51 a/7 (tälxä) 'желчь'. В исторических памятниках и в современных языках нет.

Ängäk 51 a/18 (guxsarä) 'щека'. Так в древнеуйгурских памятниках, у МК I/135. Как известно, в чагатайских памятниках ängäk 'подбородок'; в дальнейшем ejäk. У Бабура engäk 'челюсть': engäkidä iki uluğ tişi bar 'в его челюсти имеются два больших зуба'. В ШС engäk также 'подбородок' и 'нижняя челюсть'.

Odalyq 51 a/16 (saq) 'голень', 'часть ноги от колена до щиколотки'. С. Баевский читает: ogulyq. В ркп. اوداق odaq. Л. З. Будагов с пометой: *чагат.* odaq переводит «ствол дерева», но в скобках ссылается на saq с пометой: *араб.* 'нога' (от колена до щиколотки), 'ветвь дерева'. Ни один из предложенных переводов неудовлетворителен.

Bögräk 51 б/17 (gärdä) 'почка'. Так в ШС; у МК I/361 böğür; в чагатайских памятниках зафиксировано производное слово с переосмыслением производящей основы: bögräpçi 'часть войска, нападающая во время сражения с фланга, сбоку'. У Абулгази в том же значении — büräkçi; сюда же относятся турецкое böğür 'бок'; тувинское, казахское büräk, узбекское, татарское büräk 'почка'.

Özäk 51 б/1 (räki žan) 'артерия', 'кровеносный сосуд', 'душа'; у МК I/71 'кровеносный сосуд'; Буд. — 'сердце', 'жила'; ШС — 'нутро'. Характерно употребление данного слова в словарики Ибрахима вм. перс. žan, как и во многих современных тюркских языках.

Älig 51 б/1 (däst), параллельно и äl 51 б/2 (däst) 'пука', еще qol 52 а/5 (bazu) 'пука от локтя до плеча'. Слово äl впервые зафиксировано в КБ, а älig и qol в древнеуйгурских памятниках, у МК I/72, III/131. Ни одно из этих слов не встречается в енисейско-орхонских памятниках. Älig широко распространено в средневековых среднеазиатских и золотоордынских памятниках. В современном узбекском языке — архаизм; в языках огузской группы — äl/el, а кыпчакской группы и восточных туркестанских языках — qol.

Ärklig 51 б/1 (ängüšt) 'палец'. Явная ошибка. Должно быть не ärklig, а ärngäk. У МК I/121 ärngäk, а в I/109 ärnäk. В современном тувинском ärgäk 'палец', а в хакасском ärgек 'большой палец'. После КБ в средневековых памятниках это слово не фиксировалось. В КБ 209/7 üč ärnäk boğuz 'рот шириной в три пальца'. Как видно из материалов словарика Ибрахима, данное слово бытует в языке населения Индии. Интересно, что оно сохранилось также и в далеком от Индии регионе — в языках тюркского населения Западной Сибири.

Engäk (в ркп. engäl) 51 б/3 zäpāxdan 'ямка на щеке'. В древнеуйгурских памятниках, у МК I/135 'щека'; у ШС, Аб., Бад. Л. — 'подбородок'. Аб. с примером из Навои eng 'щека':

Qylup lutf engin gä saldy engin
'Милостиво щекой приложилась к моей щеке'.

Далее следует разъяснение:

Engin dedüki jangaqy demäkdür
'То, что называет engin означает щеку';

У Лутфи:

Ej engäk läring xädiqä-i firdävs läläsi
Gülzar xusn rävnäqy közüng gäzaläsi.
'О та, у которой щеки тюльпан райского сада,
А глаза, подобные глазам молодой газели, великолепие
цветника'.

В Мад. *engäk* в монгольском языке — «щека», «подбородок». В современном турецком *epe* и *epek* 'подбородок'; в узбекском *engäk*; в дальнейшем в кыпчакских *ijäk* 'подбородок'.

Alyp 51 6/5 (*pišanä*) 'лоб'. Так в древнеуйгурских памятниках, у МК I/78 и в ряде средневековых памятников, в современном турецком, туркменском языках.

Egin 51 6/6 (*kätf*) 'плечо'. Так в древнеуйгурских памятниках, в КБ, у МК I/110. Л. З. Будагов отмечает наличие этого слова в чагатайских памятниках. Примечательно употребление этого слова в тувинском языке. У ШС приводится это слово с примером из дивана Хорезмского поэта Муниса — *egni*. Так в современном турецком, туркменском, узбекском языках.

Ejägü 51 6/7 'бок'. Так в древнеуйгурских памятниках, у МК III/435; у ШС 'ребро'; Л. З. Будагов указывает это слово для турецкого, чагатайского — *ejägü* 'ребро', 'бок'. В современном тувинском — *äägi*, турецком — *ege*.

Tiś 52 a/5 'зуб', в ркп. приводится без перевода.

İcägü 51 6/7 (*şikānbä*) 'кишки', 'внутренности'. В древнеуйгурских памятниках *icägü* 'внутренности', а в современном уйгурском языке *ičäj* 'кишки' Л. З. Будагов приводит с пометой: *чагат.* *icägü* 'кишки', 'чрево'; у ШС — *icäk*, как и в современных языках — «кишки».

Uča 51 6/8 (*pušt*) 'спина'. Л. З. Будагов указывает для азербайджанского языка *uça* 'высокий', 'великий'. В хорезмском диалекте узбекского языка — *uča* 'плечо', 'крыша'; Мад. на 106 стр. — «крестец», на 371 стр. — «спина», и в монгольском языке — «спина».

Engsä (в ркп. *الكسا eläksä*) 51 6/8 (*پس قفا päs qäfa*) 'затылок'. В более ранних памятниках и в исторических словарях нет. Л. З. Будагов приводит: *engsäsi aq at* 'лошадь с белым загривком'. В современном узбекском, турецком — *ensä//engsä*.

Urğyl 51 6/2 совершенно непонятно переведено как *lär gärdan*.

III. Человек и термины, связанные с его жизнью и деятельностью

К этому разделу относятся 114 слов-терминов, многие из них с некоторыми фонетическими изменениями и расхождениями (*diś, tiś, fis*) употребляются в ряде современных тюркских языков. К этой группе в словаре Ибрахима относятся нижеследующие слова (как и в других разделах мы даем ссылки лишь на несколько языков: огуз., кыпч., вост.-туркестан. группы и языки Зап. Сибири, а также на ограниченное количество исторических памятников).

Eg 51 a/0 'мужчина'. Так в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках, у МК I/325; в КБ множественное число *egat*. Так⁴ в современном турецком, казахском и узбекском языках.

Uruś 51 a/14 'сражение'. Так в енисейско-орхонских памятниках, у МК II/83, в узбекском, казахском языках; нет в турецком языке.

Üp 51 6/6 'звук'. В древнеуйгурских памятниках, у МК II/294 'голос'; в КБ глаг. *ün tart-* 'петь'; от этой основы у МК I/273, в КБ глаг. *upda-* 'звать'. Так в узбекском, казахском языках; тур. 'слава'.

Oğry 51 6/11 'вор'. Так в древнеуйгурских памятниках, у МК III/429; в турецком языке *uğrı*, узбекском — *oğru*, казахском — *ıgu*.

Bäg 51 6/17 'бек'. Так в турецком, узбекском, казахском языках с фонетическими и орфографическими вариантами.

Söz 52 6/4 'слово'. Так в исторических памятниках и в современных языках.

⁴ То есть, как в рукописи.

Kişi 53 a/12 'человек'. Так в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках, в КБ, у МК I/376; в древнеуйгурских памятниках, у МК III/224 еще 'жена'. Так в турецком, узбекском, казахском языках с фонетическими вариантами.

Ijer 51 a/11 'седло'. Нет в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках, в КБ, у МК. Так в турецком, казахском языках; в узбекском — *egär*.

Batman 52 a/2 — название неустойчивой меры веса, широко распространенной в средневековой Средней Азии, которая колебалась от двух до одиннадцати пудов, а в Турции от двух с половиной до десяти килограмм. Термин относился и к земельной площади, на которую посевали батман зерна. Зафиксировано в древнеуйгурских памятниках, у МК I/144 без указания на вес.

Balta 52 a/2 'топор'. В древнеуйгурских памятниках 'baltu', в КБ *baldu* 'секира'; МК II/15 *baldu* 'топор'. Так в узбекском, казахском, турецком языках.

Töşäk 52 a/8 'постель'. Так в КБ, у МК III/49, в современных узбекском и казахском языках с фонетическими вариантами; нет в турецком языке.

Tizgin 52 a/11 'поводья'. У МК I/339 *tintizgin* 'узда'. Так в казахском и узбекском языках; в турецком — *dizgin* 'узда'.

Čadyr 52 a/14 'зонт', 'палатка'. МК I/406 *čatyr*, *čašyr*, *čašyr*. В узбекском и турецком языках — *čadyr*, казахском — *šatyr*.

Čanaq 52 a/14 'чаша'. Так у МК I/84 — явно огузское. Так в турецком; в узбекском — *čanaq*, в сочетании *köz čanağy* 'глазная орбита' восходит к данной основе.

Qašyq 52 a/4 'ложка'. В древнеуйгурских памятниках, у МК I/383 *qašyq*, а III/338 гл. *qašyqla-* и *qašyqla-*. Так в узбекском, турецком, казахском языках.

Kebit 53 a/9 (*dukan*) 'лавка'. Так в КБ, у МК I/357 'винная лавка'. Так в татарском языке; нет в турецком, узбекском, казахском языках.

Kirpič 53 a/9 'кирпич'. Так у МК I/445. Нет в турецком, узбекском языках. Так в казахском и татарском языках.

Jügän 53 б/2 'узда'. У МК III/144 *jügün*. Так в узбекском, казахском языках с фонетическими вариантами; нет в турецком языке.

Vužgu 53 б/3 'пила'. Так у МК II/64, в современных турецком и туркменском языках.

Представляют интерес некоторые слова из производственной сферы, образованные из общетюркских основ при помощи аффикса *-či*. К этой группе относятся следующие слова: *ašcy* 51 б/12, по-видимому, 'кулинар', 'повар'. В переводе отсутствующее в персидском языке *ruaš*; *ätči* 51 б/12 'мясник', *altuncy* 51 б/12 'золотых дел мастер', *atmacy* 51 б/13 'маклер', 'посредник', *tağyčy* 52 a/13 'землепашец', *syğyčy* 52 б/10 (*pasban*) 'караульный'. Безусловно, в данном случае речь идет о пастухе крупного рогатого скота, *sağyčy* 52 б/11 'торговец', *kälärči* 53 a/13 (*negahban*) 'сторож', *kebitči* 53 a/13 'лавочник', *emakči* 51 б/12 (*tabbağ*) 'повар'.

Остановимся на некоторых из этих слов более подробно.

Atmacy (*dällal*) 51 б/13 'посредник', 'маклер'. Образование слова не поддается объяснению. *Atum* в КБ, а у МК III/59 *atma* 'выстрел'. В Мад. *atumcy* 'стрелок', у ШС — *atmača* 'название охотничьей птицы'. У Л. З. Будагова *atmača kušy* 'ястреб', 'кобчик'. Возможно здесь описка или дается переносное значение. Ср. с современным азербайджанским языком: *atmača* 'реплика'.

Taryǵcy 52 а/13 'земледелец'. Так в древнеуйгурских памятниках, в КБ; у ШС только корень *tary-* 'пахать'; Л. З. Будагов приводит для уйгурского *taryǵ*, *taryq* 'пашня', а название действующего лица *taryquǵy* 'крестьянин'; в Аб. *taryq* 'нива', *tarydy* 'посеял он', с примерами из Мир-Хайдара:

Agra taruyp buǵdaj oraq tu ekin
'Разве можно, посеяв ячмень, убрать пшеницу'.

Далее приводятся примеры из Навои Лутфи.

В современном уйгурском языке *tarylǵu* 'посев', *tag-* 'сеять'; кирг. *tarylǵa* 'пахота'; хак. *tary-* 'сеять', *taryǵ* 'посев'; тув. *taraǵy* 'хлебороб'; *taraaǵyn* 'земледелец'; алт. *tary-* 'сеять'.

Syǵyrcy 52 б/10 'пастух крупного рогатого скота'. Это образование тем интересно, что оно впервые встречается в историческом словаре. У ШС *syǵyrtmaǵ* — в том же значении. У Л. З. Будагова это слово приводится с пометой тур. В современном турецком языке *syǵyrtmaǵ* 'пастух', 'пастух, пасущий коров'. Ср. с современным киргизским языком — *uǵy* 'пастух крупного рогатого скота'.

Satyǵ 52 б/5 'торговля'. См *satyǵcy*.

Satyǵcy 52 б/11 'торговец'. В древнеуйгурских памятниках, в КБ, у МК I/374 — *satyǵ* 'торговля', *satyǵcy* 'торговец'. ШС — *satyǵ* 'торговля', 'купля-продажа'; *satyǵcy* 'посредник', 'маклер', 'торговец'; у поэта Суфи Аллаяра парное *savda-satyǵ* 'торговля'; у ШС еще *satǵyn* с примечанием из Рабгузи:

Ummät ücün jalbaryp, ǵaqdyn šäfa'ät satǵyn alǵan Mustafa
'Избранник, который, заступаясь за своих последователей,
мольбой у бога, выторговал милость'.

Мад. *satyq* 'торговля', а имя действующего лица — *satǵuǵy*, *satquǵy*;

Аб. *saqyn alyp* 'купив'. В современном тувинском, хакасском языках *sadyǵcy* 'торговец', *sadyǵ* 'торговля', а в алтайском соответственно *satu* и *saduǵy*.

Kälärçi 53 а/3 (*negahban*) 'сторож', 'караульщик'. В ркп. ясно كالمارجي *kälärçi*, по-видимому, это слово имеет общий корень с хакасским *ħadarǵy*, *ħadaǵcy*, тувинским *kadaǵcy* 'пастух'. Возможно, в ркп. описка: написано كالمارجي *kälärçi* вместо كادارجي *kaǵarǵy*. Ср. с тувинским *ħadaǵcy*.

Kebitçi 53 а/13 'лавочник'. В КБ *kebit* 'лавка', как в современном татарском языке, у МК I/357 'лавка', 'питейный дом', у Л. З. Будагова дано с пометой *tat.*, *уѣг.*, а *käbütçi* 'лавочник'.

Emäkçi 51 б/13 (*tabbaǵ*) 'повар' (?); *emäk* 'труд', следовательно, должно быть 'трудящийся'. Очевидно, это описка.

В историческом плане представляют интерес следующие слова, характерные для языка средневековых среднеазиатских и золотоордынских памятников.

El 51 б/3 (*vilajät*) 'страна', 'провинция'. В енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках *el* 'племенной союз', 'народ'; в Атеб. — «народ»; у МК I/48 — «государство». Это слово широко представлено в различных сочетаниях и в составе парных слов в КБ. Многозначно оно и у ШС: «народ», «группа», «общество», «племя», «человек», «подданный». Множественное число — *elat* 'племена', 'территория, где живут разные племена'. В Аб. с примечанием из Навои *el* 'народ': *musulman el* 'мусульманский народ'. Мад. *el kelmadilär* 'люди не пришли'. У Л. З. Будагова приводится для азербайджанского *äjl* 'народ', 'племя'. Во всех современных тюркских языках *el* 'страна', 'народ'. Казахское —

sen taġan el bolmadyng 'ты не стал мне другом'. Такое значение этого слова часто встречается в исторических памятниках: el boldy 'стал мирным'. От этой основы в монгольском языке образовалось elcin 'посланник'.

Uluš 51 a/14 (gusta) 'село'. Там же явно ошибочно написано еще اوکوش öküš с тем же значением. В енисейско-орхонских памятниках, у МК I/62, Атеб, ШС и т. д. — öküš 'много'. Непонятно, почему uluš и öküš переводятся одним словом — 'село'. Что касается uluš, то в древнеуйгурских памятниках оно означает «селение», парные uluš-balyq — «селения», «города», uluš-bodun 'население'. В КБ uluš-känd 'селения и города'; в древнеуйгурских памятниках el-uluš 'страна', 'государство'; в КБ känd uluš 'города и селения'. У МК I/62 Quz-uluš одно из названий столицы караханидского государства Баласагуна.

Taruğ 52 a/5 'служба'. В енисейско-орхонских памятниках, МК II/3 — основа tar- 'служить'; в древнеуйгурских памятниках tarağ 'служение', tarağsū 'слуга'. У ШС тари 'поклонение', 'подчинение', taruğ 'моление', 'поклонение'. В Аб. таруцсу 'слуга'. Как основа, так и производные от этой основы слова широко распространены в среднеазиатских, золотоордынских и египетских памятниках и словарях. В современном турецком языке tarçak 'кумир', 'идол', тарузу, тарупзу 'поклоняющийся'.

Törigän 52 a/10 'тварь', 'создание'. В КБ töri 'создавать', 'творить'; параллельно в КБ и в древнеуйгурских памятниках törü- 'возникать', понудительное — törüt- в КБ; у МК II/303 в тех же значениях. В КБ еще törät-; Л. З. Будагов для турецкого приводит tögä- 'умножаться' и с ссылкой на Вамбери — 'создавать'; Аб. с примером из «Гул-у-Навруз» Лутфи — tögä 'расти':

Anyng tuğqan, törägän jeri Kāšmir

'Место, где он родился и вырос, Кашмир'.

Так и у Навои, Бабур, Ибн-М — törätgän 'творец, бог'. В современном тувинском — tögä- 'рожать'.

Čerik 52 a/15 'воин'. В древнеуйгурских памятниках, в КБ, у МК I/123 čerig 'воин', 'войско'; ШС čeri, глагол čeriklä- 'двинуть войско в сражение'; Абу-Х и ШС, СС čerik и čeri. В современном киргизском, казахском, узбекском языках čerik — архаизм; турецкое историческое в составе слова «янычары».

Xatun (ārus-i хор vā pazūk) 52 a/18 'хорошая, изящная женщина', 'невеста'. В енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках qatun 'госпожа', 'жена знатного человека'; в древнеуйгурских памятниках qatun kiši 'женщина'. В монгольском языке qatun 'барыня'. В ряде исторических памятников «госпожа», «дама». В современном турецком языке — «госпожа», «женщина». В узбекском, казахском языке — «жена», «женщина».

Sybyzğu 52 б/8 'най' — название музыкального инструмента типа свирели, в основном изготовляемого из камыша. У МК I/489 sybyzğu, Абу-Х subyzğu, Хаут, sybyrğu, у В. В. Радлова syruzğa 'свирель'. В современном татарском sybyzğu 'дудка'.

Tamğa 52 б/13 (mäžlis hanā) 'зал заседаний'. Представляет интерес расширение значения этого слова: tamğa 'тавро'. В древнеуйгурском, КБ 'печать'; ШС 'знак', 'печать'; Мад. 'тавро', в монгольском и тюркских языках еще 'печать': tamğalağan atlar 'заклейменные лошади'; Ибн-М 'знак', 'метка', tamğala- 'приложить печать', 'метить'. В современном турецком damğa, диал. tamğa, алт., тув., хак. tangma, каз. tangba 'клеймо', 'тавро'. По-видимому, в нашем словаре речь идет о доме, где ставят печать, то есть о канцелярии.

Sančyş 52 б/5 (*muqabil šudāni lāškār*) 'противостояние войск', 'сражение'; у МК III/420 глагол 'колоть', 'поражать'; в древнеуйгурских памятниках 'побеждать', 'разгромить'; у МК II/228 *sančyq-* 'быть побежденным'. В современных языках — «колоть».

Qylavuz 53 а/1 'путеводитель', 'проводник'. Слово составное: *qulaq* 'уши' и *avuz* 'вог'; в КБ, у МК I/487 *qulavuz* 'проводник'. В старотурецком *qulağuz savuşı* 'привратник дивана, идущий впереди шествия'. В современном казахском *qulağavuz söz* 'сплетня', 'слухи'; в старотурецком *qara qulağ* 'верный слуга султана, приставленный к первому министру для наблюдения за его деятельностью': 'слушай и передавай мне'. Абу-Х *qulbu'lamaq* 'показывать дорогу', 'проводить'.

Qaаn (خان) 52 а/5 'хан'. В енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках *qağan* 'верховный правитель', 'старший хан'; в древнеуйгурских памятниках еще *qağan қап* 'верховный правитель', а *qağanluq* 'каганат'; глагол в енисейско-орхонских памятниках *qağanla-* 'быть правителем', 'править'; в КБ, у МК, III/157 *хақап* 'каган', ШС *хап* и *хақап*. Автор это слово возводит к китайскому *хихаи* и считает, что это титул и в основном относится к китайским императорам. Глагол у ШС *хапla-*, а *Ханбалық* старое название Пекина. В современных языках *хақап* — архаизм.

Qary 52 а/3 'старец'. Так в КБ, МК III/42 и в ряде современных тюркских языков.

Jaş 53 а/18 'свежая рана'. В древнеуйгурских памятниках, у МК III/159 — «молодой», «зеленый», «свежий». У МК II/109 еще «зелень»; у ШС *jaş* «свежий», *jaşlyğ* «влага»; у Л. З. Будагова — «влажный», «сырой», «свежий», «зеленый», «недозревший». В современном алтайском языке *Jaş Туга* название города Бийска; в турецком языке *jaş* 'влажный', 'свежий', 'сырость', 'влага'.

Ujğur 51 а/11 (*käs*) 'человек', 'личность', 'друг', 'благородный человек'. Название народа впервые встречается в значении субъекта, качества субъекта. Абул-Гази Бахадур-хан возводит это слово к глаголу *uj-*, *uj-* 'следовать за'. Дж. Банзаров считает, что это слово восходит к монгольскому корню *oj* 'лес' и *ğor* 'народ'. Следовательно, *ujğur*, по его словам, первоначально означало «лесной человек».

Ağryğ 51 а/16 'болезнь'. В древнеуйгурских памятниках, МК I/98 'боль', 'болезнь'; ШС *ağryğly* 'болезненный', 'больной'. В современном турецком языке усеченная форма *ağru*; узб. *ağruq* 'боль'; уйг. *ağruq* 'болезнь', 'заболевание'; тув. *ağryğ* 'болезнь', 'больной', *ağryğlyğ* 'больной'. В кыпчакских языках *ğ ~ w*.

Axsaq 51 а/17 (*känd*) 1) 'колодка', 'окова для ног'; 2) 'медлительный'; 3) 'отважный'. Со времен МК I/276 *axsa-* 'хромать'; в КБ, у МК I/465 *axsaq* 'хромой'. Так с фонетическими вариантами и в современных языках. В данном случае, если это не описка, по-видимому, мы имеем дело с переносным значением.

Sävinč 52 б/3 'радость'. Так в КБ, у МК III/373; в древнеуйгурских памятниках *sävinč at-* и *sävinč tap-* 'радоваться'; так в последующих словарях и памятниках и в современных узбекском, турецком языках, а в казахском — *süjiniš*.

Saqynč 52 б/3 'думы'. В древнеуйгурских памятниках, в КБ, у МК III/374 'дума', 'размышление', 'забота'; в енисейско-орхонских, древнеуйгурских памятниках — *saqyn-* и *sağyn-*, у МК II/153 *sağyn-*, I/242 — *saqyn-* 'вспоминать', 'думать'. В современных узбекском, уйгурском, татарском, казахском *sağyn-* 'тосковать'; в языках огузской группы нет.

Qullyq 53 а/3 'рабство'. Так и в современных языках.

Otağ 51 а/16 (xärgah) 'палатка'. В КБ, у МК III/208 'шатер', 'жилище'; у ШС otağ и otaw, а в примере из Муниса otaw:

Bäzm-i māj tutsaq ikawlan, quruban bir aq otaw
'Нам бы двоим пировать, разбив белую юрту'.

Мад. приводит для тюркских и монгольского языков otaq 'шалаш'; у Л. З. Будагова с пометой *чагат.* и *аз.* otağ и otaq, для тур. oda, каз. otaw. В современном узбекском, казахском otaw, уйгурском otaq 'юрта'.

Tolum 52 а/9 'оружие'. В КБ, у МК II/266 глагол tolumlan- 'вооружаться'; в КБ top-tolum 'снаряжение', 'доспехи', ШС 'оружие'.

Uçar 51 а/11 'базар', 'рынок'. У Л. З. Будагова с пометой *чагат.* uçar 'рынок'. Так у Абу-Х, ШС. Безусловно, к этому корню восходит современное турецкое ucağı 'бездельник', 'повеса'.

Arquş 51 а/14 'караван'. В древнеуйгурских памятниках arquş 'вестник', 'говец'; в КБ 'караван'; у МК I/97 'вестник', 'весть', в енисейско-орхонских памятниках arquş-terkiş 'караван'; у ШС ağuş 'торговля зерном', arquş 'караван'.

Tolaq 52 а/5 (patara) 'ручка сковороды'. Так у ШС; у Л. З. Будагова tolaq, а с пометой *чагат.* tolağ 'онучи'.

Toqa 52 а/12 'черный пояс'. У ШС — «крепкий пояс»; у Л. З. Будагова: «в Туркестане название большого куска материи». В узбекском kamar toqasy 'пряжка на поясе'.

Syğ 52 б/5 'циновка'. Это фонетический вариант зафиксированного у МК III/128 названия прикрытия юрты, сделанного кочевниками из čij (песчаный тростник тоньше и мягче камыша). У Л. З. Будагова šij 'род камыша', 'тростник', 'циновка, сделанная из тростника'. На чагатайском языке čyğ. В современном киргизском čij, каз. šij.

Syğraq (kasā) 52 б/6 'чаша', МК I/100 — «кубок». Восходит к персидскому sağur 'чаша', 'стакан'; у Л. З. Будагова с пометой *чагат.* sağraq; у Рабгузи ičti Kāvsār sağraqyndun 'он выпил из райского источника Кавсар', где sağraq 'источник'.

Sağru 52 б/10 'шагрень'. У МК III/350 'кожа', 'кожа из спины животного'; в Мад. монг. sary, sağru 'спина', 'юфть'; у Л. З. Будагова sağru для тат. sawru 'круп лошади', 'крестец у лошади и у других животных', 'кожа овечья или ослиная'. В современном турецком sağru «круп», «зад», «крестец лошади», «выделанная кожа»; каз. saur 'круп'.

Sarča 52 б/9 'стекло', 'зеркало'; у Л. З. Будагова с пометой *чагат.* и для тур. sarča 'стекло' (в современном турецком нет); так у Ибн-М.

Šatu 52 б/11 'лестница'. ШС šatur и satu 'лестница', в Мад. šatu, у Л. З. Будагова с пометой *тур.* šatu 'плоская крыша', 'терраса'; у Бабура šatu qoj- 'ставить лестницу для приступа крепости'. В современном уйгурском šoto 'лестница', в тув. čada.

Qujysqan в рукописи (qulysqan) 53 а/7 'подпруга'. Явно кыпч. слово, у ШС qujuşqan, в Мад. qujuşqan 'подхвостник у седла'. С фонетическими вариантами в казахском, узбекском, киргизском языках. В рукописи часто подстрочные и надстрочные точки не поставлены. Учитывая это, мы дали указанную транскрипцию данного слова.

Qowğa jip 52 б/16 (dälw vä gäsän) 'ведро' (чаще кожаное, для вычерпывания воды из колодца) и 'веревка', 'трос'. Так в древнеуйгурских памятниках и в современном крымско-татарском языке; тур. kova.

Ülgü 51 б/7 'весы' (tarazu). В КБ Ülgü созвездие Весов. Безусловно, в КБ могло означать и просто весы. Ср. с глаголом, зафиксированным в КБ ülgülä- 'измерять', 'взвешивать', а в древнеуйгурском парное ülgülä-tenglä-; в КБ еще ülgülüg 'взвешенный'; у ШС ülgü 'весы', 'размер', а Ülgü-Čajan 'созвездие Весов'. Такой перевод ШС вызывает сом-

нение. Ибо Čajan//Čadan отдельно взятое означает «созвездие». Так и в КБ; у Л. З. Будагова с пометой *Рабг.* — название созвездия.

Kärki 53 a/13 'тесак'. У ШС «большой топор», «колон»; у МК I/430, наоборот, «топорик», в Мад. *kerkin* 'мотыга'. У Навои *kerki* 'заостренный с одного или двух концов металлический стержень с рукояткой'.

Jorqan 53 б/2 'ватное одеяло'. У Л. З. Будагова приводится для турецкого и татарского *jorğan*; в современном тувинском *šoogğan*; хак. *juuqan*, алт. *šoğan*, тат. *jurğan*.

Значительное количество слов, связанных с оросительной системой, с домашним хозяйством, по-видимому, вошли в словарь из языка местного нетюркского населения. Эти слова не поддаются объяснению, они не встречаются ни в исторических памятниках, ни в словарях, ни в современных тюркских языках и требуют дальнейших кропотливых исследований. К ним относятся следующие слова:

Esi 51 б/13 'врач', б. м. *emči*; **xavangär** 52 a/4 'разрушитель'; б. м. *tavangär* 'могущественный', однако это персидское слово; **är sözi** 'речь'; **ökäs xalq//xylq** 'народ', 'характер'; **sülgincä** 52 б/9 — перевод без диакритических знаков; **qonur** 53 a/1 'бдительность'; **aşux** 51 a/9 'горшок для роз'; **bilbän** 52 a/1 'колесо'; **bökirdän** 52 a/2 'седло'; **čänkä** 52 a/16 'аркан'; **tağanžik** 52 a/8 'шатер'; **tüznä** 52 a/12 'кирка'; **čäğra** 52 a/16 — название музыкального инструмента; **xälq** 52 a/17 'узда'; **sağšaq** 52 б/3 'гончарное изделие'; **suğu** 52 б/12 и **sanbij** 52 б/12 'вода', 'река'; **qonč** 52 б/17 'шумовка' (ср. у ШС **qončaq** 'чаша'); **qulq** 53 a/x 'кремень'; **qulqaq** 52 a/5 'мех', 'бурдюк'; **tağryn** 53 a/1 'гребенка'; **alt** 51 a/8 (astr.) 'улица', **ang**. 51 б/1 — явная описка.

РЕЦЕНЗИИ

ТҮРКАН ЭФЭНДИЈЕВА. АЗЭРБАЈҶАН ДИЛИНИН ЛЕКСИК УСЛУБИЈЛАТЫ.

«ЕЛМ» НЭШРИЈЛАТЫ, БАКЫ, 1980, 253 стр.

За последние годы азербайджанское языкознание обогатилось рядом интересных исследований, к которым следует отнести и рецензируемую монографию Т. Эфендиевой «Лексическая стилистика азербайджанского языка».

Стилистика вообще, лексическая стилистика, в частности, является одной из малоизученных областей лингвистики. В азербайджанском языкознании, правда, имеются монографические работы, кандидатские и докторские диссертации, посвященные стилю отдельных мастеров художественного слова. Однако монография Т. Эфендиевой содержит глубокий анализ важнейшего раздела стилистики азербайджанского языка — лексической стилистики во всех ее аспектах и в этом ее основное отличие от предшествующих исследований.

Автор книги творчески подходит к общим вопросам — предмету и задачам стилистики, природе художественного стиля (стр. 4—31).

Рассматривая в первой главе категории лексической стилистики — синонимы, омонимы, антонимы (стр. 31 — 74), Т. Эфендиева использует богатый фактический материал, привлеченный из азербайджанской художественной литературы, и глубоко анализирует его. Так, рассматривая синонимы, автор постулирует наличие общеупотребительных и стилистико-художественных синонимов, противопоставляя их общехудожественным и особенно индивидуально-авторским синонимам, используемым писателем для полноценного воплощения своего творческого замысла языковыми средствами.

В следующей главе исследуются возможности метафорического использования лексики в азербайджанской художественной литературе (стр. 75—126).

Автор монографии не отступает от правильно избранного ею принципа выявления общего и частного в диалектической системе метафоризации. Безошибочное выделение общего и частного в сложных взаимоотношениях метафорического словополь-

зования в азербайджанском языке, как, впрочем, и в других языках, представляется гораздо более трудным, нежели в системе синонимов, омонимов и антонимов. Обнаружение, описание и классификация функционирующих глубинных взаимоотношений в системе метафоризации осложняется использованием слов и словосочетаний в их переносном, часто глубоко скрытом значении.

Следуя строгой логике многослойной структуры лексической стилистики языка, после исследования природы и взаимоотношений синонимов, омонимов, антонимов, с одной стороны, и системы метафоризации — с другой, Т. Эфендиева переходит, с учетом преемственности внутри системы лексической стилистики, к изложению и функциональной характеристике лексико-стилистических пластов словарного состава азербайджанского языка.

Автор рецензируемой книги методологически строго последовательно выделяет оппозицию общеупотребительной и функционально-стилистической лексики с последующим ее делением на подгруппы.

Лексическая стилистика, в отличие от грамматики, относится к той отрасли лингвистики, которая по характеру своего материала представляет наибольший интерес для широкого круга читателей. Поэтому, на наш взгляд, книга Т. Эфендиевой может оказать существенную помощь не только специалистам-лингвистам, но и всем, кто так или иначе интересуется вопросами культуры речи.

Знакомство с интересной работой Т. Эфендиевой лишний раз убеждает нас в том, что при исследовании стилистики языка от ученого требуются не только хорошая языковедческая подготовка, но и тонкий литературный вкус, художественное чутье.

Книга Т. Эфендиевой по затронутой в ней проблематике и методике исследования может послужить образцом при изучении вопросов стилистики и в других языках.

Н. Н. Джанашиа

Л. В. ДМИТРИЕВА. ЯЗЫК БАРАБИНСКИХ ТАТАР.

ИЗД-ВО «НАУКА», Л., 1981, 225 стр.

Изучение языка барабинских татар было начато Л. В. Дмитриевой еще в 50-х годах. В 1958 и 1966 годах ею были опубликованы две лингвистические работы¹, а в 1967 году — фольклорные тексты, записанные у барабинцев².

Этой теме Л. В. Дмитриева остается верной по настоящее время, о чем свидетельствует недавно изданная ею рецензируемая книга, о которой автор в предисловии пишет, что она представляет собой «завершающий этап работы по собиранию и изучению языковых и фольклорных материалов барабинских татар».

Последняя работа основана на полевых записях самой Л. В. Дмитриевой, сделанных ею в 1950-м и 1967 — 1968-м годах в районах Новосибирской области, где проживают барабинские татары.

В предисловии автор останавливается на истории создания книги, сообщает о других публикациях по данной теме, появившихся в последние годы, кратко характеризует терминологические расхождения в вопросе отнесения изучаемого объекта к рангу языка или диалекта, а также поясняет задачи и принципы построения своей работы.

Во введении автором приводятся имеющиеся в литературе сведения о численности, этническом составе, истории расселения барабинских татар; данные по их этнографии, фольклору, религии, экономике; предания и легенды о происхождении барабинских татар и их этнонима «бараба», об их отношениях с соседними племенами и истории вхождения в состав русского государства. Дается также критический обзор источников, содержащих сведения о языке барабинских татар.

Основную часть книги составляют тексты, записанные в транскрипции, с переводами (стр. 27 — 121), словарь (стр. 122 — 190) и краткий грамматический очерк (стр. 200 — 223). К работе приложен список информаторов.

Тексты в соответствии с хронологией записей условно разделены на две части: 14 текстов, записанных в 1950 году в четырех аулах Барабинского района (стр. 27 — 72) и 18 текстов записанных в 1967 и 1968 годах в трех аулах Куйбышевского и Чановского районов (стр. 73 — 121).

¹ Л. В. Дмитриева. Заметки по языку барабинцев. — В кн.: «Вопросы грамматики и истории восточных языков». М.-Л., 1958, стр. 143 — 168; Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар. — В кн.: «Языки народов СССР», т. 2 «Тюркские языки», М., 1966, стр. 155 — 172.

² L. V. Dmitrijeva. Textes du folklore des Tatars de Barabinsk. — «Studia et Acta orientalia», V — VI, Bucarest, 1967, стр. 205 — 220.

Работа представляет научный интерес как для лингвистов-тюркологов, занимающихся изучением истории тюркских языков и диалектов, исторической лексикологией, так и для фольклористов, в связи с содержащимися в ней разнообразными образцами фольклорных произведений барабинских татар. Представленные в рецензируемой книге 32 текста включают около 40 фольклорных единиц: 11 сказок, 7 преданий, 8 песен, 3 банта, 9 пословиц и 3 загадки.

Осуществление этих записей через сто лет после В. В. Радлова имеет особую ценность для сопоставительного исследования закономерностей и эволюции фольклора — одной из актуальных задач современной фольклористики. В этой связи хотелось бы высказать пожелание о целесообразности включения материалов по фольклору сибирских татар, собранных в среде различных этнотерриториальных групп, в предпринимаемое Сибирским отделением Академии наук СССР многотомное издание фольклора народов Сибири, как это уже делается по лингвистической (диалектологической) тематике.

Большие исторические преобразования экономики Сибири в одиннадцатой пятилетке, естественно, будут сопровождаться изменениями в функциональном и структурном развитии языков и диалектов, утратой местных языковых черт и т. п. Поэтому очень своевременно опубликование рецензируемой книги.

К достоинствам работы Л. В. Дмитриевой относятся хорошая в целом транскрипция текстов, качественные переводы, обширный словарь, добротный грамматический очерк, отражающий основные черты фонетики, морфологии и некоторые особенности синтаксиса языка.

Предварительный анализ текстов фольклорных произведений и их сопоставление с «Образцами» В. В. Радлова позволяют говорить о сохранении и совпадении одиннадцати сюжетов сказок в этих двух изданиях. Сопоставление свидетельствует также о сложнейших контаминациях в современном фольклоре, что расценивается некоторыми исследователями как признак деформации (В. Я. Пропп). Деформированность сказок в какой-то мере может быть объяснена разговорным характером текстов. Тем не менее в книге представлен очень ценный фактический материал. Интересно отметить, что записанное В. В. Радловым у барабинцев предание на сюжет «Хитрость Дидоны»³ спустя сто лет вновь было записано Л. В. Дмитриевой (стр. 29) в тех же местах.

³ Об этой записи специальную статью опубликовал В. В. Бартольд, см.: В. В. Бартольд. Сочинения. Т. IV, М., 1966, стр. 374 — 376.

Наиболее деформированы тексты трех баитов (эпических песен казанских татар и башкир) о японской и германской войнах.

В записях Л. В. Дмитриевой больше представлены сказочные формы эпоса, но есть сюжеты, представляющие собой реминисценции книжного эпоса («Кыссаи Йусуф», стр. 49, «Сейфульмулюк», стр. 53 и др.).

Исключительно ценна для эпосоведов публикация трех вариантов эпоса «Козы-Корпеч и Баян-Сылу», о котором В. Г. Белинский писал: «поэма рисует идеальную действительность и схватывает жизнь в ее высших моментах»⁴. Они обогащают татарскую версию этого эпоса, имеющую теперь двадцать вариантов, а также проливают свет на некоторые аспекты его бытования у казахов и алтайцев⁵.

В книге Л. В. Дмитриевой опубликовано три песни: «Айтуке» (с вариантами, стр. 73, 76, 105 и др.), «Тептилеу» (стр. 106 — 107) и «Ак куяннар» (стр. 59). Значение этих публикаций невозможно раскрыть в рамках рецензии. Дело в том, что популярная и любимая песня казанских татар «Тәфтиләу» поется на слова Г. Тукая. В ней ничего не говорится о Тевкелеве, крещеном мурзе, помощнике Оренбургского губернатора в XVIII веке, жестоко подавлявшем башкирские восстания. В свое время об этом подлинном историческом факте в Башкирии был сочинен баит⁶. Впоследствии слова этой песни забылись, и татары на ту же мелодию стали петь слова Г. Тукая «Очты деня читлегеннән тарсынып күнлем кошы». И вот теперь у барабинских татар удалось обнаружить и записать подлинные слова этой забытой песни (стр. 107), правда, тоже в определенной контаминации с другим текстом. Возможно, эту песню завезли в Сибирь татары-переселенцы с Поволжья и Урала⁷.

Песня «Ак куяннар» (стр. 59) является вариацией любимой у татар и башкир песни «Уел». Историческая песня «Айтуке» публиковалась в татарской печати и издается в многотомном своде татарского фольклора. Таким образом, даже в немногих опубликованных песнях барабинских татар сходство с фольклором поволжских татар нашло большее выражение, нежели в других жанрах фольклора, представленных в данной книге.

Публикация Л. В. Дмитриевой содержит богатый материал и для типологиче-

ских выводов в области татарского эпоса. Так, например, описание погребального обряда (стр. 30) с последующим ежегодным насыпанием курганов (оба) позволяет понять, почему герои баитов постоянно обращаются с мольбой, чтобы могилы их делали высокими. В эпосе западносибирских татар сохранилось много названий берестяной посуды, назначение которой не объясняется в тексте. В словаре Л. В. Дмитриевой можно получить точное объяснение многих архаичных слов.

Признавая большие достоинства рецензируемой работы, укажем некоторые неточности, обнаруженные нами в переводах, словаре, а также в разделах фонетики и транскрипции.

Хотелось бы прежде всего отметить неудовлетворительность транскрипционного знака ё. Звук, который он обозначает, охарактеризован следующим образом: « ö , ö ё более узкие (чем в большинстве тюркских языков. — Ф. А., Д. Т.), из них ö , ö подобны соответствующим гласным татарского, башкирского, ногайского языков, ё близок к такому же гласному как в указанных выше трех языках, так в хакасском и чувашском». Если говорить о сходстве данного звука с татарским редуцированным ё (орфографически е, э), то последний восходит к этимологическому и: тат. бёз < биз 'мы', тат. бёл- < бил- 'знать' и др.

У барабинских татар, как отмечает Л. В. Дмитриева, гласный ё соответствует (за несколькими исключениями, о которых см. ниже) первичному ä и фактически, наряду с гласным, обозначенным знаком э (также не очень удачно), является аллофоном фонемы ä; äät- (стр. 144) ~ äэт- (стр. 148) ~ äёт- (стр. 145 ~ тат. жит- 'достигать'; äл 'страна' (стр. 131) ~ эл 'племя, народ' (стр. 199) ~ ёл 'родина, край, страна, народ' (стр. 137) ~ тат. ил.

Этот ряд соответствий исключает возможность редуцированности данного звука.

Функциональное соответствие гласных ä ~ э ~ ё признает и сам автор: «Гласный э иногда встречается лишь в первом слуге наряду с более частым в этом случае ä ~ ё (äки ~ эки ~ ёки 'два')» (стр. 200). Но в таком случае нуждается в корректировке количественная характеристика фонемного состава гласных, данная в работе (стр. 200). Таким образом, гласный ё ни этимологически, ни функционально, ни, вероятно, акустически не соответствует редуцированному ё татарского (и башкирского) языка, хотя единичные совпадения встречаются: ёи 'нутро' ~ тат. ёи (орф. эи), ёш 'дело' ~ тат. ёш (орф. эш). В большинстве же случаев ё в текстах соответствует татарскому и первого слога (примеры см. выше). Вероятнее всего, у барабинских татар это промежуточный звук, отражающий определенную ступень передвижения гласных ä > е

⁴ В. Г. Белинский. Собрание сочинений. Т. III, М., 1948, стр. 465.

⁵ См. об этом: «Народный эпос Кузы Корпес и Маян-Хылу», Уфа, 1964, стр. 96.

⁶ Башкорт халык ижады Бәйеттәр. Өфө, 1978, стр. 48 — 50.

⁷ Отметим, что диалектологической 1960 и фольклористической 1967 года экспедициями эта песня была записана в тех же районах, но еще не опубликована.

>и, возможно, расположенный между е и и, но ни в коем случае не редуцированный.

Колебания в употреблении у/о, ѱ/ѳ отражают живой и незавершенный характер передвижения губных гласных, но их также, вероятно, не следовало квалифицировать как четыре самостоятельных фонемы. Частотность употребления первичных у,

ѱ и вторичных о, ѳ в первом слоге по словарю, в котором отражены все произносительные варианты, почти одинакова. Мы не останавливаемся на различиях нашей трактовки состава гласных и той, которая дается в книге Л. В. Дмитриевой, ибо они основаны на разных (разновременных, разнохарактерных и т. д.) записях. Уточнения, предложенные выше, вытекают из фонетического анализа текстов данной работы.

Переводы текстов в целом точно и даже поэтично передают содержание фольклорных произведений. Однако некоторые неточности все же имеются. Они относятся к переводу значений отдельных грамматических форм, слов, фразеологизмов. Например, форма на -галты, совершенно точно квалифицированная автором как форма намерения, переводится как будущее индикатива

или форма желания. Олу қонақ чағырғалтым 'Большого гостя позову' (стр. 84) вместо 'я собираюсь позвать...'. Предложение Қара қанның сәксән киісін Қозыкөрпәңни Өйтіргәли әткәннәр, Өйтірәлмиң қыйнап пүтүргәннәр (стр. 39, абзац 71) переведено так: «Восемьдесят человек Кара-хана (делали все), чтобы убить Козыкөрпәча, (но) не могли (его) убить, (хотя и) били до смерти». Однако в соответствии со значением аналитической формы -галы әт- более верным был бы, по нашему мнению, следующий перевод: «Восемьдесят человек Кара-хана пытались убить Козыкөрпәча, но, будучи не в состоянии сделать это, сильно измучили его».

Словосочетание йаурын қалақ 'плечева-кость, лопатка' переведено как 'передние копыта'. Обычно барабинский предводитель Якау предугадывал приближение или удаление погони по лопаткам коней. Зная это, казахи, чтоб обмануть его, перевернули седла задом наперед (общефольклорный мотив). И вот, когда Якау «посмотрел на передние копыта (вместо: ло-

патки!) коней (то понял, что) погони нет» (стр. 89, абзацы 44 — 45). Фразеологизм аның ес кетмәги тә йоқ 'это и неудивительно' или 'не надо удивляться этому' переведен: «это и понятно» (букв. «сознательного ухода этого нет») (стр. 89), причем особое возражение вызывает указание на «буквальный» перевод.

О переводах отдельных слов: Өгисләрни йығып переведено «запрягши (букв. свалив) быков» (стр. 79, абзац 20), тогда как йык ~ йек — имеет значение «запрягать» (см. словарь, стр. 148) и не нуждается в сближении с глаголом йық- 'свалить'.

Слово пала имеет значение не только «младенец, ребенок, дитя», но и «мальчик, парень», поэтому Қысымны пу палаға пәрмән! следует переводить: «Не отдам свою дочь за этого парня!» (а не «за младенца») (стр. 41).

Ечиргә қорып, аламыш соғып переведено как «собрав чаепитие, соткав коврики» (стр. 82, абзац 32). Слово ечиргә в словаре В. В. Радлова переведено как «чепрак», в данной работе вариант эчәрги зарегистрирован в значении «циновка» (стр. 199). Это более соответствует и смыслу текста. Отсутствие в словаре отсылок к вариантам привело автора к подобной ошибке.

Выражение пидә әт- следовало бы, по нашему мнению, перевести не как «приносить пользу» (<файда), а «приносить в жертву» (<фидә) (стр. 51); отырав — как «место остановки», «остров», но не «отрава» (стр. 85, 170), йавықла- означает «приближаться», а не «осмеливаться» (стр. 83) и т. д.

Встречаются также отдельные технические погрешности: из оригинального текста выпали некоторые словосочетания и предложения, содержащиеся в переводах (стр. 54, абзац 8; стр. 84, абзац 40) и т. п.

Приведенные нами неточности и технические погрешности не умаляют общего значения работы Л. В. Дмитриевой. Выполненная на высоком научном уровне, содержащая ценный материал по языку и фольклору барабинских татар, рецензируемая книга является, безусловно, серьезным вкладом в тюркскую филологию.

Ф. В. Ахметова, Д. Г. Тумашева

«РУССКО-КАРАЧАЕВСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ»

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА, ЧЕРКЕССК, 1980, 172 стр.

Еще в 1959 году на Всесоюзном терминологическом совещании отмечалось, что для таких младописьменных языков, как карачаево-балкарский, необходима детальная разработка общественно-политической терминологии¹, так как в условиях все возрастающей политической активности масс, широкого вовлечения трудящихся в обсуждение и решение государственных задач терминологическая лексика органически входит в повседневную жизнь². Рецензируемый словарь, составленный под редакцией М. А. Хабичева, С. А. Гочияевой и Х. И. Суюнчева, по нашему мнению, вполне удовлетворяет этому требованию.

Словарь является переводным и нормативным справочником, который «ставит перед собой задачу научного отбора наиболее употребительной общественно-политической и социально-экономической лексики русского языка, ее перевода на карачаевский язык, фиксации, систематизации, нормализации и унификации общественно-политической лексики карачаевского языка» (стр. 5). Кроме терминов, в словарь вошел целый ряд общеупотребительных слов, образующих вместе с другими словами словосочетания терминологического характера.

Достоинством словаря, содержащего около десяти тысяч слов и словосочетаний, является то, что наряду с нарицательными именами из наиболее употребительной общественно-политической, юридической, дипломатической, военной лексики в него в виде приложений вошли термины, отражающие государственное устройство СССР и РСФСР, административно-территориальное деление СССР, РСФСР и Ставропольского края, названия руководящих партийных и советских органов, КПСС, профсоюзов, комсомола, пионерии, названия министерств и государственных комитетов и ведомств СССР и РСФСР, наименования хозяйств Карачаево-Черкесской автономной области, названия зарубежных государств и их столиц, телеграфных и информационных агентств мира.

Как известно, в общественно-политической терминологии языков народов СССР

наиболее отчетливо прослеживается прогрессивная тенденция к интернационализации словарного состава. Поэтому составители словаря при переводе терминов придерживались принципа минимальных расхождений, который является наилучшим с точки зрения реализации задачи дальнейшего сближения народов СССР и их культур. Правомерно поэтому, что в словаре оставлены без перевода такие ранее трудно переводимые термины, как *арена, виза, визит, вклад, единоличник, заговор, заложник, переворот, прием и др.*

В словарь вошли термины в форме разных типов имен существительных (простых и сложных) и прилагательных. Положительным следует считать и то, что составители ограничились переводом глаголов лишь в форме имен действия.

При создании словаря в первую очередь были использованы лексико-грамматические средства карачаевского языка и общие для народов Советского Союза термины, воспринимаемые через русский язык. При этом из общеупотребительных карачаевских слов термины образованы путем терминологизации бытовых слов: *к'возгъгалыу* 'движение', *ёмюр* 'столетие'; путем прямого перевода: *джамагъат иш* 'общественная работа'. Большое место в словаре занимают заимствования, многие из которых приспособляются к карачаевскому языку различными способами: прилагательные принимают карачаевскую форму (*коммунист партия* 'коммунистическая партия'); префиксы заимствуемых терминов в необходимых случаях заменяются аффиксами родного языка (*контрольсузлыкъ* 'бесконтрольность'); существительные на *-ность, -ство, -щик* и другие в ряде случаев меняют свои суффиксы на карачаевский аффикс (*активлик* 'активность', *гражданлыкъ* 'гражданство, прогулку' 'прогулыщик').

Во избежание ошибок и неточностей составители словаря при некоторых заимствованных терминах дают краткие толкования: *вандализм* — *вандализм (культура бла искусствону эсгертмелерин аямай къурутуу)*, *конвергенция* — *конвергенция (къралла арасы келишиу)*.

Следует отметить, что рецензируемый словарь составлен для носителей карачаевского варианта карачаево-балкарского литературного языка. Это обусловлено тем, что в связи с территориальной и административной разобщенностью карачаевцев и балкарцев в их языке появляется много лексических различий, особенно в таком

¹ Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. — В кн.: «Вопросы терминологии». М., 1961, стр. 57.

² И. Ф. Протченко. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1965, стр. 103.

быстро развивающемся разделе словарного состава, как общественно-политическая терминология. Таковы, например, карач. *тёбенги Советле*, балк. *жер-жерли Советле* 'местные Советы'; карач. *сайлаула*, балк. *ай-ырыула* 'выборы'; карач. *кючлеу*, балк. *ууучлау* 'оккупация' и т. д. Различия наблюдаются и в грамматическом освоении заимствованных терминов (карач. *информацион билдириу*, балк. *информация билдириу* 'информационное сообщение'; карач. *электрлендириу*, балк. *электрификациялау* 'электрификация'), а также в правописании (карач. *джашау*, балк. *жашау* 'жизнь'; карач. *кърал*, балк. *къырал* 'страна'; карач. *китаб*, балк. *китап* 'книга'). Однако с учетом этих различий данным словарем могут пользоваться и балкарцы, так как «Русско-балкарский политико-терминологический словарь», изданный в 1961 году, содержит вдвое меньше терминов, чем рецензируемое издание.

В словаре имеются и некоторые недостатки. Различные карачаевские эквиваленты, соответствующие русскому многозначному термину, даны через точку с запятой, например, *правление* — *правление; оноу этцу*. Однако для ясности лучше было бы их помещать под порядковыми номерами и сопровождать краткими объяснениями, толкующими значение слова: *правление* — 1) (выборный орган) *правление*; 2) (действие) *оноу этцу*.

В словаре нередко нарушается принцип однозначности терминов. Например, *авангард* передается синонимами-дублетами *авангард* и *алчы*; *мизантропия* — *мизантро-*

пия и *адамны эриш кёрюу*; *наставник* — *наставник* и *юйретиучю*; *аргумент* — *аргумент*, *фатауа* и *сылтау*. Вместе с тем наблюдается полисемия ряда принятых терминов. Например, термином *болум* переданы слова: *положение, обстановка, условие*; термином *кърал* — *государство, страна, держава* (ср. соответственно кирг. *мамлекет, өлкө, держава*).

В словаре нет единого принципа в передаче этнонимов: *татарлыла* 'татары', *оруслула* 'русские', *малкъарлыла* 'балкарцы' оформляются с аффиксом *-лы*, тогда как *румынла* 'румыны', *башкирле* 'башкиры', *ингилизле* 'англичане' и другие названия наций и народностей переведены без такого аффикса. Официальные названия государств переданы в словаре с нарушением общетюркского порядка слов: *Халкъ Республика Ангола* 'Народная Республика Ангола' вм. *Ангола Халкъ Республика*, *Социалист Республика Румыния* 'Социалистическая Республика Румыния' вм. *Румыния Социалист Республика*, *Падчахлыкъ Таиланд* 'Королство Таиланд' вм. *Таиланд Падчахлыкъ* и т. д.

В словаре, к сожалению, имеются также полиграфические упущения: не выделены толкования слов, встречаются и опечатки.

Однако вышеуказанные недочеты не умаляют общей ценности рецензируемого словаря, который окажет большую помощь переводчикам и всем работникам печати, а также читателям, изучающим общественно-политическую литературу.

И. М. Отаров

PERSONALIA

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ИВАНОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет видному советскому тюркологу, поэту-переводчику, педагогу Сергею Николаевичу Иванову. Заслуженный деятель науки Узбекской ССР, доктор филологических наук, профессор С. Н. Иванов широко известен в научных кругах в нашей стране и за рубежом как автор более 150 работ в области тюркского языкознания, литературоведения, истории отечественного востоковедения, как одаренный поэт-переводчик произведений узбекской, азербайджанской, туркменской, турецкой, татарской, персидской, таджикской поэзии.

С. Н. Иванов родился 11 апреля 1922 года в Петрограде в семье военнослужащего. После окончания в 1940 году средней школы он был призван в ряды Советской Армии, а в 1941 году, досрочно окончив Ленинградское артиллерийское техническое училище, встал в ряды защитников Родины.

В качестве офицера-артиллериста он сражался на фронтах Великой Отечественной войны, имеет боевые награды.

В 1946 году С. Н. Иванов поступил на восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова и в 1951 году окончил его с отличием. Учителями С. Н. Иванова были профессора университета И. И. Мешанинов, В. М. Жирмунский, Н. К. Дмитриев, С. Е. Малов, А. Н. Кононов.

Преподавательскую и научную деятельность С. Н. Иванов начал в 1951 году в Бухарском государственном педагогическом институте. Уже тогда определилось направление его научных интересов в тюркском языкознании: изучение синтаксиса и морфологии узбекского и староузбекского языков.

В 1953 году С. Н. Иванов был принят в аспирантуру при кафедре тюркской филологии восточного факультета Ленинградского университета. Под руководством А. Н. Кононова он занимается изучением формы на *-gan* — одного из наиболее своеобразных и сложных явлений грамматического строя узбекского и других тюркских языков. В 1958 году С. Н. Иванов успешно защитил диссертацию на тему «Синтаксические функции формы на *-gan* в современном узбекском литературном языке», за которую ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. Уже в этой работе, изданной в 1959 году отдельной книгой под названием «Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-gan* и ее производные)», наглядно проявилась способность ученого глубоко осмысливать исследуемый материал, вскрывать взаимосвязь и взаимообусловленность казалось бы не связанных между собою фактов, видеть системный характер языкового строя. Автор книги продемонстрировал также верность лучшим традициям русского и советского языкознания, творчески использо-

вав идеи А. А. Потемби, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и др.

С 1954 года С. Н. Иванов ведет большую педагогическую и научную работу на кафедре тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета (с 1960 г. — доцент, с 1970 г. — профессор, с 1972 г. — заведующий кафедрой). Им прочитан ряд оригинальных курсов по различным отраслям тюркологии. Лекционные курсы С. Н. Иванова «Грамматика турецкого языка» (для I и II курсов), «Научная грамматика турецкого языка» (для III курса), «Староузбекский язык», «Современный узбекский язык», «Введение в тюркскую филологию», «Арабо-персидские элементы в турецком языке» (опубликован в виде монографии «Арабизмы в турецком языке». Л., 1973) насыщены большим фактическим материалом, глубоко продуманы с точки зрения методики преподавания. В этих лекциях сложные явления морфологии и синтаксиса отдельных тюркских языков получили научное освещение на широком тюркологическом и общелингвистическом фоне.

Крупным вкладом в развитие тюркского языкознания является труд ученого «Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк» (Ташкент, 1969), удостоенный второй премии Ленинградского университета за 1971 год. Это исследование, защищенное его автором в 1969 году в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, получило высокую оценку в научной печати. В этой монографии, как и в учебном пособии «Курс турецкой грамматики» (Часть 1. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975; Часть 2. Грамматические категории глагола. Л., 1977), также удостоенном второй премии Ленинградского университета (1979 г.), С. Н. Иванов разрабатывает проблемы, связанные с применением марксистско-ленинской теории научного понятия к конкретным грамматическим исследованиям и сущностным (субстанциональным) определениям грамматических явлений. В связи с этим он изучает вопросы обоснования методологии грамматического исследования с позиций диалектической логики. Им трактуются такие важные вопросы, как понятие и принципы субстанциональной морфологии, принципы истолкования многозначности грамматических форм, предлагается глубоко аргументированный анализ важнейших категорий грамматического строя тюркских языков.

Среди работ С. Н. Иванова по истории тюркологии особо следует выделить выдержавшую два издания (1962, 1973) монографию о Н. Ф. Катанове, первом хакасском ученом, этнографе и языковеде, а также статьи по истории востоковедения в Ленинградском университете.

В процессе своей исследовательской деятельности С. Н. Иванов поддерживает тес-

ные связи с научными коллективами Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Азербайджана, Татарии. Он оказывает большую помощь в тюркологических изысканиях своим ученикам и молодым ученым в национальных республиках, редактирует их книги, читает курсы лекций по различным проблемам грамматики тюркских языков в вузах Бухары и Ташкента.

Изучение языка, истории культуры узбекского народа привели С. Н. Иванова к занятиям литературным наследием классиков поэзии. Ряд исследований С. Н. Иванова посвящен творчеству основоположника узбекского литературного языка Алишера Навои, его предшественников и современников — поэтов XV века — Амира, Атги, Лютфи, Хусейни, а также выдающихся поэтов последующих эпох — Бабура, Машраба, замечательной узбекской поэтессы Надир и др. Книги С. Н. Иванова «Навои. Стихотворения и поэмы» (Л., 1965), «Алишер Навои. Избранное» (Ташкент, 1978), «В красе нетленной предстает» (сборник узбекской классической лирики XV — XX вв. М., 1977), снабженные его вступительными статьями и историко-филологическими примечаниями, внесли много нового в исследование узбекской литературы, в разработку проблемы художественного перевода произведений узбекских поэтов на русский язык и сопоставительной поэтики. С. Н. Иванов не ограничивается изучением только средневековой поэзии Узбекистана, ему принадлежат также работы, посвященные творчеству поэтов XIX — XX веков, в том числе основоположника узбекской советской литературы Хамзы. Наиболее полное собрание стихотворений Хамзы в русских переводах представлено в книге С. Н. Иванова «Хамза Хаким-заде Ниязи. Избранные произведения» (Л., 1970); в изданной в 1981 году в Ташкенте книге «Кровное слово» собраны переводы С. Н. Иванова из узбекской поэзии. В перечисленных книгах и в других сборниках произведений узбекских, азербайджанских, туркменских поэтов С. Н. Иванов выступает не только как исследователь, литературовед, но и как талантливый поэт-переводчик (он — член Союза писателей СССР с 1972 г.). Прекрасное знание языка, глубокое проникновение в литературный процесс, замечательное поэтическое дарование позволили С. Н. Иванову подарить русскому читателю радость приобщения к произведениям восточных поэтов различных эпох в их неуязвимой красоте.

В печати находится впервые переведенная на русский язык этико-дидактическая поэма автора XI века Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») — результат длительного и кропотливого труда С. Н. Иванова.

Говоря о С. Н. Иванове, нельзя не подчеркнуть его прекрасные человеческие качества — чуткость во взаимоотношениях с товарищами, доброжелательность к моло-

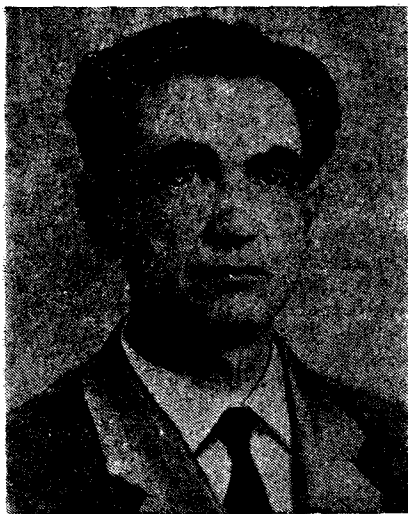
дежи, принципиальность и глубокую претельности на благо советской науки, осуществление всех его творческих замыслов.

Друзья и коллеги от всего сердца желают юбиляру доброго здоровья, долгих лет плодотворной научной и общественной дея-

А. Н. Кононов, А. П. Векилов,
В. Г. Гүзев.

САИД УСМАНОВИЧ УСМАНОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения доктора филологических наук, талантливое педагога Саида Усмановича Усманова, посвятившего свою жизнь развитию узбекского языкознания, обучению и воспитанию молодого поколения.

С. У. Усманов родился 22 апреля 1922 года в селе Новомусино Кюргазинского района Башкирской АССР. После окончания средней школы в Орджоникидзевском районе Ташкентской области (куда в 1925 году переехала семья Усмановых) будущий ученый продолжил образование в Ташкентском педагогическом техникуме им. В. И. Ленина, а затем в Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами (ТГПИ) на факультете узбекского языка и литературы, который и закончил с отличием в 1944 году.

Еще будучи студентом С. У. Усманов начал преподавать в средней школе узбекский язык и литературу, а по окончании института был оставлен в аспирантуре при кафедре узбекской филологии.

В 1953 году С. У. Усманов успешно защитил кандидатскую, а в 1965 году — 7 «Советская тюркология», № 2

докторскую диссертации; последнюю на тему: «Морфологические особенности слова в современном узбекском языке».

С 1955 года С. У. Усманов — доцент кафедры узбекского языкознания ТГПИ им. Низами, а с 1957 года — заведующий этой же кафедрой. В 1964 году усилиями С. У. Усманова была создана кафедра общего языкознания, которую ученый возглавлял до конца жизни (умер он в 1972 году).

Особое место в научно-педагогической деятельности С. У. Усманова занимали составление контрольных работ, программ и разработка тематики курсовых работ для студентов филологических факультетов педагогических институтов по курсам «Современный узбекский язык» и «Введение в языкознание». С. У. Усманов — автор учебника «Общее языкознание» для студентов педвузов, соавтор двух учебников узбекского языка, им написаны учебные пособия и статьи исследовательского и методического характера.

За свою многолетнюю педагогическую деятельность С. У. Усманов подготовил немало специалистов по узбекскому языку — преподавателей, исследователей.

Научная деятельность С. У. Усманова многогранна. Им было создано более пятидесяти научных работ, посвященных самым различным областям узбекского языкознания (орфографии, терминологии, лексикологии, морфологии). Среди них: «Антонимы» (1958), «Омонимы и синонимы в современном узбекском языке» (1959), «О функциональных формах глагола» (1963), «Морфологический состав слова в современном узбекском языке» (1963), «Морфологическая классификация языков и агглютинация в тюркских языках» (1963), «Словообразующие аффиксоиды» (1963), «Грамматические формы слова в узбекском языке» (1964), «Особенности употребления форм слова в современном узбекском языке и проблема типологии языков» (1964), «О морфологическом и функциональном анализе слова» (1965), «Арабские и таджикско-персидские слова в словарном составе узбекского языка» (1968), «О новом проекте орфографических правил узбекского языка» (1968), «Не-

которые проблемы узбекской терминологии» (1968), «К морфологическому анализу слова и его грамматической формы в современном узбекском языке» (1971) и другие.

С. У. Усманов, как истинный ученый, умел зорко подмечать характерные явления языка и анализировать их в рамках общего языкового развития. Он являл собой пример человека исключительной скромности и огромного трудолюбия.

За боевые заслуги и участие на фронтах Великой Отечественной войны, плодотвор-

ную научную и педагогическую деятельность С. У. Усманов был награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени и медалями.

Память о замечательном ученом, талантливом педагоге, коммунисте, кристально честном человеке — С. У. Усманове навсегда останется в сердцах его благодарных учеников и многочисленных коллег.

А. Меметов, С. Аширбаев

ХРОНИКА

ВОСЬМОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ, ПОСВЯЩЕННОЕ 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

9 — 10 марта 1982 года в Москве состоялось восьмое пленарное заседание Советского комитета тюркологов, посвященное 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

Председатель Комитета А. Н. Кононов (Ленинград) во вступительном слове сказал о значении образования СССР для судеб народов нашей страны и развития культуры и науки, в том числе языкознания.

А. Н. Кононов подчеркнул, что отечественная тюркология всегда была наукой интернациональной: она создавалась и развивалась усилиями представителей как русского, так и тюркоязычных народов. Он кратко охарактеризовал вклад в отечественную тюркологию представителей тюркоязычных народов: хальфинской династии преподавателей татарского языка и члена-корреспондента Императорской академии наук в Санкт-Петербурге азербайджанца А. К. Казем-Бека, казахского просветителя, педагога, писателя И. Алтынсарина и первого ученого из хакасов Н. Ф. Катанова, а также татарского исследователя тюркской эпиграфики Х. Фейзханова, татарского ученого-энциклопедиста, просветителя, писателя К. Насыри, азербайджанского просветителя, писателя М. Ф. Ахундова.

Проект нового, латинизированного алфавита для азербайджанского языка, выдвинутый М. Ф. Ахундовым, послужил отправной точкой для А. Н. Самойловича при обосновании и осуществлении замены для тюркских языков арабского алфавита сначала латинизированным, а затем кириллическим алфавитом. Такая смена алфавитов сыграла огромную роль в развитии национальных литературных языков, в овладении их носителями русским языком и через него — в приобщении к сокровищам мировой культуры и науки. Смена алфавитов в конечном итоге способствовала развитию интернациональной культуры народов СССР.

В дореволюционной России было всего три центра тюркологических исследований — Казань, Санкт-Петербург, Москва. В настоящее время такие центры имеются в каждой тюркоязычной республике, союзной и автономной, во многих краях и областях страны. А. Н. Кононов подчеркнул важную роль, которую сыграли в развитии тюркологии университеты в национальных республиках, созданные после победы Великого Октября, а также различные краеведческие общества и научные кружки, возникавшие в 20-е годы (Баку, Казань, Ташкент, Уфа). Изучение деятельности этих обществ и кружков представляет большой интерес для истории тюркологии.

В настоящее время описаны все тюркские языки Советского Союза: имеются их научные грамматики, словари, диалектологические описания, а для некоторых языков — и диалектологические атласы.

Однако, несмотря на то, что тюркологов в настоящее время в стране насчитываются многие сотни, некоторым особо важным областям этой науки, сказал А. Н. Кононов, уделяется пока недостаточно внимания, в том числе, прежде всего, лингвистическому источниковедению, необходимому не только для языковедов, но и для литературоведов, историков, этнографов. Только осуществив критические издания важнейших памятников, написанных на тюркских языках, можно будет создать сквозную историю литературных тюркских языков и историю их строя.

Отмечая успехи советской тюркской лексикографии, А. Н. Кононов особо выделил «Древнетюркский словарь» (Л., 1969) и «Этимологический словарь тюркских языков» (М., I — 1974, II — 1978, III — 1980), начатый Э. В. Севортяном и продолженный Л. С. Левитской и ее коллегами.

Важной задачей советской тюркологии, отметил А. Н. Кононов, является своевременное издание «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (далее —

ДАТЯ СССР), составление которого близится к завершению.

О значительных достижениях тюркологов говорилось в докладах директора Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР *М. Ш. Ширалиева* (Баку) «Азербайджанское языкознание на современном этапе», директора Института языкознания Академии наук Казахской ССР *А. Т. Кайдарова* (Алма-Ата) «Итоги и задачи дальнейшего развития казахского языкознания», *И. Х. Ахматова* и *З. Х. Толгурова* (Нальчик) «Итоги и перспективы развития карачаево-балкарской филологии», *С. М. Мусаева* (Фрунзе) «Проблемы изучения эпоса "Манас"».

Вопросам двуязычия, взаимодействия и взаимообогащения русского и тюркских языков был посвящен доклад *М. З. Закиева* (Казань) «Тюркские языки в семье единой языков народов СССР»¹.

О ходе работы над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР» информировал коллективный доклад *Е. И. Убратовой*, *Н. Н. Широковой* (Новосибирск) и научного консультанта по лингвистическому картографированию *М. А. Бородиной* (Ленинград). В настоящее время завершается составление корпуса атласа, идет доработка его текстовой части. Из-за лаку в справочных материалах атласа возникла необходимость в срочной рассылке анкет исполнителям ДАТЯ СССР по каждой из зон. От своевременности ответов на эти анкеты во многом зависит успешность работы по завершению ДАТЯ.

Заместитель председателя Советского комитета тюркологов *Э. Р. Тенишев* (Москва) выступил с отчетным докладом комитета за 1981 год, проинформировав собравшихся о наиболее значительных тюркологических публикациях 1981 года.

Несомненно значение небольшой по объему монографии *Н. А. Баскакова* «Алтайская семья языков и ее изучение» (М., 1981) для развития алтаистики в СССР. Немало работ было посвящено истории тюркских языков².

Заметным событием башкирского языкознания явился выход в свет большой нормативной академической «Грамматики современного башкирского литературного языка» (М., 1981 — коллектив авторов; отв. редактор *А. А. Юлдашев*). Немало интересных проблем поставлено в книге *Н. Н. Джанашиа* «Морфология турецкого глагола» (Тбилиси, 1981)³.

Описание малоизученного прежде тюркского языка Сибири дано в книге *Л. В. Дмитриевой* «Язык барабинских татар» (Л., 1981).

Вышли в свет очередной «Тюркологический сборник. 1977» (М.—Л., 1981), а также сборники, выпущенные научно-исследовательскими институтами⁴. В некоторых из этих сборников, а также в самостоятельных работах освещались вопросы фонетики, орфографии и пунктуации⁵.

По-прежнему большое внимание уделялось лексикологии, в том числе этимологии, фразеологии, топонимике, лексической стилистике⁶.

Продолжалось монографическое описание диалектов тюркских языков⁷. Вышел в свет сборник «Лингвистическая география и проблемы истории языка» (Ч. I — II. Нальчик, 1981).

В поле зрения тюркологов находились проблемы нормализации современных национальных литературных языков⁸, а также вопросы их истории⁹.

Продолжались контрастное изучение русского и тюркских языков¹⁰, исследования социолингвистического характера¹¹.

Ведется изучение истории отечественной тюркологии¹². Вышел в свет очередной том «Истории лингвистических учений» («Средневековый Восток». Л., 1981), в котором опубликованы статьи *А. Н. Кононова* и *Х. Г. Нигматова* «Махмуд Кашгарский о тюркских языках» и *Д. М. Насилова* «Лингвистические взгляды Алишера Навои». Составляются библиографические указатели по языкознанию¹³.

В 1981 году защищено десять докторских и около тридцати кандидатских диссертаций по тюркскому языкознанию¹⁴.

1981-ый год был богат публикациями фольклорных текстов: вышли в свет три очередных тома «Каракалпакского фольклора» (тт. VII, VIII, IX — Нукус, 1981), башкирский народный эпос «Урал-батыр» (Уфа, 1981) и богатырские сказки¹⁵. Опубликован «Библиографический указатель по фольклору Узбекистана»¹⁶.

Большой интерес для историков языка представляют публикации по исторической географии и этнической истории Центральной Азии, источниковедению и историографии¹⁷.

В соответствии с планом работы Советского комитета тюркологов 11 ноября 1981 года в Уфе состоялось рабочее совещание по вопросам полевой, камеральной и энциклопедической археографии Урало-Поволжья, организованное Южноуральским отделением Археографической комиссии Академии наук СССР и Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР¹⁸.

27 февраля 1981 года состоялась конференция, посвященная 90-летию со дня рождения *Е. Д. Поливанова*¹⁹.

В Институте языкознания Академии наук СССР (октябрь 1981 г., Москва) состоялось совещание «Теория и практика этимологических исследований», посвященное восьмидесятилетию со дня рождения *Э. В. Севортяна*, с участием лексикологов, работающих в области славянской, иранской, тюркской и кавказской этимологии²⁰.

В ноябре 1981 года в Баку проводилась выездная сессия экспертного совета Высшей аттестационной комиссии, в работе которой приняли участие многие члены Советского комитета тюркологов.

Э. Р. Тенишев подробно рассказал также о ведущейся в стране работе над «Лингвистическим атласом Европы» (ЛАЕ).

Обрабатываются полевые материалы, собранные летом 1981 года в Монголии для второго тома «Корпуса древнетюркских памятников» — «Рунические памятники Монголии». По третьему тому «Памятники тюркской рунической письменности Алтая» за два года полевых исследований факсимильно скопированы и сняты на пленку 37 надписей региона.

Продолжалась также работа над «Корпусом эпиграфических памятников Поволжья» и «Корпусом армянонписменных памятников кыпчакского языка XVI в.».

Советским комитетом тюркологов собрана информация о планируемых научно-исследовательских учреждениях и вузах страны на XI пятилетку тюркологических исследований. На основании этих информации разрабатываются соответствующие рекомендации по повышению теоретического уровня филологических трудов и улучшению дела координации научно-исследовательской работы на местах.

В заключение доклада Э. Р. Тенишев информировал собравшихся о выполнении предложений и рекомендаций VII пленарного заседания Советского комитета тюркологов.

По докладу ученого секретаря Комитета Г. Ф. Благовой был утвержден план работы Советского комитета тюркологов на 1982 год (печатается ниже). Говоря о предстоящей IX региональной конференции по тюркской диалектологии, Г. Ф. Благова предложила обсудить на ней проблемы региональной координации диалектологических исследований (например, в пределах каждой из зон, которые были вычленены при работе над ДАТЯ СССР) и приступить к разработке примерной программы обследований.

Дополняя отчетный доклад, А. Н. Кононов обратил внимание присутствующих на изданную в Алма-Ате в 1981 году книгу «Развитие казахского советского языкознания», в которой подводятся итоги полувекковой деятельности казахских языковедов.

Б. Ч. Чарьяров (Ашхабад) информировал заседание о подготовке к проведению IV Всесоюзной тюркологической конференции в Ашхабаде в 1984 году.

З. Г. Ураксин (Уфа) рассказал о ходе подготовки IX региональной конференции по тюркской диалектологии, которую намечено провести в сентябре с. г. в Уфе.

В обсуждении докладов приняли участие тюркологи Москвы, Ленинграда, многих союзных и автономных республик.

Э. Р. Тенишев отметил, что прослушанные доклады убедительно свидетельствуют об успехах советской тюркологии за шесть десятилетий. Работа ведется большая, углубленная, серьезная. Все более заметна специализация тюркологических исследований по республикам. Он поставил вопрос

о более эффективном кооперировании усилий тюркологов, об оказании помощи монголоведам, предложил организовать при Советском комитете тюркологов секцию монголоведения.

Н. А. Баскаков (Москва) внес предложение включать в повестку пленарных заседаний Комитета теоретические доклады. По его мнению, теория грамматики в настоящее время переживает период застоя: в грамматических описаниях различных тюркских языков используются одни и те же схемы распределения материала. По его словам, в тюркском языкознании еще нет однозначных ответов на вопросы о границах словообразования и словоизменения, о природе тюркского предложения, о членении частей речи.

К. М. Мусаев (Москва) призвал больше внимания уделять исследованию языковых процессов, происходивших в годы Советской власти. Он предложил также, чтобы пленарные заседания Советского комитета тюркологов впредь проводились в различных тюркологических центрах.

Л. А. Покровская (Ленинград) высказала мнение о необходимости пересмотра грамматических схем, заимствованных из русского и индоевропейского языкознания, по которым все еще продолжают описываться тюркские языки. Отдельные тюркологи (М. З. Закиев, И. А. Андреев, В. Г. Гузев, Д. М. Насилов, Л. А. Покровская и др.) своими работами положили начало такому пересмотру. Тем самым подготавливается база для грамматического описания тюркских языков на основе их собственного материала с ориентацией на грамматические разработки по другим восточным языкам.

В. А. Никонов (Москва) затронул методические вопросы ономастических исследований. По его мнению, использование обобщенного термина «тюркский пласт» в ономастике неправомерно, ибо каждый из тюркских языков имеет свой собственный «пласт» и о них следует говорить дифференцированно. Говоря о проблемах тюркского стихосложения, он отметил, что каждая система стихосложения интернациональна и может быть использована на любом языке и поэтому неправильно считать ее зависящей от строя языка.

В. А. Никонов выступил также против ненаучной этимологизации топонимов, порожденной, по его мнению, стремлением отдельных исследователей приписывать тому или иному народу территорию, якобы издревле ему принадлежащую.

Темой выступления Р. К. Кунгурова (Самарканд) были языковые вопросы стилистики тюркских языков.

А. М. Щербак (Ленинград) говорил о взаимообогащающей деятельности старых и новых тюркологических центров. Он остановился на разрабатываемой ныне сравнительной грамматике юго-западной группы тюркских языков. Очень важно, отме-

тил А. М. Щербак, обеспечить это фундаментальное предприятие такими надежными источниками, как письменные памятники и данные диалектологии. Он предостерег составителей от недооценки значения материалов тюркских языков и диалектов огузской группы, распространенных за пределами Советского Союза, сведения о которых имеются в малодоступных и редких публикациях (языки хорасанотюркский, халладжский, сонкорский).

Касаясь вопроса о тюркском стихосложении, А. М. Щербак присоединился к точке зрения В. М. Жирмунского, согласно которой стихотворная система должна соответствовать особенностям каждого языка.

Е. И. Убрятова (Новосибирск), коснувшись доклада А. Т. Кайдарова, рассказала о взаимобогащающих научных контактах, существующих между Институтом языкознания Академии наук Казахской ССР и сектором языков народов Сибири отдела филологии Института истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР. Эти контакты особенно плодотворны в области экспериментальной фонетики.

Е. И. Убрятова информировала заседание о том, что в составе Института истории, филологии и философии (ИИФФ) намечено создание нового подразделения фольклора, на которое будет возложено издание эпоса народов Сибири в 60 томах. В настоящее время обсуждается также вопрос о возможности включения Хакасского, Тувинского и Алтайского научно-исследовательских институтов в систему Сибирского отделения Академии наук СССР.

Д. Г. Тумашева (Казань), говорила о большой социальной значимости исследований, проводимых в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР и Якутском филиале АН СССР. ИИФФ проводит работу по сохранению памятников материальной и духовной культуры, подготовке многотомного издания фольклора народов Сибири. Социолингвистические исследования, начатые В. А. Аврориним и продолженные отделом филологии, научное исследование языка долган Е. И. Убрятовой создали основу для разработки долганского алфавита и письменности. В начале 1981 года состоялось совещание на тему «Ревитализация языков народов Севера» с участием представителя ЮНЕСКО. Отделом филологии ИИФФ проводится большая работа по подготовке кадров тюркологов и объединению усилий ученых, занимающихся изучением языков и диалектов Сибири.

М. И. Боргояков (Абакан) сообщил о том, что в 1981 году закончена публикация «Материалов по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири» А. П. Дульзона²¹, в которых содержится по 917 предложений на нижнечулымском и среднечулымском диалектах (ответы на вопросы, сфор-

мулированные на русском языке); такие параллельные данные весьма полезны для сравнения этих диалектов. Кроме того, в «Материалах» опубликованы также эуштинские и кызыльские тексты. Как полагал А. П. Дульзон, бесписьменные тюркские наречия Западной Сибири представляют теоретический интерес из-за близости к древнетюркскому языку, сохранившейся благодаря их периферийному положению в тюркском языковом регионе. Интересны они и в связи с тем, что имели продолжительные контакты с неродственными или отдаленно родственными языками, подвергаясь влиянию иноязычного субстрата.

В связи с докладом М. З. Закиева Л. А. Покровская отметила, что идея о формировании советского языкового союза плодотворна и способствует более полному исследованию воздействия русского языка на развитие тюркских. Л. А. Покровская сообщила, что в Ленинградском отделении Института языкознания Академии наук СССР начата работа над темой «Основы балканского языкознания», при разработке которой впервые должно внимание будет уделено изучению тюркских языков Балкан.

Ю. Д. Дешериев (Москва), указав, что в 60-х годах уже возникал вопрос о языковом союзе в масштабах СССР, отметил нецелесообразность сведения весьма сложной проблематики к региональным проблемам. Он указал также, что «национальные варианты русского языка», о которых говорил М. З. Закиев в своем докладе, характеризуются особенностями, не соответствующими нормам русского языка, и являются результатами нежелательной его креолизации.

Б. Х. Хасанов (Алма-Ата), подчеркнув важность общественных функций каждого тюркского языка, предложил разграничивать два различных явления — владение русским языком наряду с родным и полный переход на русский язык. По его мнению, социолингвистические исследования на материале тюркских языков требуют большего внимания со стороны Советского комитета тюркологов.

И. М. Огаров (Нальчик) остановился на вопросах, связанных с развитием карачаево-балкарского языка за годы Советской власти и подчеркнул необходимость дальнейшего совершенствования алфавита и орфографии этого языка.

А. Н. Барулин (Москва) говорил о важности своевременного перевода на русский язык зарубежных работ по тюркскому языкознанию. Советские тюркологи мало информируются о зарубежных научных дискуссиях.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) сообщил, что в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» находится сборник «Новое в зарубежной тюркологии», в который включены переводы работ ученых разных стран по древнетюркской и

средневековой тюркской тематике, написанных до 1974 года.

Н. А. Баскаков сказал, что им совместно с Э. Р. Тенишевым для издательства «Прогресс» составлена сводка литературы по тюркскому языкознанию, рекомендуемой к переводу на русский язык и последующему изданию.

А. Н. Кононов, отметив своевременность поднятого вопроса, обратился к А. Н. Барулину с просьбой составить подборку из наиболее интересных зарубежных работ по тюркскому языкознанию с тем, чтобы предложить ее редакции журнала «Советская тюркология». Он указал, также, что есть еще один путь ознакомления широких кругов тюркологов с новейшей зарубежной литературой — это своевременное рецензирование появляющихся книг.

В. Д. Димитриев (Чебоксары) рассказал о работе языковедов Чувашии, занятых подготовкой трехтомного труда «Современный чувашский язык» (на русском языке) и многотомного «Этимологического словаря чувашского языка», а также изучением чувашской фразеологии. Он говорил также об осуществляемом в последние годы целенаправленном пересмотре вопросов этногенеза и древней истории татарского и чувашского языков и предложил провести научную сессию по проблемам этногенеза татарского и чувашского народов, истории татарского и чувашского языков.

Ш. Ф. Мухамедьяров (Москва) предложил делать на пленарных заседаниях Комитета (или на его выездных сессиях) квалифицированные обзоры новейшей литературы по истории тюркоязычных народов.

Р. Бердибаев (Алма-Ата) отметил целесообразность включения в повестку дня пленарных заседаний Комитета также докладов литературоведов и историков. Большой интерес для тюркологов всех специальностей представляли бы доклады по вопросам этногенеза тюркоязычных народов, по истории народов, входивших в состав, например, Золотой Орды или державы Тимура, по освещению борьбы тюркоязычных народов против засилья Золотой Орды, что ускорило распад последней.

М. А. Хабичев (Карачаевск) говорил о необходимости проведения обсуждения на специальной конференции, организованной под эгидой Советского комитета тюркологов, результатов обследования древних городов Карачаево-Черкесии, в которых обнаружены памятники рунической письменности.

И. Г. Галютдинов (Уфа) сообщил об активизации работы по камеральной и полевой археологии Урало-Поволжья и публикации ее результатов.

И. Г. Добродомов (Москва) рассказал о совместной работе тюркологов и русистов по изучению тюркских деловых документов хивинского и бухарского происхождения (XVIII в.), ведущейся на кафедре общего языкознания Московского государст-

венного пединститута им. В. И. Ленина. Он солидаризировался с В. А. Никоновым в вопросе о вредности дилетантских упражнений в топонимических разысканиях и в свою очередь отметил случаи некомпетентности при оценке ономастических исследований.

И. А. Андреев (Чебоксары) высказал мнение, что в целях координации и кооперации усилий профессорско-преподавательских составов вузов тюркоязычных республик по совершенствованию преподавания тюркологических дисциплин было бы полезно на пленарных заседаниях Советского комитета тюркологов предварительно рассматривать соответствующие учебные планы.

О необходимости готовить кадры тюркологов общего профиля говорил *А. А. Ахундов* (Баку), предложивший Комитету рекомендовать для издания в качестве учебных пособий по специальности «Родной язык и литература» такие исследования, как «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» Б. А. Сербренникова и Н. З. Гаджиевой, «Тюркские языки» и «Введение в тюркологию» Н. А. Баскакова, «Курс турецкой грамматики» С. Н. Иванова. А. А. Ахундов также информировал заседание о научно-исследовательской работе по тюркскому языкознанию, которую ведут языковедческие кафедры филологического и восточного факультетов Азербайджанского госуниверситета им. С. М. Кирова.

Э. Г. Азербайев (Москва), работающий над изучением японо-тюркских языковых связей, предложил готовить кадры по алтаистике с тем, чтобы обеспечить дальнейшее развитие алтайского языкознания.

А. Н. Кононов в связи с этим предложением указал, что для этого нужна кооперация и координация усилий не только тюркологов, но и тунгусо-маньчжуроведов, монголистов, японистов, корейистов; необходимо также разработать методику алтаистических исследований.

В связи с этим *М. З. Закиев* высказался за включение в состав членов Советского комитета тюркологов не только монголоведов, но и шире — алтаистов.

По мнению *Н. А. Баскакова*, при подготовке новых кадров тюркологов широкого профиля целесообразно сочетать изучение тюркских и алтайских языков, а также тюркских и арабского, персидского языков.

Заместитель главного редактора журнала «Советская тюркология» *И. С. Сеидов* (Баку) сказал, что вот уже двенадцать лет, как выходит журнал «Советская тюркология». Сейчас никто не сомневается в том, что его организация стала заметной вехой в истории развития современной тюркологии. И. С. Сеидов кратко остановился на тех трудностях, которые постоянно приходится преодолевать редакции для успешного издания журнала. Эти трудности прежде всего связаны с самоотверженной рабо-

той редакции над поступающими с мест текстами, а также с ее усилиями по преодолению задержки набора журнала и выпуска его отдельных номеров издательством и типографиями. Недостаточно богат портфель редакции статьями теоретического и обобщающего характера. Не все тюркологические издания своевременно рецензируются специалистами. Нерегулярно поступает в редакцию информация о тюркологической научной жизни в республиках и областях и т. д. И. С. Сеидов призвал тюркологов к более активному и регулярному выступлению в журнале с учетом его многочисленных рубрик.

И. С. Сеидов отметил, что отчет Советского комитета тюркологов должен быть теснее увязан с планом работы самого комитета; вместе с тем, подчеркнул он, включающаяся в настоящее время в отчет обширная информация о проводящихся в стране тюркологических изысканиях, несомненно, весьма интересна и полезна.

Говоря о выступлении В. А. Никонова, И. С. Сеидов выразил свое несогласие с его мнением о равной применимости всех поэтических размеров ко всем языкам и стихотворным системам. Он присоединился к мнению В. М. Жирмунского, поддержанному также А. М. Щербаком, о национальной специфике метрических размеров и возмож-

ности успешного использования каждого из них лишь в определенных языках и стихотворных системах.

И. С. Сеидов выступил также против неверной, с его точки зрения, интерпретации В. А. Никоновым причин неудачных, а нередко и ошибочных утверждений некоторых тюркологов в области этимологии.

Т. М. Гаринов (Уфа) предложил более регулярно освещать на страницах журнала «Советская тюркология» наиболее актуальные события научной и культурной жизни тюркоязычных республик.

Н. А. Баскаков поставил вопрос о необходимости издания давно подготовленного коллективного труда «Диалекты тюркских языков СССР» при условии модернизации входящих в него очерков.

А. Н. Кононов сообщил, что русский перевод «Дивану лугат ит-турк» Махмуда Кашгарского, выполненный А. Рустамовым, в настоящее время находится в издательстве «Наука»; закончено его редактирование. Перевод снабжен обширным предисловием (около трех а. л.), а также указателями.

В заключение И. В. Кормушин (Москва) зачитал резолюцию VIII пленарного заседания Советского комитета тюркологов (публикуется ниже).

Г. Ф. Благова

¹ Тексты большинства докладов будут опубликованы в журнале «Советская тюркология» в текущем году.

² М. А. Боргояков. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981; В. Г. Кондратьев. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII — XI вв., Л., 1981; М. Тома-нов. Қазақ тілінің тарихы грамматикасы. Фонетика, морфология. Алматы, 1981; А. И. Чайковская. Тюркская грамматика в арабизированных филологических трактатах XIII — XIV вв. (Глагол). Ташкент, 1981; «Исследование языка древнеписьменных памятников». Казань, 1980; А. С. Аманжолов. Тюркская руническая графика (методическая разработка). Алма-Ата, 1980.

³ Из других грамматических работ можно назвать: Х. Байлыев. Сайланан ишлер. Ашгабат, 1981; «Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири». Новосибирск, 1981; Н. Е. Петров. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1981; М. Соегов. Деепричастия в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1981; А. Н. Гаркавец. Проблема выделения инфинитива в урумском языке. — Журн. «Мовознавство», Киев, 1981, № 1 (на украинск. яз.); «Лексико-морфологическая структура тюркских языков», Баку, 1981.

⁴ «Вопросы изучения алтайского языка», Горно-Алтайск, 1981; «Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка». Чебоксары, 1981; «Исследования по

современному хакасскому языку». Абакан, 1981; «Вопросы азербайджанского языкознания», Баку, 1981.

⁵ «Экспериментально-фонетические исследования сибирских языков». Новосибирск, 1981; С. Куренов, А. Молдаева, А. Сапаева. Интонация ответных и побудительных фраз в туркменском языке. Ашхабад, 1981; В. Н. Тадыкин, А. Т. Тыбыкова. Орфография и пунктуация алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981; Ф. И. Оглух, А. Н. Гаркавец. Особенности фонетики и морфологии одного из урумских говоров. — Журн. «Мовознавство», Киев, 1980, № 1 (на украинск. яз.).

⁶ «Узбек тили лексикологияси». Ташкент, 1981; «Исследования по этимологии чувашского языка». Чебоксары, 1981; А. Г. Нелунов. Глагольная фразеология якутского языка. Якутск, 1981; С. Атаниязов. Топонимика Туркменистана. Ашхабад, 1981; «Вопросы башкирской топонимии», Уфа, 1981; Е. С. Отин. Оронимия Юго-Восточной Украины. — «Мовознавство», Киев, 1981; № 3 (на укр. яз. — Авторам предлагаются этимологии ряда оронимов тюркского происхождения); Н. В. Бикбулатов. Башкирская система родства. М., 1981 (представляющая интерес и для языковедов); Т. Эфендијева. Азербайжан дилинин лексик услубияты. Баки, 1980.

⁷ Қ. Муҳаммаджонов. Жанубий Қозогистондаги ўзбек шевалари (Қорлуқ ва кипчок тип шева материаллари асосида). Ташкент, 1981; «Исследования и материалы по баш-

кирской диалектологии. Уфа, 1981; «Диалекты и топонимия Поволжья». Чебоксары, 1981; Ф. Ю. Юсупов. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. Казан, 1979.

⁸ См., например: «Некоторые вопросы нормализации туркменского литературного языка». Ашхабад, 1981; «Вопросы культуры речи». Чебоксары, 1981 (на чувашск. яз.).

⁹ См. соответствующие разделы в монографии «Типы наддиалектных форм языка» (М., 1981), а также в сборнике «Алишер Навоий и жодини ўрганиш масалалари» (Самарканд, 1981).

¹⁰ О. Назаров. Русские заимствования в туркменском языке. Ашхабад, 1981; «Проблемы типологии татарского и русского языков». Казань, 1980.

¹¹ «Могучий фактор национально-языкового развития». Фрунзе, 1981.

¹² См.: Е. И. Оконешиников. Пекарский как лексикограф. Новосибирск, 1981; «Развитие гуманитарных исследований в Якутии». Новосибирск, 1981; См. также: Ф. Д. Ашнин. Первая печатная научная грамматика якутского языка (Вопрос о названии). — «Тюркологический сборник. 1977». М., 1981.

¹³ М. Ядгарова. Узбекское языкознание. Указатель литературы. Вып. 6. — 1976 — 1977. Ташкент, 1981.

¹⁴ Ниже приводятся библиографические данные об авторефератах докторских (далее — АДД) и кандидатских (далее — АКД) диссертаций, полученных Комитетом: Л. Абдуллаева. Стилистика узбекского языка. АДД. Ташкент, 1981; Т. Айдаров. Ареальная характеристика диалектной лексики казахских говоров Узбекистана. АДД. Алма-Ата, 1980; З. А. Ализаде. Азербайджанские пословицы и поговорки и их лексико-семантический анализ. АДД. Баку, 1981; И. Х. Ахматов. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. АДД. М., 1980; М. М. Джафарзаде. Синтаксис диалектов и говоров азербайджанского языка. АДД. Баку, 1981; Н. Х. Максимова. Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование). АДД. Баку, 1980; Х. Назарова. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV — начала XVI века. АДД. Ташкент, 1980; В. Ш. Псянчин. Развитие форм именных частей речи башкирского языка. АДД. Баку, 1981; М. С. Сергалиев. Синтаксическая синонимия в современном казахском литературном языке. АДД. Алма-Ата, 1981; М. А. Усманов. Жалованные акты Джучиева улуса XIV — XVI вв. АДД. М., 1981; М. И. Ахметзянов. Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах (по источникам XIX — XX вв.). АКД. Алма-Ата, 1981; К. Амиргалиев. Семантико-грамматические функции частиц тюркских языков (на материале каракалпакского, узбекского, казах-

ского языков). АКД. Алма-Ата, 1981; Р. Х. Аннаева. Грамматическая структура и семантика устойчивых словосочетаний (на базе названий частей тела) в памятниках туркменского языка. АКД. М., 1981; Е. Ф. Васильева. Синонимы в чувашском языке. АКД. Алма-Ата, 1981; К. А. Джапарова. Прямое дополнение в современном киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1981; Е. З. Кажибеков. Тюркский лексико-грамматический синкретизм односложных корней. Основ. АКД. Алма-Ата, 1981; Р. Кайрбаева. К. Брокельман о словообразующих формантах в языках тюркских племен XI в. (по материалам «Дивану лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгари). АКД. Алма-Ата, 1981; К. Пирниязов. Формирование и развитие каракалпакской лингвистической терминологии. АКД. Алма-Ата, 1981.

¹⁵ «Башкирские богатырские сказки». Уфа, 1981; «Башкирское народное творчество. Сказки». Кн. 4. Уфа, 1981; «Башкирское народное творчество. Советский фольклор». Кн. 1. Уфа, 1981.

¹⁶ А. М. Бушуй, Р. Х. Салимова, Т. А. Бушуй, Р. Журакулов, Б. Ю. Юлдашев. Библиографический указатель по фольклору Узбекистана. Сказки Узбекистана. I т. Самарканд, 1981.

¹⁷ См., например: А. Г. Малявкин. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск, 1981; «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.)». М., 1981; «Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников (ИБ АН СССР)». Т. 1. — Вопросы истории, идеологии, философии, культуры народов Востока. Источниковедение, историография. М., 1981; «История Уфы». Краткий очерк. Уфа, 1981; «50 лет Хакасской автономной области». Абакан, 1981; «Молодые ученые и специалисты Кузбасса в X пятилетке». Кемерово, 1981.

¹⁸ См.: И. Г. Галаятудинов. Проблемы тюркской археологии Урало-Поволжья. — «Советская тюркология», 1981, № 6, стр. 99 — 100.

¹⁹ См.: Г. Ф. Благова. К девятидесятилетию со дня рождения Евгения Дмитриевича Поливанова. — «Советская тюркология», 1981, № 1; ее же. Е. Д. Поливанов и тюркская ареальная лингвистика. Там же.

²⁰ См.: Л. С. Левитская. Совещание «Теория и практика этимологических исследований». — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». 1982, № 3; Г. Ф. Благова. Теория и практика этимологических исследований. — «Советская тюркология», 1981, № 5.

²¹ См.: «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ». Вып. XVIII, Абакан, 1973, стр. 187 — 207; «Вопросы хакасской филологии». Абакан, 1977, стр. 150 — 178; «Исследования по современному хакасскому языку». Абакан, 1981, стр. 132 — 150.

ПЛАН РАБОТЫ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ, ПРОВОДИМОЙ
СОВМЕСТНО С НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ
АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НА 1982 ГОД.

1. Проведение IX региональной конференции по тюркской диалектологии.
Исполнители: Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (З. Г. Ураксин, Н. Х. Максютова), Башкирский государственный университет (Гайнуллин, Зайнуллин).
Срок: сентябрь 1982 г.
2. Редактирование карт пробного «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР), написание вводной статьи к пробному тому (5 — 6 а. л.), составление справочного аппарата к атласу, составление смет для картографической фабрики, что связано с вопросами финансирования издания.
Исполнители: сектор языков народов Сибири отдела филологии ИИФФ Сибирского отделения АН СССР (Е. И. Убрятова, Н. Н. Широкова, Т. А. Андреева). Научные консультанты по лингвистическому картографированию: М. А. Бородина и инженер-картограф Б. Н. Рубцов.
Сроки: 1981 — 1983 гг.
3. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР).
Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи Татарской АССР, Чувашской АССР, Башкирской АССР, Молдавской ССР, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской АО.
Сроки: 1978 — 1987 гг.
4. Организация и проведение Совещания по общим вопросам диалектологии и истории языка.
Исполнители: Научный совет по диалектологии и истории языка при ОЛЯ АН СССР, (Э. Р. Тенишев), Волгоградский государственный университет.
Срок: сентябрь 1982 г.
5. Организация и проведение конференции на тему «Изучение диалектов Сибири».
Исполнители: Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.
Срок: 17 — 19 мая 1982 г.
6. Подготовка второго и третьего томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности» — «Рунические памятники Монголии» и «Памятники тюркской рунической письменности Алтая».
Исполнители: II том — Тюрко-монгольский кабинет ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный), III том — отдел памятников письменности народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев) и Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы.
Сроки: 1979 — 1985 гг.
7. Завершение «Корпуса эпиграфических памятников Поволжья» (объем — 30 а. л.).
Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (Ф. С. Хакимзянов).
Сроки: 1978 — 1982 гг.
8. Подготовка «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI в.» (в двух частях, общий объем — 40 а. л.).
Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).
Сроки: 1980 — 1985 гг.
9. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических научных учреждениях союзных республик.
Исполнитель: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.
Сроки: 1981 — 1983 гг.
10. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических центрах союзных республик.
Исполнитель: секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).
Сроки: 1981 — 1986 гг.
11. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (руководитель М. М. Гухман) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.
Исполнитель: Э. Р. Тенишев.
Сроки: 1981 — 1986 гг.

12. Координационная работа по тюркской полевой, камеральной и эдиционной археографии Урало-Поволжья. Составление схемы-описания тюркоязычных рукописей (объем — 5 а. л.).

Исполнители: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин), ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР (И. Г. Галаяутдинов), ЛО Института языкознания АН СССР (С. Н. Муратов).

Сроки: 1981 — 1985 гг.

13. Подготовка к проведению рабочей встречи тюркологов-этимологистов в г. Чебоксары.

Исполнители: НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР.

Срок: 1983 г.

14. Подготовка к проведению совещания по вопросам каталогизации тюркоязычных, арабоязычных, ираноязычных и монголоязычных рукописей.

Исполнители: Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (З. Г. Ураксин, И. Г. Галаяутдинов).

Срок: 1983 г.

15. Учет публикаций тюркоязычных рукописей и текстологических исследований.

Исполнитель: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки: 1981 — 1986 гг.

16. Обсуждение учебных программ пособий по курсам «Введение в тюркологию» и «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» для вузов тюркоязычных республик.

Исполнитель: Чувашский государственный университет (И. А. Андреев).

Срок: 1983 г.

17. Проведение VIII Пленарного заседания Советского комитета тюркологов.

Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).

Срок: март 1982 г.

18. Подготовка очередного IX Пленарного заседания Советского комитета тюркологов.

Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).

Срок: март 1983 г.

19. Подготовка IV Всесоюзной тюркологической конференции.

Исполнители: Институт языка и литературы АН Туркменской ССР, Отделение литературы и языка АН СССР, Советский комитет тюркологов, Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок: 1984 год.

РЕЗОЛЮЦИЯ

VIII ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Москва, 10 марта 1982 г.

VIII пленум Советского комитета тюркологов, проходивший в Москве 9—10 марта 1982 года, был посвящен 60-летию образования СССР.

Претворение в жизнь ленинской национальной политики КПСС обеспечило всестороннее развитие братской семьи народов Советского Союза, способствовало небывалому подъему их экономики, культуры и науки. Процессы нашего национального строительства, его впечатляющие результаты и грандиозные перспективы глубоко раскрыты в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». Как сказано в нем, «В стране установились зрелые социалистические общественные отношения, решена в основном задача выравнивания уровня экономического развития советских республик. Обеспечено фактическое и юридическое равенство всех наций и народностей. Сформировалась новая историческая общность людей — советский народ. Эта общность основывается на не-

раздельности исторических судеб советских людей, на глубоких объективных изменениях как материального, так и духовного порядка, на нерушимом союзе рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Она — результат возрастающей интернационализации хозяйственной и всей общественной жизни, развития в нашей стране социалистических наций, между которыми сложились отношения подлинного равноправия, братской взаимопомощи и сотрудничества, уважения и взаимного доверия».

Заслушав и обсудив доклады о состоянии и перспективах работы ряда республиканских научно-исследовательских центров, а также отчет о деятельности СКТ за 1981 год, пленум констатирует следующее.

Отчетный период ознаменовался новыми достижениями советской тюркологии, появились многочисленные исследования по языкознанию, литературоведению, фольклористике и истории тюркоязычных народов, продолжалась работа над фундаментальными трудами, целенаправленно велась подготовка кадров. Вышли в свет очередные тома толковых словарей на национальных языках, двуязычные и терминологические словари, академические грамматики ряда языков, исследования по сравнительной и исторической грамматике, лексикологии и диалектологии тюркских языков.

Вместе с тем советским тюркологам в ближайшем будущем предстоит решить в своей деятельности целый ряд научно-организационных проблем.

1. Развитие общественных функций тюркских языков усиливает значение теоретических и практических разработок в области нормирования литературных языков и пропаганды культуры речи. СКТ поддерживает важную инициативу Академии наук Казахской ССР — предложение об издании массового научно-популярного журнала «Қазақ тілі».

2. Настоятельной задачей современности является целенаправленное изучение процессов взаимовлияния русского и тюркских языков в условиях активного тюрко-русского двуязычия. Актуальность таких исследований обуславливается все возрастающей ролью русского языка как средства межнационального общения на всей территории Советского Союза.

3. СКТ просит организаторов IX региональной конференции по диалектологии тюркских языков в г. Уфе (сентябрь 1982 г.) выдвинуть в центр обсуждения состояние завершаемого ДАТЯ СССР и вводной статьи к нему (по докладу Е. И. Убрыатовой, Н. Н. Широбоковой и М. А. Бородинной), предстоит решить проблемы финансирования издания ДАТЯ СССР (по докладу М. Ш. Ширалиева).

В целях налаживания региональной координации диалектологических исследований организаторам IX конференции необходимо предусмотреть обсуждение возможностей разработки единых планов, программ и вопросов для обследования тюркских диалектов по исторически сложившимся регионам.

4. Возросший объем тюркологической информации все острее ставит вопрос о необходимости применения современных методов ее обработки, хранения и использования, в том числе с помощью ЭВМ. В связи с этим пленум СКТ рекомендует руководителям научно-исследовательских центров поставить эти вопросы в круг практических задач своей деятельности.

5. СКТ придает большое значение дальнейшему совершенствованию действующих учебных планов и доработке типовых программ для вузов с профилирующей тюркологической подготовкой, а также обеспечению студентов соответствующими учебниками по дисциплинам следующих циклов: общелингвистического, профилирующего, историко-лингвистического, теоретико-литературного, историко-литературного, методического.

6. Отмечая успехи исторической лексикологии и этимологии, СКТ призывает ученых, работающих в данной области, обеспечивать в своих разысканиях строгую методическую выдержанность, лингвистическую и историко-культурную фундированность предлагаемых этимологий.

7. Пленум поручает Бюро СКТ обсудить вопрос об организации в рамках СКТ специализированных симпозиумов по наиболее актуальным теоретическим вопросам частных дисциплин с целью апробации эффективных подходов к их решению.

8. Отмечая определенную положительную работу последних лет в области тюркского источниковедения, СКТ обращает внимание исполнителей и ответственных редакторов на необходимость всемерного повышения уровня текстологической подготовленности и филологической обработанности издаваемых источников.

9. СКТ обращает внимание историков науки на то, что в области истории отечественной тюркологии белым пятном остается научно-организационная работа начального этапа советского национально-культурного строительства.

10. На разных этапах прохождения рукописей в издательствах оседает немало актуальных научных работ. Особенно неблагоприятная судьба постигает словари как многообъемные издания, в частности такой ценный труд, как «Историко-сравнительный словарь XIV в.» (1-й том вышел в свет в 1979 г.) и ряд толковых национальных словарей.

11. Пленум СКТ выражает пожелание редколлегии журнала «Советская тюркология» в целях повышения уровня взаимной информированности практиковать публикацию резюме годовых отчетов тюркологических учреждений о завершенных работах с их научной оценкой, а также списки изданных за год трудов; тюркологическим учреждениям своевременно представлять в редакцию подобную информацию; целесообразно шире внедрять практику заказов проблемных статей и тематических обзоров.

12. СКТ положительно оценивает инициативу Института востоковедения АН СССР по регулярному изданию переводов наиболее значительных работ иностранных ученых в сборниках «Новое в зарубежной тюркологии». Наряду с публикацией переводов необходимо предпринять организационные меры по более широкому рецензированию, реферированию и аннотированию новейшей зарубежной тюркологической литературы на страницах журнала «Советская тюркология» и других периодических и непериодических изданий.

13. Пленум поручает Бюро СКТ рассмотреть вопрос о целесообразности научно-организационной кооперации монголоведов в рамках деятельности СКТ.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Р. Г. Сигагатов* (Уфа). Полупредикативные конструкции в простом предложении 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- А. Н. Холмурадов* (Ташкент). Заимствованные элементы словообразования в узбекском литературном языке 13

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ж. М. Гузеев* (Нальчик). Лексикографическая разработка многозначных слов и генетически родственных омонимов в толковых словарях тюркских языков 19

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Г. Н. Зикриллаев* (Бухара). Синонимические отношения временных форм в узбекском языке 34

- В. И. Сергеев* (Чебоксары). Чередование *к—п* (*п—к*) и явление метатезы *пк* и *кп* в чувашском и некоторых других тюркских языках 43

- Ф. М. Агаева* (Баку). Структурно-семантические особенности сочетаний глаголов в азербайджанской разговорной речи 56

- М. И. Трофимов* (Ош). О «спонтанной» лабиализации и делабиализации гласных в современном уйгурском языке 64

- Э. Н. Наджип* (Москва). Тюркский язык делийского султаната XIV века 70

РЕЦЕНЗИИ

- Н. Н. Джанашиа* (Тбилиси). Туркан Эфэндијева. Азәрбајҹан дилинин лексик үслубијҹаты 89

- Ф. В. Ахметова, Д. Г. Тумашева* (Казань). Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар 90

- И. М. Отаров* (Нальчик). «Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии» 93

PERSONALIA

- А. Н. Кононов, А. П. Векилов, В. Г. Гузев* (Ленинград). Сергей Николаевич Иванов 95

- А. Меметов, С. Аширбаев* (Ташкент). Саид Усманович Усманов 97

ХРОНИКА

- Г. Ф. Благова* (Москва). Восьмое пленарное заседание Советского комитета тюркологов 99

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- R. G. Sibagatov* (Ufa). Semi-predicative constructions in simple sentence . . . 3

LANGUAGES IN CONTACT

- A. N. Kholmuradov* (Tashkent). Borrowed elements in word-formation of literary Uzbek 13

DISCUSSIONS

- Zh. M. Guzev* (Nalchik). Lexicographic elaboration of polysemantic words and genetically homonyms in dictionary of Turkic languages 19

REPORTS, SURVEYS

- G. N. Zikrillayev* (Bukhara). Synonymous relations of temporal forms in the Uzbek language 34
- V. I. Sergeyev* (Cheboksary). Alternation of *k-p* (*p-k*) and metathesis phenomena *pk > kp* in the Chuvash and other Turkic languages 43
- F. M. Agayeva* (Baku). Structural-semantic peculiarities of verbal combinations in the Azerbaijan colloquial speech 56
- M. I. Trofimov* (Osh). «Spontaneous» labialization and delabialization of vowels in the modern Uigur language 64
- E. N. Nadjip* (Moscow). Turkic language of the Delhi Sultanate in the XVI c. Vocabulary 70

REVIEWS

- N. N. Dzhanashia* (Tbilisi). Туркан Эфендијева. Азербайжан дилинин лексик услубијјаты 89
- F. V. Akhmetova, D. G. Tumasheva* (Kazan). Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар 90
- I. M. Otarov* (Nalchik). «Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии» 93

PERSONALIA

- A. N. Kononov, A. P. Vekilov, V. G. Guzev* (Leningrad). Sergey Nikolayevich Ivanov 95
- A. Memetov, S. Ashirbayev* (Tashkent). Said Usmanovich Usmanov 97

CHRONICLE

- G. F. Blagova* (Moscow). The VIII plenary session of the Soviet Committee of turkologists 99

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 2/VIII-1982 г. Подписано к печати 23/VIII-1982 г. ФГ 19503. Формат
бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5 Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 2115. Тираж 2900. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал